U 398/249

И 398/249

СЛОБОЖАНЕ

Малороссійскіе разсказы.

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

327

1498

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія В. В. Комарова, Невскій, 136—138.
1894.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
50585-46

733

СЛОБОЖАНЕ.

МАЛОРОССІЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

2007341087

ВВЕДЕНІЕ.

«Лучше быть первымъ въ мѣстечкѣ,
чѣмъ вторымъ въ Римѣ!»
Юлій Цезарь.

Малороссія историческимъ путемъ образовала три отдѣльныя страны. Запорожье, это славянское рыцарство, единственное въ мірѣ братство, жившее войной за родину и вѣру, представляетъ шумную, живописную вольницу днѣпровскихъ островитянъ, летавшихъ въ легкихъ лодкахъ, съ выборными атаманами, изъ бревенчатыхъ куреней за шелками, коврами и золотомъ Турецкой Анатоліи. Гетманщина, старая степная гетманщина, гдѣ на кровавомъ поединкѣ рѣшенъ споръ между туземнымъ населеніемъ и польскими старостами, между православіемъ и іезуитами, гдѣ вращались тѣни „Тараса Бульбы“ и „гайдамаковъ“ — представляется съ своими сожженными городами, съ гетманами и бунчуками, слѣпцами-бандуристами и отважнымъ казачествомъ... Третья часть Малороссіи, молодая, свѣтлая страна, степная Слобожанщина, представляетъ тихій, благодатный, живописный край, зеленые сады и пажити, широкія рѣки и торговые широкіе проселки, лѣса и города, молодые и богатые,

какъ самъ край, старину, у которой нѣтъ ни одного воинственнаго, громкаго имени, ни одного воинственнаго, громкаго событія, много счастливыхъ хуторовъ и слободокъ, мирныхъ добряковъ, лелѣющихъ мечтательную лѣнь, среди зеленыхъ весей и полей, героевъ домашняго очага, картинъ пустынныхъ гладей, усѣянныхъ душистыми цвѣтами, и этой благодатной старости и привольнаго дѣтства, среди тысячи предметовъ, питающихъ чудесность и страстную любовь къ родному пріюту... Что же это такое Слобожанщина и откуда она взялась? За двѣсти лѣтъ страна, именуемая Слободскою, представляла пустыню безлюдныхъ степей и дикихъ лѣсовъ, по которымъ носились одни дикіе татары и гдѣ возвышались одни дозорныя мѣста пограничныхъ обывателей. Четыреста лѣтъ сряду эта богатая область была безлюдна и пустынна, съ той самой поры, какъ набѣгъ ордынцевъ опустошилъ ее вмѣстѣ съ сосѣдними русскими княжествами. И вотъ, потомки ея владѣльцевъ вспомнили о покинутой отчизнѣ... Донецъ, на триста верстъ протянувши луговище своихъ водъ, лѣса и сѣнныя раздолья, родной Донецъ принялъ забытыхъ родичей, какъ нѣкогда онъ же, по словамъ пѣвца стараго времени, принялъ издалека князя Игоря. Золотая, туманная старина встала изъ мрака. Донецъ, по словамъ вѣщаго Слова, сказалъ Игорю: „Княже Игорю! Не мало-ль тебѣ нынѣ величія, а врагу нелюбія, а Русской землѣ веселія?„— И отвѣчалъ родной рѣкѣ князь Игорь: „О, Донче! Великъ ты, лелѣющій князя на волнахъ своихъ; великъ ты, стелющій ему зеленую траву на серебряныхъ прибрежіяхъ; великъ ты, одѣвшій его темными мглами, подъ сѣнію зеленаго полѣсья!“ Прошли многія столѣтія, и

описанное пѣвцомъ стараго времени снова возникло... За двѣсти лѣтъ назадъ близь береговъ Донца, верхомъ на изнуренномъ конѣ, показался чубатый гетманецъ, съ пищалью и котомкой за плечами, въ изношенной черкесскѣ и синей шапкѣ, подбитой смушками. Онъ окинулъ взоромъ безмолвную пустыню лѣсовъ и полей, гдѣ жили нѣкогда его мирные дѣды, страну, четыреста лѣтъ не видавшую своихъ родныхъ изгнанниковъ, и слѣзъ съ усталаго коня... На дикомъ, глухомъ мѣстѣ скоро поднялся уединенный курень; на зарѣ дымъ легкою струей всталъ надъ куренемъ; черезъ годъ въ сосѣдствѣ раскинулась пасѣка, въ прибрежномъ тростникѣ заколыхался подъ рыболовною сѣтью челнъ... Немного лѣтъ спустя, вокругъ куреня поднялись, какъ изъ земли, другіе бревенчатые курени. Изъ куреней возникъ хуторокъ, хуторокъ съ садами, бакшею, колодцами и хлѣбными кладями... Пять-шесть хуторковъ соединились внизъ по рѣкѣ въ одинъ, и возникла слободка. Слободка пустила въ степь, какъ корни, свои хутора и курени, свои сады и огороды; народъ засновалъ по перелѣскамъ и луговинамъ; стадо вышло на тучное пастбище; надъ оврагомъ заскрипѣлъ тяжелый возъ, запряженный парою круторогихъ воловъ; вечеромъ, сѣвши на порогѣ хатки, чернобровая слобожанка затянула пѣсню громкую и звучную; въ праздникъ изъ слободки понеслись звуки церковнаго колокола... Прошло еще нѣсколько лѣтъ. На вершинѣ кургана показались усы и рысья шапка татарина... Слободка засуетилась, окружилась палисадникомъ; изъ ея воротъ вышелъ съ распущенными значками легкій, летучій, безстрашный отрядъ; быстрый натискъ сломилъ и разметалъ враговъ; слободка стала крѣпостцей, отклик-

нулась другимъ городкамъ-слободкамъ, и пошла по свѣту вѣсть о новой странѣ, о молодой, богатой Слобожанщинѣ! Великій царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ во всеуслышанье, что даритъ русскому шляхетству и казакамъ Гетманщины и Запорожья земли по Донцу и сосѣднимъ рѣкамъ, и бросили русское шляхетство и вольные казаки землю смутную и обагренную кровью, бросили Гетманщину и Запорожье для тихой, новой страны, для страны хуторовъ и слободокъ! — Богатый край, подъ одной широтою съ сѣвернымъ Китаемъ и сѣверной Франціей, край, почти съ тремя милліонами десятинъ черноземной, нетронутой плугомъ, степи и полумилліономъ десятинъ лѣсовъ, край, гдѣ рѣки замерзаютъ въ началѣ декабря, а вскрываются въ началѣ марта, гдѣ морозъ постоянно не болѣе десяти, а зной на солнцѣ превышаетъ тридцать градусовъ; гдѣ, наконецъ, уже въ апрѣлѣ все дышетъ весною, летятъ птицы, цвѣтутъ деревья и кустарники, а въ концѣ іюня поспѣваетъ озимь, — этотъ край скоро возродился и закипѣлъ жизнью... Сперва отдѣльно, потомъ съ семьями, наконецъ, цѣлыми сотнями и тысячами семействъ стали бѣжать и переселяться въ Слобожанщину гетманскіе и запорожскіе казаки и русское шляхетство. Лучшія дворянскія фамиліи переселились въ окрестности полковыхъ сотенныхъ городковъ. Выборные полковники продолжали раздавать, безоброчно и безпошлинно, лѣса и водяныя мельницы, вольные грунты и сѣнныя угодья, ольховые пристѣны, озера и пасѣки. Тамъ, гдѣ четыреста лѣтъ сряду носились дикіе татары, гдѣ шла уединенная и рѣдко оживляемая пустынными обозами, по гребню возвышенности, пересѣкающей слободскую котловину, дорога въ Крымъ, именуемая Му-

равскимъ шляхомъ, тамъ къ началу нашего столѣтія было уже до шестисотъ церквей и до милліона жителей. Рѣки усѣялись винокурнями и мельницами. Луга и лѣсныя раздолья наполнились косарями. Плугъ пошелъ по косогорамъ и тучнымъ прибрежьямъ. Амбары и степныя одонья стали ломиться отъ хлѣба. Богатства полились въ руки землевладѣльцевъ!—Скоро на земли слободскія явились пришельцы чужеземные, сербскіе и болгарскіе переселенцы, румыно-валахи и, наконецъ, молдавскіе аристократическіе роды, положившіе начало новымъ туземнымъ фамиліямъ. Молодой университетъ поддержалъ литературныя начинанія, и въ пятьдесятъ лѣтъ слобожане встрѣтили сряду три громкія имени: Сковороды, Каразина и Основьяненка! Слобожане вошли въ пословицу своимъ богатствомъ, и когда ихъ живописная родина получила имя Русской губерніи, на гербѣ новой губерніи изобразили рогъ изобилія... Здѣсь сѣверъ и югъ отдаютъ другъ другу свои достоянія. Сюда изъ Крыма прилетаютъ аисты и пеликаны, съ Кавказа заходятъ дикія козы! Рѣки и озера, полныя рыбъ, здѣсь не замерзаютъ цѣлыя двѣ трети года. Лѣнивый плугъ царапаетъ землю, и посѣянное зерно родитъ самъ-шестьдесятъ. Это — не запорожская луговина, обнаженная и палимая солнцемъ! Здѣсь каждый оврагъ, каждый байракъ заросъ кустарникомъ, а широкія рѣки съ обоихъ боковъ тянутъ стѣны дремучаго лѣса, на который взглянуть, такъ шапка валится! Трехпольное хозяйство не тяготитъ пахаря. Онъ запряжетъ въ тяжелый плугъ три пары воловъ, съ погонычемъ-мальчишкою распашетъ въ три дня двѣ десятины и надолго спокоенъ... А сады его?—Поѣзжайте-ка въ Валковскій уѣздъ, тамъ такія сливы и бергамоты,

что не зубами, а губами ихъ ѣшь, раскусишь, а онѣ душисты и сочны, и янтарны, и прозрачны, какъ липовый сотъ, и ни съ чѣмъ въ мірѣ не сравнятся! Въ окрестностяхъ Волчанска и Богодухова удивительные пчеловоды. А въ Изюмскомъ уѣздѣ найдете и сахароваровъ... Съ виду какъ будто и ничего эти слободки!—А поѣзжайте къ нимъ поближе: дикая смѣсь соломы и глины, стоговъ и садиковъ, эти изгороди, перегородки и обгородки, эти клѣти, клѣточки и подклѣдки васъ ошеломятъ сразу! Зато какъ присмотритесь, что не даромъ слобожанинъ строитъ свои улья и свои хаты изъ чистаго липоваго теса, какъ присмотритесь и увидите, вокругъ этихъ свѣтлыхъ, бѣлыхъ мазанокъ, пышныя нивы пахатей и раздольныя сѣножати, какъ увидите, что всѣ эти клѣти и подклѣтки, всѣ эти перегородки и загородки полны домашней утвари, нарядовъ и хлѣба, а вѣтви садиковъ гнутся и ломятся отъ яхонта сливъ и багрянца вишень, вы не то скажете. Вы скажете: чуденъ край этой благодатной слобожанщины! И какъ ему не быть чуднымъ! А прошу покорно усидѣть охотнику на мѣстѣ, когда зимою вышелъ въ садъ, а зайцы такъ и шныряютъ между кустами щепами!.. А кто хочетъ пожить весело? Что вы скажете о Харьковѣ? Гдѣ вы видѣли такой городъ? На Руси не мало городовъ, о которыхъ мягкосердные проѣзжіе и услужливые обыватели постоянно говорятъ: „Да помилуйте-съ! Да это уголокъ Петербурга-съ“. Но ни одинъ русскій городъ не заслуживаетъ подобнаго отзыва, какъ Харьковъ, если только авторъ не будетъ также обвиненъ въ излишнемъ мягкосердіи и тайномъ покровительствѣ всѣхъ безпечныхъ, чернобровыхъ, добродушныхъ и счастливыхъ! Давно ли

возникъ этотъ Харьковъ! Давно ли возникъ онъ на берегахъ Лопани и Нетечи, на берегахъ великолѣпныхъ рѣкъ, которыя могутъ поспорить красотою съ Мансаресомъ потому, что и въ нихъ, подобно ему, лѣтомъ едва хватаетъ воды для гусей и утокъ! Не одинъ изъ современниковъ можетъ примѣнить къ этому городу слова Августа: „Я засталъ Римъ кирпичнымъ, а оставляю мраморнымъ!..“ Что же представляетъ вашъ Слободской край въ нынѣшнее время? Роскошная, нетронутая почва ждала только свѣжихъ рукъ и здоровыхъ свѣжихъ силъ. Руки явились, сѣмя брошено, и стройное дерево, не найдя на матерной почвѣ враждебныхъ, закоренѣлыхъ, старыхъ плевелъ, дало здоровый, свѣжій плодъ. Молодое общество созрѣло. Его могутъ упрекнуть только въ молодости его; но это—порокъ, отъ котораго мы исправляемся каждый день! Развитіе деревенской жизни, какъ главное выраженіе края, уклонившееся-было отъ своихъ началъ подъ общимъ моднымъ повѣтріемъ вѣка, стало снова перерождаться. Брошенная родная нива стала снова дорога владѣльцу. Забытые дѣдовскіе дома, стоявшіе безъ мебели и оконъ, обновляются... И вотъ, мы снова живемъ въ своихъ хуторахъ. Лѣто всюду упоительно; не радуетъ сердце одна жестокая, неумолимая зима! Но, быть можетъ, и съ нею мы сладимъ! Вечеромъ, когда метель кружится и вѣтеръ воетъ въ трубѣ, когда новая книга усыпляетъ, а болтливая газета, описывающая дебютъ новаго дарованія на берегахъ ликующей въ снѣжномъ покровѣ Невы, валится изъ рукъ,—неожиданный колокольчикъ звякаетъ по слободкѣ, въ темныя ворота влетаютъ тройки, тройки, въ намётахъ и бубнахъ, и толпа сосѣдей и сосѣдокъ врывается въ дремлющія ком-

наты... Шубы и шапки сброшены; рояль гремитъ подъ иззябшими пальчиками хорошенькихъ хуторянокъ! Шумъ, бѣготня... Старая ключница Аграфена, фрейлина бабушки и няня маменьки, дочекъ и внучекъ одной и той же семьи,—едва успѣваетъ отвѣчать на вопросы гостей, заказывающихъ ужинъ! Хозяинъ, съ сіяющей улыбкой, несетъ свѣчи въ гостиную; гувернантка двухъ капельныхъ крошекъ, строгая Евгенія Ивановна, ученая дѣвица съ добрымъ сердцемъ и прекрасными, темными, глазами, улыбается и складываетъ тетрадки и книги... И въ мгновеніе ока тихій домъ превращается въ бальный залъ, и цѣлыя недѣли гостятъ сосѣди у сосѣдей! И выводится, наконецъ, въ новомъ обществѣ дикое понятіе, что одна скука рождаетъ такое гостепріимство! Скука рождаетъ зеленое море карточныхъ столовъ, а не гостепріимство. Скука рождаетъ все въ этомъ мірѣ, все, кромѣ гостепріимства. И плохо знаютъ наши отдаленныя области тѣ, которые находятъ такое начало русскому областному гостепріимству! Нѣтъ, господа! Не медвѣди-степовики тѣ, которые, извѣдавъ свѣтъ, хозяйничаютъ и трудятся на клочкахъ родной земли! Не медвѣди-степовики тѣ, которые, выучившись, сами учатъ и, просвѣтясь, идутъ въ работѣ наравнѣ съ своими послѣдними работниками! Эти медвѣди, господа, прежде васъ выгнали плутовъ-приказчиковъ и сами воздѣлываютъ данную Богомъ ниву! Они, господа, прежде васъ стали выкупать имѣнія изъ долговъ, снятіе недоимокъ стали считать семейными праздниками и, входя въ нужды крестьянъ, наполнять тишиною и счастьемъ свой домашній уголъ!.. Разумѣется, вездѣ есть исключенія. На почву бросается сто зеренъ, а между тѣмъ девяносто девять не всхо-

дятъ, и всходитъ только одно зерно, которое за то возвращаетъ посѣвъ сторицею! Эти-то исключенія и любопытны, привлекательны потому, что ими еще рѣзче обозначаются красоты цѣлаго, привлекательны и любопытны потому, что въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо, интересуются знать, какъ живется русскому человѣку всюду, въ Костромскихъ и въ Орловскихъ лѣсахъ. на взморьяхъ и въ Оренбургскихъ равнинахъ, въ городахъ и по великимъ русскимъ рѣкамъ, вездѣ, гдѣ русскій духъ и Русью пахнетъ...

Не всѣ одинакаго понятія о Малороссіи, объ этой житницѣ южной отчизны нашей! Для однихъ это — страна, гдѣ проживаютъ лѣнивѣйшіе въ мірѣ пожиратели варениковъ, о которыхъ ходитъ по свѣту столько умори-тельныхъ анекдотовъ,—анекдотовъ, съ которыми сравняются одни анекдоты объ англичанахъ. Для другихъ это — что-то до сихъ поръ еще дикое, отсталое, гдѣ говорятъ на тарабарскомъ нарѣчьи, носятъ чубы и ѣздятъ на волахъ. Для третьихъ веселонравная и простодушная хохландія—мѣсто, гдѣ винокурни держатъ очень выгодно. народъ глуповатъ, хотя подчасъ лукавъ, арбузы ни почемъ, въ деревнѣ скука страшная, сосѣди неучи и женщины довольно, однако, красивы... Для четвертыхъ, наконецъ, Малороссія—что-то такое, какъ бы вамъ сказать, такое странное, надъ чѣмъ иные восхищаются, какъ надъ Италіей, и чего, впрочемъ, они никогда не узнаютъ потому, что туда ѣхать страшно долго и непріятно, а они лучше поѣдутъ на Крестовскій или въ Новую Деревню,—тамъ, по крайней мѣрѣ, весело, нѣмецъ ходитъ по канату и музыка играетъ!.. Жители-туземцы тоже не одного понятія о Малороссіи. Одни ее

любятъ, другіе совсѣмъ не любятъ; одни ею восхищаются, другіе ею ничуть не восхищаются! Объяснимся примѣромъ... Былъ нѣкоторое время сосѣдомъ моимъ помѣщикъ, по фамиліи Ганчи́рка. Наливки онъ предпочиталъ всякимъ на свѣтѣ заморскимъ винамъ, никогда не брился, съ утра до вечера ругался съ смазливой ключницей и знать не хотѣлъ ни о чемъ, кромѣ своего хутора! Въ числѣ другихъ странностей, было у него, между прочимъ, одно довольно любопытное убѣжденіе.— „Да помилуйте“,—говорилъ онъ, улыбаясь такъ радушно и искренно, что и слушающіе его при этомъ невольно улыбались:— „да это подлецы французы все выдумываютъ! Ну, повѣрьте мнѣ, что нѣтъ на свѣтѣ ни Парижа, ни Лондона, ни Америки! Ну, ей-Богу же, нѣтъ! А это все черти-французы выдумали!“ Господинъ этотъ, какъ видите, весьма любопытный господинъ! Но рядомъ съ нимъ существуютъ между нашими и такіе, которые рѣшительно не имѣютъ понятія о томъ, что дѣлается у нихъ въ деревнѣ, такіе, которые очень спокойно курятъ трубку гдѣ-нибудь въ Гороховой, носятъ свои бобры на показъ мирнымъ сослуживцамъ на Невскій проспектъ, очень довольны картофельнымъ супомъ варвара-кухмистера, гдѣ-нибудь на Васильевскомъ островѣ, и въ частой безсонницѣ, послѣ карточной перепалки, мечтаютъ о томъ, что вотъ, современемъ, заведется у нихъ этакая славная карета, на лежачихъ этакихъ рессорахъ и съ этакимъ, чортъ возьми, жокеемъ въ ботфортахъ! Но и подобные не выдержатъ! Попадись имъ инвалидъ-старикъ, храбрый русскій воинъ изъ степи, для котораго до смерти не существуетъ слова „слушаю“, а существуетъ слово „чую“, услышь они въ частномъ домѣ, занесенную, Богъ-вѣсть

откуда, степную пѣсню, пѣсню чудную, простую, отъ которой весело становится на душѣ, хоть бы ничего веселаго на душѣ не было,—воскресшее сердце подхватывается на крылья воображенія, подхватывается и уносится въ далекія степи, на тихій, сбѣжавшій къ рѣчкѣ хуторокъ, въ маленькій домикъ, гдѣ странникъ далекаго края родился, гдѣ прижимала его къ теплой груди стройная, черноглазая, добрая матушка, гдѣ онъ ползалъ и бѣгалъ, росъ и проказничалъ, гдѣ пролетѣли незамѣтно его далекіе, невозвратные младенческіе годы! И радъ онъ, и плачетъ тогда, и стремится всею душою вдаль, вдаль, прочь изъ душнаго города, и выходитъ въ его мысляхъ клочокъ земли, нѣсколько знакомыхъ десятинъ родной земли!.. И радъ онъ этой землѣ, радъ этимъ десятинамъ, радъ болѣе всего въ мірѣ уголку,—уголку, незнаемому свѣтомъ, деревушкѣ, съ доброю дворнею, съ доброю старою няней, съ темною большою залой, съ гостиной, увѣшанными портретами предковъ, съ отцовскимъ кабинетомъ, гдѣ щегольской подборъ ружей и охотничьихъ снарядовъ виситъ и сверкаетъ за стеклами, и съ этою перспективою тихихъ, раздольныхъ окрестностей, тонущихъ въ сумеркахъ лѣтней зари! И гордъ онъ, бѣдный степнякъ, тѣмъ, что когда наступитъ время силамъ отойти на покой,—найдетъ онъ на родинѣ пріютъ, гдѣ спокойно склонитъ усталую голову, найдетъ рядъ дѣтскихъ воспоминаній, связанныхъ съ каждымъ кустикомъ, съ каждою травкой, съ бѣднымъ источеннымъ молью, стуломъ и ветхимъ дѣдовскимъ диваномъ... О, господа, ничто въ мірѣ не сравнится съ счастьемъ бѣдняка, мечтающаго о счастьи!.. И вотъ, въ долгій зимній вечеръ, когда уже ничто не влечетъ разсѣяться, когда театры

полны радостной толпы и быстрокрылые экипажи гремятъ и несутся по улицамъ,—въ такой вечеръ невольно мечтается о другихъ мѣстахъ и о другихъ картинахъ! О, какъ бы хотѣлось тогда распахнуть промерзлое окно и встрѣтить не пасмурное, холодное небо, не громады каменныхъ, безмолвныхъ домовъ, не театры и улицы, не гранитныя и деревянныя мостовыя, а волшебнымъ маніемъ представшую степь,—степь съ панорамою луговъ и пашень, съ пестрою панорамою широкой рѣки, медленно идущей среди высокострѣльчатыхъ, темныхъ стѣнъ лѣса, уединенный курганъ съ каменною, вросшею въ него бабою, островерхій дозорный курень бакшевника, рядъ красивыхъ, нанизанныхъ вдоль тощаго ручья, холмовъ и овраговъ, лѣнивый, скрипучій обозъ чумаковъ, хуторянскую ярмарку съ криками, топотомъ и гамомъ хуторянскаго веселья, бѣлѣющійся вдали домъ помѣщика, домъ старика-хлѣбосола, готовящаго отчизнѣ пятерыхъ молодцовъ-сыновей и красавицу дочку, ужинъ косарей въ полѣ, бѣгъ степнаго дикаго табуна, распѣваемую на зарѣ долгую, чудную украинскую пѣсню, и всю эту дивную картину, которой имя—родина...

I.

ДѢДУШКИНЪ ДОМИКЪ.

ДѢДУШКИНЪ ДОМИКЪ.

(Над. Ѳед. Бантышъ).

Теплинскій лѣсъ выходитъ на большую чумацкую дорогу. Въ старину, по случаю частыхъ разбоевъ, о немъ говорили: „Кто минуетъ голую долину, да высокую могилу, да теплинскій лѣсъ, то не возметъ того бѣсъ!“ Времена стали другія. Лѣсъ состарѣлся и измельчалъ. Но одна половина его, именуемая Черточешенскимъ уступомъ, по прежнему пугаетъ праздное воображеніе людей. Дремучая дебрь уступа полна таинственности и мрачныхъ красокъ. Впрочемъ, слово дремучая да не введетъ никого въ ошибку; дремучаго здѣсь собственно очень мало потому, что эта дебрь простирается не далѣе какихъ-нибудь двухъ трехъ верстъ, и дремлется въ ней развѣ одному усталому отъ зноя лѣсничему, да старику-дровосѣку. Нѣтъ въ теплинскомъ лѣсу ни рысей, ни песцовъ, ни россомахъ, ни горностаевъ; нѣтъ въ немъ ни барсуковъ, ни соболей, ни ланей, ни бобровъ, ни медвѣдей. Зато въ неисчислимомъ множествѣ прыгаютъ въ его чащѣ приземистыя, краснобурыя лисицы; за то всѣ дубки и орѣшники его

усѣяны бѣлками; за то волки въ немъ, какъ дома: никто имъ, уже болѣе пятнадцати лѣтъ, не мѣшаетъ тутъ плодиться, дѣлать набѣги на сосѣднія слободки и хватать изъ сосѣднихъ слободокъ лучшихъ поросятъ и барашковъ. Одинъ только разъ досталась въ ближнемъ селѣ, Панковкѣ, какому-то косолапому сѣркý. За то же онъ и надѣлалъ дѣлъ! Пробрался въ околицу, да не только пробрался, а отыскалъ еще хату, и чью бы вы думали?—самого атамана, Колодняжнаго-Юхты, онъ же и Хриновый-Бурякъ,—отыскалъ, вошелъ въ сѣни, изъ сѣней въ двери, залѣзъ на печку, съѣлъ тамъ три окорока, откопченныхъ къ петровскимъ розговѣнамъ, закусилъ миской варениковъ съ ягодами, да тамъ же и заснулъ. И досталось же за это косолапому сѣркý!—Теплинскій лѣсъ перерѣзанъ многими озерами, изъ которыхъ Лебяжье, Плоское и Кривое считаются лучшими потому, что нигдѣ нѣтъ такого множества дичи, какъ тамъ. Въ Черточешенскомъ уступѣ, о которомъ пойдетъ главная рѣчь, протекаетъ небольшое безыменное, подвижное озеро, просачиваясь изъ безыменнаго же болота, и теряется тутъ же между тростниками. На низменной просѣкѣ Черточешенскаго уступа, на гребнѣ зеленаго косогора, надъ озеромъ и болотомъ, стоитъ дѣдушкинъ домикъ. Онъ стоитъ тутъ уже съ давнихъ поръ... Видъ съ косогора на воду, перебившуюся кучковатыми плёсами, по которымъ, едва пробѣжитъ вѣтеръ, стелется лилово-сизый отливъ, и на сочную зелень болота, въ рамѣ тростниковъ и густолистыхъ кустарниковъ,—хорошъ особенно лѣтомъ. Какая странная и причудливая растительность! Какъ перевиты эти сучковатыя деревья дикимъ хмѣлемъ! По окраинамъ озера стелются пол-

зучія травы, называемыя бабьимъ неводомъ. Чемерка, лопухи, козій-листикъ и заячья-капустка, былина и рясноголовая кульбабка, волошки и сочныя козе́льки, такъ любимыя собирательницами грибовъ и лѣсныхъ ягодъ, козе́льки всѣхъ родовъ и свойствъ, — и бѣлоголовый, дрябчатый смо́дь, и сизый молочай, и голубая колю́чка, и рогозъ, и наконецъ сладкіе шпигаки: чего только нѣтъ въ этомъ лѣсу! А какъ настанетъ весною прилетъ птицъ,—и запоетъ, застонетъ кудрявый лѣсъ. По влажному, остывшему илу, какъ на конькахъ, скользятъ и бѣгаютъ пестрыя курочки, и сѣрая поверхность усѣивается крестиками пурпурныхъ ножекъ, какъ старинная рукопись старинными словами. Каждый кустъ, каждая вѣтка одѣты своею благоуханною атмосферою. А носатый о́гарь, точно клокъ краснаго сукна, перебрасывается съ дерева на дерево, бѣгаетъ и тихо вытаскиваетъ изъ влажной земли сладкіе корешки, бѣлыя поросли камыша и прошлогоднихъ букашекъ, или же, беззаботно набѣгавшись, стоитъ себѣ на одной ножкѣ, зажмуривъ глаза по сторонамъ поднятаго носика, и дремлетъ подъ полусонное жужжаніе кузнечиковъ и мошекъ, и медленно качаются вокругъ него широкіе, сквозящіе лопухи и махровыя ленты хмѣля, и тихо застилаетъ его прохлада подступающаго вечера, и проносятся надъ ними, какъ бродячія пѣвчія струны, рогатыя жукалки и трепетныя, сумерочныя бабочки. Но вотъ, заливаются голубымъ и краснымъ потопомъ цвѣтущія не́косы. Трещитъ и сохнетъ, отнесенный весеннею водою, буреломъ и разное мелкое ухвостье. Въ камышахъ пробираются облинялыя, безкрылыя утки. Гнѣзда свиты, начинается безконечная, громкая, роскошная лѣсная свадьба. Вотъ она идетъ и

*

подступаетъ... На тихой утренней зарѣ, когда по темнымъ деревьямъ только-что мелькнули желто-пурпурныя пятна и туманъ свился и плыветъ надъ болотомъ,— въ недосягаемой вышинѣ берутъ верхъ и идутъ какіе-то чудные звуки: точно торжественный, таинственный благовѣстъ раздается подъ небесами и падаетъ на землю. И вотъ— все слышнѣе и слышнѣе, все ближе и ближе. Несутся воздушные полки воздушныхъ армій... На лѣсъ проливается цѣлое море звуковъ. Черканіе болотныхъ веретенниковъ, сонное курруканье горлинокъ, звонъ травниковъ, какъ теньканье крохотныхъ стеклянныхъ колокольчиковъ, рѣзвое чоканье дроздовъ и дребезжащій смѣхъ пустынной хохотвы, какъ ауканье спрятаннаго въ кустахъ лѣшаго, долетающій откуда-то чуть слышный бой перепела, трескъ куличка и печальныя перезва́ниванья иволги, — сколько странныхъ, сколько причудливыхъ голосовъ и звуковъ! Но и въ тихое осеннее время, когда матери перестали уже печально скликáть разбѣжавшихся и разлетѣвшихся дѣтей; когда въ травѣ не шныряютъ уморительные куличата, и гусыня не переноситъ уже съ плёса на плёсо за шейку крохотныхъ гусенковъ; когда бѣлоствольная береза ярко отдѣляется и сверкаетъ на матовомъ багря́нцѣ вязовъ и сквозящаго, лапчатаго клена; когда, наконецъ, голубое сукно васильковъ уже не застилаетъ ни болотной кутемы, ни пеструшки, и въ тихое осеннее время—теплинскій лѣсъ имѣетъ много торжественно-таинственнаго. Погóнышъ, какъ тѣнь, скользитъ въ сумерки по темной, ползучей шмарѣ; неугомонный дятелъ долбитъ и вьется вокругъ дупла столѣтняго, увѣшаннаго вороньими гнѣздами береста, и звучно падаетъ въ пустынной тиши изсохшій

листъ, считая обнаженные сучки и вѣтви, и звучно уносится умирающая, до новой весны, пѣвучая лѣсная жизнь!..

Дѣдушка былъ не-промахъ, когда построилъ свой домикъ на такомъ выгодномъ мѣстѣ. Домикъ представляетъ любопытное зрѣлище. Онъ старъ и покачнулся на-бокъ. Соломенная крыша его завихрилась и поднялась отъ вѣтра, какъ панцырь у ежа. Бревна его исчерчены іероглифами червей, а крыльцо, какъ остовъ павшаго въ степи коня, проросло крапивою. Небольшой ребенокъ даже и не взойдетъ на него; онъ взойдетъ на него только при помощи опрокинутаго ведра или колоды, на которой дѣдушка куетъ проволочные крючки для своихъ удочекъ. Зато въ теплую погоду, отъ весны до осени, окна домика раскрыты настежь, и свободно влетаютъ въ нихъ мошки и сумеречныя бабочки, и свободно влетаютъ въ нихъ лепестки цвѣтущихъ яблонь и молодыя ласточки и синички. Когда подобное обстоятельство случается, родители крохотныхъ птичекъ долго летаютъ и тиликаютъ въ вѣтвяхъ сосѣднихъ деревьевъ, предполагая, что это дѣдушка, хищнымъ набѣгомъ на ихъ владѣнія, похитилъ маленькихъ птичекъ. А дѣдушка ходитъ себѣ въ мерлушковомъ халатѣ, ходитъ и знать ничего не хочетъ. Зеленый картузъ съ гигантскимъ овально-продолговатымъ козырькомъ, весьма напоминающимъ утиный носъ, покоится на его головѣ. И ходитъ себѣ дѣдушка, заглядывая подъ кусты и деревья, колиру́я и подпиливая засохшіе сучки. И весело дѣдушка посматриваетъ съ зеленаго косогора... А тишина въ старомъ домикѣ невозмутимая. Дѣдушка однажды сознался, что въ какое-то особенно бурное лѣто

птичка, именуемая овсянкою, залетѣла въ окно его спальни, на глазахъ его свила въ углу, въ развѣшанныхъ моткахъ пряжи, гнѣздышко, выкормила дѣтей и съ новорожденною семьею снова улетѣла изъ спальни. Какъ не послѣдній мечтатель, дѣдушка далъ этому событію такое значеніе: „Придетъ время, и вотъ онъ самъ явится въ домикъ съ маленькою своею собственною птичкою“. Впрочемъ, это было еще давно-давно, въ годы прошедшей юности. Черточешенскій уступъ видѣлъ дѣдушку и ребенкомъ, у котораго щеки походили на спѣлыя яблоки, а голова на репейникъ, и школяромъ, улетѣвшимъ изъ сосѣдняго городка на каникулы съ новоизобрѣтенными хлопушками и не-затянувшимъ синякомъ подъ глазомъ, и офицеромъ въ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ, на который заглядывались сосѣднія хуторянки, владѣтельницы пары черныхъ бровей, полной груди, звонкаго дѣвическаго смѣха и нѣсколькихъ десятинъ зеленыхъ, грунтовыхъ садиковъ; не видѣлъ только родимый лѣсъ дѣдушки счастливымъ... Но что же это за дѣдушка? Каково его начало и происхожденіе? Исторія дѣдушки есть исторія его домика, и потому разскажемъ обстоятельно послѣднюю.

И во-первыхъ—исторія древняя.

Съ давнихъ давенъ и старинной старины, территорія теплинскаго лѣса принадлежала предкамъ дѣдушки. Зажиточные предки, считавшіе свои земли не клочками болотъ и озеръ, а десятками тысячъ десятинъ нетронутой плугомъ, пустынной нóви, по которой рыскала татарвá,—жили въ высокомъ просторномъ домѣ, срубленномъ изъ столѣтнихъ дубовъ. Двойной частоколъ окружалъ домъ; на столбѣ, среди двора, качался сто-

рожевой колоколъ и звучалъ цѣпью привязанный къ столбу медвѣжёнокъ. Старые дѣды жили весело, родились и умирали, не выѣзжая далѣе сосѣдняго повѣтоваго городка. Въ темныя осеннія ночи, когда волки выли за озеромъ, подъ проливнымъ дождемъ, у воротъ останавливался путникъ, колоколъ звучалъ надъ озеромъ и селомъ съ низенькою церковью, раскинутымъ у подошвы холма, и рычалъ на цѣпи косматый сторожевой медвѣжёнокъ. Столѣтній, слѣпой садовникъ, отыскивая дорогу палкой, съ фонаремъ, вводилъ путника въ просторный домъ. Тутъ было тепло и отрадно, среди развѣшанной и разставленной утвари. Хозяинъ, съ кубкомъ вина на серебряномъ блюдѣ, встрѣчалъ гостя, а въ высокую, рѣзную дверь входила стройная панночка, въ парчевомъ платьѣ и съ корабликомъ на головѣ, панночка, у которой полный станъ не перетягивался рюмочкой и густыя брови были, какъ на шнурочкѣ. Гость съ хозяиномъ заводилъ рѣчи объ иностранныхъ земляхъ и народахъ, о далекихъ штурмахъ и бояхъ. Говорилъ гость, и долго, по его отъѣздѣ, чудились панночкѣ и ея сѣдоусому отцу битвы и пожары, пышныя убранства и громы музыки, турниры и чужеземныя красавицы, и тихая, сладкая рѣчь гостя, котораго, наконецъ, догоняла, вдали отъ нихъ, въ чужомъ краю, вражья пуля. Тихо старѣлся и разрушался величественный дубовый замокъ предковъ. Иногда, во время домашнихъ праздниковъ и пировъ, при громогласныхъ „ура!“ и выстрѣлахъ пушекъ, стоявшихъ у воротъ частокола, не малое количество штукатурки падало съ потолка на подносы, уставленные кубками, и стѣны дома многозначительно покрякивали на шумные заздравные тосты.

Когда дѣдушка принялъ наслѣдство и вышелъ въ отставку, родовое село его, за разныя забавы и увеселенія предковъ, неожиданно продали и перевели куда-то за рѣку. Не спасли дѣдушку ни желтый офицерскій воротникъ, ни дипломъ шляхетнаго корпуса, гдѣ онъ кончилъ свое воспитаніе. Дѣдушка скинулъ сюртукъ, сказалъ: „Ну, что же? не взяла!“ подумалъ, подумалъ— и сломалъ свой старый большой домъ. Въ видахъ улучшенія печальныхъ обстоятельствъ, на первый разъ изъ обломковъ дома былъ выстроенъ овчарный загонъ, причемъ самъ владѣлецъ поселился подъ косогоромъ, въ орѣшникѣ, въ куренѣ старой пасѣки. Вслѣдствіе этого, всякъ, кто проѣзжалъ по лѣсу тóрною, обозною дорогою, не мало изумлялся при видѣ обширнаго овечьяго загона съ рѣзными окнами и—игольчатыми на углахъ уцѣлѣвшей крыши. Но въ одну безснѣжную зиму пали всѣ овцы дѣдушки, и планы на улучшеніе печальныхъ обстоятельствъ рушились. Дѣдушка скинулъ и щегольской хуторянскій бешметъ, синій съ выпушками, какъ мундиръ у сотника, надѣлъ мерлушковый халатъ и изъ овчарнаго загона выстроилъ маленькій домикъ. Онъ выстроилъ его на пепелищѣ стараго дома, выстроилъ у подножія высокаго, развѣсистаго дуба, какъ подъ сѣнью мирнаго священнаго преданія. Этотъ дубъ выросъ изъ жолудя, посаженнаго передъ крыльцомъ стараго, большаго дома въ тотъ самый достопамятный день, какъ дѣдушка дѣдушки впервые ввелъ въ него свою молодую, стройную жену и, по тогдашней польской модѣ, торжественно поцѣловалъ ее передъ толпою собравшейся челяди. Жолудь, черезъ много лѣтъ, превратился въ громадный зеленый дубъ, который на тридцать шаговъ

протянулъ кругомъ свои тяжелыя, плодоносныя вѣтви, и подъ этими вѣтвями, какъ былинка у подножія одряхлѣвшаго, павшаго дерева, выросъ скромный преемникъ пространныхъ дѣдовскихъ палатъ, низенькій домикъ, съ двумя окошечками на озеро... Въ древней исторіи домика есть еще одинъ довольно замѣчательный эпизодъ: именно, происхожденіе воздушнаго моста къ домику, у подножія холма... Воздушный мостъ произошелъ такъ. Устроивши свое гнѣздо, дѣдушка пустился мечтать о присоединеніи новаго лица къ своему уголку, которое бы согрѣло и освѣтило его жизнь, — задумалъ жениться. Вслѣдствіе этого, онъ частенько сталъ переѣзжать узкую плотину, отдѣлявшую часть озера и болота отъ холма, и появляться въ тихихъ домикахъ сосѣднихъ хуторянъ. Сосѣдніе хуторяне также нерѣдко стали завертывать къ обладателю Черточешенскаго уступа. Какъ вдругъ, въ одну дождливую весну, потоки съ ближнихъ мѣловыхъ пригорковъ хлынули на болото и перерѣзали, глубокою водомоиною, плотину подъ холмомъ. Дѣдушка очутился въ засадѣ, отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра. Однакоже онъ не потерялся и задумалъ выстроить черезъ провалье мостъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ единственному слугѣ и плотнику рубить по сосѣдству удобныя деревья. Удобнѣйшимъ оказался на первый случай высокій вязъ, росшій у самой водомоины, и плотникъ началъ съ него. Переправился черезъ оврагъ, привязалъ къ вершинѣ дерева веревку, къ веревкѣ коня и сталъ рубить дерево. Громадный вязъ затрещалъ, рухнулъ, но вмѣсто того, чтобы упасть на сторону, гдѣ стоялъ плотникъ, упалъ на другой край оврага провалья и своею страшною силою перекинулъ черезъ про-

валье лошаденку. Дѣдушка въ это время сидѣлъ у озера, въ орѣшникѣ, колиру́я какую-то дикую щепу. Когда конь перелетѣлъ черезъ оврагъ, онъ медленно поправилъ на головѣ картузъ съ утинымъ козырькомъ и замѣтилъ: „Какой это бѣсовъ сынъ тамъ лошадьми кидается?“ А растерянный плотникъ, стоя на другой сторонѣ провалья, ударилъ объ полы руками и замѣтилъ: „Что́-бъ было и воловъ привязать!“—Это событіе далеко обошло словоохотливый околотокъ. Вязъ сдѣлался съ той поры мостомъ, черезъ который весною, когда вода съ шумомъ бѣжитъ по дну оврага, посѣтители переходятъ безопасно, придерживаясь за суковатыя вѣтви, а дѣдушка, котораго посѣщать стало также легко, какъ брать приступомъ крѣпости, получилъ прозвище Черточешенскаго кулика, и это прозвище, при помощи дѣдушкина козырька и халата, навсегда за нимъ осталось...

Теперь средняя исторія дѣдушкина домика. Средняя исторія дѣдушкинаго домика обнимаетъ только одно важное событіе: именно—смерть той особы, которая долженствовала сдѣлаться его подругою, долженствовала согрѣть и освѣтить его жизнь. Это трогательное событіе излагается въ туземныхъ преданіяхъ съ малѣйшими подробностями. Дѣдушка посватался за дочку повѣто́ваго коммиссара, табуны котораго до сихъ поръ расхаживаютъ по окрестной степи. Гордый предстоящимъ счастьемъ и родствомъ, за нѣсколько дней до свадьбы, по старинному обычаю, поѣхалъ дѣдушка съ своею невѣстою на богомолье въ сосѣднюю златоверхую пустынь. Дорогою неописанное горе посѣтило его: простудившись подъ грозою, невѣста его заболѣла и умерла, въ виду

златоверхой пустыни! Дѣдушка похоронилъ ее и вернулся домой одинъ, безъ своей молодой невѣсты, вернулся одинъ, съ маленькою мѣстною иконою изъ монастыря. Толпа сосѣдей и родныхъ весело поджидала его возвращенія. Выйдя изъ брички, дѣдушка подошелъ къ будущему своему тестю, который, съ пѣнковою трубкою, стоялъ впереди всѣхъ, и, подавая ему икону, сказалъ: „Вотъ теперь моя невѣста!“ — сказалъ и тихо пошелъ въ домикъ. И когда онъ опять вошелъ въ домикъ, когда старыя стѣны опять увидали его холостякомъ и сиротою, когда вспомнилъ дѣдушка овсянку,— голосъ его задрожалъ, точно оборванная струна, и онъ замѣтилъ; „Ну, что-же? опять не взяла!“ —сказалъ и сталъ довольно храбро утѣшать родныхъ. Безъ гостей, однакоже, онъ слегъ въ постель, раздались его глухія рыданія, и никогда уже, съ той поры, онъ не могъ найти прежней беззаботной мечты о счастьѣ и о супружествѣ. Дѣдушка сдержалъ слово и навѣки остался холостякомъ. Никогда болѣе не заводилъ онъ рѣчи о прошломъ, и одно только обстоятельство напоминало знающимъ его о невозвратной потерѣ. На погостѣ хутора, гдѣ опущена въ землю дорогая особа, дѣдушка взялъ на память нѣсколько отростковъ яблонь и посадилъ ихъ возлѣ своего домика. Яблони поднялись и разрослись и скоро верхушками своими стали заслонять отъ глазъ дѣдушкинъ домикъ такъ, что теперь его уже и не примѣтишь изъ-за ихъ зеленолистой стѣны! На чугунномъ же памятникѣ кладбища дѣдушка изобразилъ слѣдующую многозначительную надпись: «Покойся, моя бѣдная!“ и внизу: „Боже! не отринь ее отъ лица твоего!“—Тихо тосковалъ съ тѣхъ поръ дѣдушка. Бывало,

чуть вечеръ, онъ уже сходитъ къ озеру, садится на берегу, на обломкахъ жернова, и закидываетъ въ озеро удочку. Онъ сидитъ и смотритъ въ свѣтлую воду, смотритъ и дожидается, когда колыхнется поплавокъ. Вода недвижна, и небо, какъ раскаленная по краямъ яхонтовая чаша, опрокинулось надъ лѣсомъ. Что-же это рыба такъ лѣниво ловится? Что-же это она не играетъ и не плещется? Но вотъ, стекло воды дрогнуло. Туманъ разстилается, и тѣни бѣгутъ и уходятъ на темное дно... Дѣдушка смотритъ: дѣдушкинъ образъ, какъ въ живомъ зеркалѣ, измѣняется, яснѣетъ;—темные волосы змѣятся вокругъ лица, молодые глаза блещутъ жизнью, и смуглый румянецъ сгоняетъ суровыя морщины... Дѣдушка уже не въ мерлушковомъ халатѣ, а въ военномъ сюртукѣ, молодецъ-молодцомъ и красавецъ-красавцемъ. А вотъ и еще какое-то лицо вышло и колышется, и блещетъ перебѣгающею тѣнью!.. Что-жъ съ тобою, добрый дѣдушка? Слезы текутъ и застилаютъ глаза твои, одинокое сердце сжимается тоской, ты вспомнилъ свѣтлое, старое время!

О, добрый, дѣдушка! Не вернуть тебѣ свѣтлаго, стараго времени, не вернуть тебѣ улетѣвшей молодости, не воскресить сокровенной страстишки твоего сердца. Спитъ твоя красавица въ могилѣ, спитъ въ бѣломъ платьѣ и въ полевыхъ цвѣтахъ, спитъ,—и пустынный вѣтеръ гуляетъ надъ ея могилою. Задумался дѣдушка и не видитъ, что рыбка давно уже дергаетъ поплавокъ, крутая волна расходится кругами, и удочка скользитъ изъ ослабѣвшихъ рукъ.—„Что это съ вами, баринъ?“—спрашиваетъ старика работникъ, тотъ самый, который построилъ воздушный мостъ.—„Э, врагъ бы забралъ ту

канальскую рыбу!“ —отвѣчаетъ суровымъ голосомъ старикъ, пряча взволнованное лицо свое: — „всѣ удочки оборвала канальская рыба, а толку — ни на лысаго дѣда!“

Теперь, читатель, новѣйшая исторія дѣдушкинаго домика... Но что сказать объ этой новѣйшей исторіи? Что сказать о ней? — Сказать-ли, какъ дѣдушка ежедневно встаетъ, выходитъ на ветхое, поросшее крапивою крыльцо и любуется видомъ владѣнія, которое все, какъ на ладони, открывается съ холма. Сказать-ли о томъ, какъ дѣдушка любитъ свое зелено-водное болото и сладко вѣритъ въ его постоянство и красоту? И не говорите старику о другихъ событіяхъ; не говорите ему о счастьи свѣта за чертою его лѣснаго уголка! Не указывайте ему синѣющую полосу большой проѣзжей дороги, какъ горизонтъ иной жизни и иного міра, видной съ вершины косогора, — дороги, по которой несется пыль бѣгущихъ и пропадающихъ вдали экипажей, летятъ и затихаютъ звуки колокольчиковъ, и уносятся чуть слышныя пѣсни, идущихъ съ поля слобожанъ, беззаботныя пѣсни, веселыя и радостныя пѣсни. Дѣдушка махнетъ рукою и горько усмѣхнется. Не нужно ему вашихъ дорогъ и экипажей, не нужно ему вашихъ колокольчиковъ и пѣсенъ. Есть у него другаго рода пѣсни, есть у него свой неумолкаемый, причудливый оркестръ. Что за пѣсни, что за звуки!.. Чуть заря и день переклонился къ закату, — зеленое болото, пышное болото уже заводитъ строй своихъ разнообразныхъ инструментовъ. Въ высокомъ тростникѣ то тамъ, то сямъ, начинаютъ позвякивать въ разладъ, какъ смычки несмѣлыхъ еще школьниковъ. Имъ, робко и также въ разладъ, вторятъ колокольчики травниковъ

и рога далекой утиной стаи, гдѣ-то пролетающей на ранній ночлегъ. Но вотъ пронеслось черканье коростеля, волторна филина огласила холмы и перелѣски, кваканье милліоновъ лягушекъ встало и поднялось въ болотѣ, и окрестность потонула въ морѣ вечерней музыки, потонула до поры, когда ясная пѣсня одинокаго соловья-ночника раздастся, смѣнитъ все и воцарится до разсвѣта. Среди неумолкаемой музыки птицъ и лягушекъ, въ виду зеленаго болота, дѣдушка создалъ еще особый міръ друзей. У него подъ-стать болоту былъ, напримѣръ, недавно фаворитъ-пѣтухъ. Иногда, рано поутру, дѣдушка, бывало, выйдетъ на крыльцо, переклонится черезъ заборъ садика противъ солнца, которое начинаетъ тихо вырѣзываться изъ-за лѣса, притягивая лучи къ бѣлой, махровой маковинѣ и осыпая ее пурпурными брызгами, а пѣтухъ то и дѣло кричитъ съ холма на озеро. Онъ кричитъ и прислушивается, кричитъ до того, что охрипнетъ и произведетъ такой странный звукъ, что самъ отшатнется въ сторону и долго высматриваетъ, наставивъ голову такъ, что одинъ глазъ его смотритъ въ землю, а другой на крышу домика, кто это такъ странно крикнулъ. — Дѣдушка на это тоже, бывало, слушаетъ, слушаетъ, и пойдетъ въ комнаты, тряся головою и повторяя: — „Эка, бѣсъ-птица, какъ кричитъ! Совсѣмъ, какъ будто, и не птица, и точно кричитъ что-нибудь другое!“ — Этотъ пѣтухъ жилъ оченъ долго и пропалъ неожиданно безъ вѣсти; всѣ старанія въ поискахъ его остались безъ успѣха. У дѣдушки было появился тоже еще другой слуга, кромѣ упомянутаго выше плотника, какой-то бѣлокурый, хорошенькій мальчикъ изъ сосѣдняго села, который пришелъ однажды зимою и нанялся

на годъ. Должность его состояла въ хожденіи за коровою и въ топкѣ печей. Но мальчикъ ужился не долго. Одна комната дѣдушки была съ низу до верху увѣшана портретами предковъ. Раскрашенные портреты предковъ стали тревожить маленькаго истопника. Едва разложитъ онъ огонь и сядетъ у печки, едва подниметъ голову — три ряда фамильныхъ портретовъ, три ряда темныхъ лицъ уже и смотрятъ на него во всѣ глаза! Въ первый разъ отъ непреодолимаго ужаса истопникъ убѣжалъ и не появлялся цѣлыхъ два дня; но потомъ догадался и раскаленною кочергою выжегъ глаза всѣмъ тётенькамъ, дяденькамъ, бабушкамъ и дѣдушкамъ дѣдушки. Нечего говорить, съ какимъ тріумфомъ былъ изгнанъ новый истопникъ изъ домика дѣдушки. И вотъ, года бѣгутъ и замѣняются годами, дѣдушкинъ домикъ ветшаетъ и разрушается. Нѣтъ передъ его крыльцомъ сторожеваго колокола, нѣтъ передъ нимъ медвѣжёнка на звучной цѣпи, и далекіе путники рѣдко заѣзжаютъ къ нему. Зато въ бурное невзгодье, когда осень разстилается надъ омертвѣлымъ лѣсомъ, когда въ воздухѣ бушуетъ холодная пронзающая стужа и крупный дождь хлещетъ въ окна домика и сбѣгаетъ по вѣтвямъ столѣтняго дуба, — подъ крышу низенькаго домика собираются сосѣди и друзья дѣдушки... Всѣ тутъ собираются въ теплую, увѣшанную травами и безглазыми портретами, комнатку. Въ вечернемъ, подступающемъ сумракѣ не видно никого; всѣ молчатъ, будто заснули, и только голосъ разскащика тихо раздается въ комнатѣ. Кто же разсказываетъ? Кому внимаетъ уютный кружекъ слушателей?—Разсказываетъ дѣдушка... „Жили-были старикъ да старуха, — разсказываетъ дѣдушка. — Вотъ и стала

говоритъ старику старуха: пойди, да и пойди въ лѣсъ по яблоки! — Пошелъ старикъ въ лѣсъ, набралъ яблокъ, а ночь надвинулась со всѣхъ сторонъ такая, что хоть глазъ выколи, и заночевалъ старикъ въ лѣсу, заночевалъ въ хаткѣ старой лѣсничихи. Лежитъ старикъ на лавкѣ, лежитъ, а вѣтеръ такъ и воетъ, такъ и воетъ, и деревья бьются вѣтками надъ хаткой. Вотъ и слышитъ старикъ, кто-то подходитъ къ окну и ударилъ.

„А что?—спрашиваетъ лѣсничиха,—что скажешь?“— „Родилось на свѣтѣ столько-то новыхъ людей!—отвѣчаетъ голосъ за окошкомъ:—какова будетъ ихъ доля?“— Лѣсничиха подумала и весело отвѣтила: „Доля будетъ легкая и счастливая!“ — Голосъ за окошкомъ затихъ, и опять завылъ по лѣсу вѣтеръ, и деревья опять забились вѣтками надъ хаткой. Не успѣлъ старикъ и глазъ сомкнуть, кто-то опять подходитъ къ окошку и ударилъ.—„Что скажешь?“—спрашиваетъ лѣсничиха.— „Родилось еще на свѣтѣ столько-то новыхъ людей! — отвѣчаетъ голосъ за окошкомъ: — какова будетъ ихъ доля?“ — Лѣсничиха опять подумала, подумала и уже печально отвѣтила: — „Доля будетъ тяжкая и несчастная!“ — Старикъ чѣмъ-свѣтъ схватился изъ хатки и вышелъ. — „Ну! — подумалъ онъ:—попалъ же я къ лѣсничихѣ, нечего сказать! переночевалъ чуть не у самой судьбы въ гостяхъ“.—Оглянулся: хатки уже нѣтъ,— вотъ точно ея и не было между деревьями, точно сквозь землю провалилась. Приходитъ домой, — и того удивительнѣе: около печи колыска, и двое близнецовъ лежатъ подлѣ жены! Ахнулъ старикъ и остановился на порогѣ...“ — Да, впрочемъ, можетъ быть, такая сказка ужъ страшная, что и разсказывать ее дальше не надо?—

спрашиваетъ неожиданно дѣдушка, оглядывая насъ съ улыбкою...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка! разсказывайте, разсказывайте!— лепечутъ голоса маленькихъ слушателей:— совсѣмъ, дѣдушка, и не страшно!

(А ужъ гдѣ не страшно? Просто, какъ говорится, насъ всѣхъ давно изъ-за плечей хватало, и въ темныхъ окнахъ мерещились косматыя лица).

— Ну, когда не страшно, такъ я буду говорить,— замѣчаетъ дѣдушка:—только вы, впрочемъ, и не бойтесь, дальше оно точно совсѣмъ уже и не страшно, и вы не смотрите на то, что пока оно можетъ быть и страшно! — Табакерка дѣдушки скрипитъ, и кружокъ слушателей стѣсняется къ столу ближе...

— Вотъ,—продолжаетъ дѣдушка!—прошло не мало лѣтъ, сыновья старика подросли и стали уже подмогою въ хозяйствѣ. Только повѣсилъ голову старикъ... Близнецъ постарше, что́ бы ни дѣлалъ, все дѣлалъ хорошо, и работа кипѣла у него, какъ у цѣлой артели работниковъ. Но младшему ничто не удавалось. Куда бы ни кидался, за что бы онъ ни брался,—все шло комомъ и все валилось изъ рукъ; а работалъ и бился онъ изъ всѣхъ послѣднихъ силъ. — „Нѣтъ! — подумалъ старикъ, качая головою:—ты родился не вмѣстѣ съ братомъ, ты родился въ то время, какъ судьба назначила людямъ долю тяжелую и несчастную!“

И рѣшился старикъ еще разъ попытать судьбу... Послалъ сыновей въ лѣсъ, а самъ положилъ на дорогѣ, на плотинѣ, мѣшокъ съ деньгами и прилегъ подлѣ въ кустахъ, думая, что хоть обманомъ, а найдетъ-таки младшій сынъ деньги, найдетъ и подумаетъ, что онъ

самъ ихъ нашелъ и разбогатѣлъ потому, что развѣ уже одинъ слѣпой ихъ тутъ не найдетъ.—Вотъ, смотритъ старикъ, выходитъ изъ лѣсу точно младшій сынъ, выходитъ и идетъ къ плотинѣ. Только что же?.. Дошелъ бѣдняга почти къ самому мѣшку, оглянулся посмотрѣть, идетъ-ли старшій братъ изъ лѣсу, прилегъ на плотинѣ, прилегъ обождать старшаго брата—и заснулъ... Ну, а уже старшій братъ, разумѣется, подоспѣлъ, наткнулся на мѣшокъ и поднялъ его.—Подождалъ старикъ, какъ ушли сыновья домой, всталъ и тогда только совсѣмъ понялъ, что доли своей уже никакъ не минуешь, и что, чего бы только человѣкъ ни выгадывалъ, чего бы только онъ ни дѣлалъ, а уже доли своей никакъ не минуешь!..— Дѣдушка на минуту смолкаетъ, оглядываетъ слушателей пристальнымъ взоромъ, и снова скрипитъ табакерка дѣдушки, и снова льются его разсказы... Но вотъ, на дворѣ окончательно стемнѣло; слуга, сверстникъ дѣдушки, опять-таки тотъ самый, который построилъ мостъ, вноситъ свѣчу и бережно, дрожащею рукою, опускаетъ ее на столъ, въ кружокъ слушателей... И когда свѣча, потрескивая и лѣниво вспыхивая, разгорится наконецъ и медленно раздвинетъ по воздуху мерцающій кругъ своего свѣта, въ этотъ кругъ, одно за другимъ, выступаютъ изъ темноты лица гостей. Выступаетъ въ него и лилово-бирюзовый носъ сосѣдняго винокура, и черные, черные усы юнкера, дѣдушкинаго крестника, и русая, подобранная подъ золотую булавку, коса дѣдушкиной внучки, склоненной надъ гаруснымъ вязаньемъ, и огромный, въ видѣ малахитовой печатки, глазъ сосѣдняго овцевода, страстнаго охотника послушать и не менѣе страстнаго охотника потомъ разсказать о слышанномъ, и

нѣсколько чепцовъ, и нѣсколько вытянутыхъ, при разсказахъ дѣдушки, маленькихъ личекъ. Тутъ же рядомъ, захваченное полосою свѣта, выясняется и молодое, обрамленное бѣлокурою бородою, лицо священника; онъ сидитъ въ коричневой рясѣ, опоясанный розовымъ, вышитымъ поясомъ, и на пальцѣ опущенной вдоль кресла руки его блеститъ золотое кольцо. И ничѣмъ, вплоть до ужина, не нарушаются разсказы дѣдушки. Развѣ неожиданно погаснетъ, среди страшнаго повѣствованія, догорѣвшая свѣчка, и пораженные слушатели, послѣ мгновеннаго остолбенѣнія, громко расхохочутся, да упадутъ съ потолка на столъ сѣмячки и чирикнетъ проснувшаяся въ клѣткѣ птичка, которой блескъ свѣчи покажется свѣтомъ загорающагося утра. Исторія дѣдушки незадолго передъ этимъ кончилась. Дѣдушка умеръ...

Случилось это очень просто. — За какой-то должишко клочекъ земли, занимаемой болотомъ, былъ проданъ. Дѣдушка не унывалъ. „Ну,— думалъ онъ себѣ: — хоть болото теперь и не мое, а все-таки его отсюда видно, и оно точно какъ будто мое болото!“ — Дѣло, однакоже, вышло иначе. Новый владѣлецъ купленной земли, какой-то франтъ и мечтатель, напустилъ на болото кучу землероевъ и механиковъ, очистилъ его, осушилъ, вспахалъ и засѣялъ какою-то новоизобрѣтенною нѣмецкою травкою, которую зовутъ травкою-фуфаркою. Травка-фуфарка принялась, а между тѣмъ болото, въ пространство и красоту котораго дѣдушка слѣпо вѣрилъ, исчезло, и вслѣдъ за нимъ исчезло и озеро, вытекавшее изъ болота. Дѣдушка было попрежнему сталъ храбриться и произнесъ: „Ну, что же? опять-таки не взяла!“ — но рѣшительно не перенесъ своей потери. Точно что оборвалось

*

у его сердца! Иногда еще, правда, онъ забывался и выходилъ попрежнему на крыльцо, съ намѣреніемъ взглянуть на водяное зеркало, въ рамѣ камышей разстилавшееся у холма, выходилъ послушать музыку, музыку птицъ и лягушекъ, наполнявшихъ цвѣтущее, зеленое болото... Но онъ тутъ же останавливался и закрывалъ лицо руками, не было болѣе ни воднаго зеркала, ни камышей, ни чудной музыки природы! Тихо тосковалъ и угасалъ дѣдушка, слушая, какъ порою залетный филинъ садился на крышу ветхаго домика и стоналъ, вѣщуя смерть. Ворчалъ старикъ и нѣсколько разъ порывался убить изъ ружья докучливую птицу. Но, наконецъ, махнулъ рукою, и филинъ спокойно допѣлъ свою унылую пѣсню, когда дѣдушка, прислушиваясь къ дремотливому лепетанію листковъ своихъ подросшихъ яблонь, тихо покинулъ землю... Въ околоткѣ разнесся недавно слухъ, будто черезъ теплинскій лѣсъ пройдетъ, предназначаемая изъ слобожанскихъ степей къ южному морю, желѣзная дорога. Если это справедливо, то тамъ, гдѣ еще недавно былъ маленькій лѣсной домикъ и жилъ дѣдушка, лягутъ желѣзныя, длинныя нити, и огненный паровозъ, гремя и устилая небо дымомъ, полетитъ быстрѣе мысли, полетитъ, неся добро и пользу, и, устлавъ свой путь городами, игольчатыми станціями, садами, мостами, длинными трубами грохочущихъ фабрикъ и и сверкающими домами новыхъ селъ, сотретъ тяжелыми слѣдами своими послѣднія воспоминанія о бѣдномъ, добромъ старикѣ...

II.

СТАРОСВѢТСКІЙ МАЛЯРЪ.

СТАРОСВѢТСКІЙ МАЛЯРЪ.

(Разсказъ).

«Ты куколка, я куколка,
«Ты маленькая, я маленькая—
«Приди ко мнѣ въ гости».
Изъ старой сказки.

I.

Было знойное лѣто. По гребню высокаго косогора, на возу съ пшеницей, по степи ѣхалъ старый хуторянинъ. Свѣсивъ ноги съ воза, лѣниво сгорбясь и наклонивъ голову на грудь, онъ покачивался подъ мѣрный шагъ воловъ, дремалъ и пѣлъ. Напѣвалъ онъ все одно и тоже, а именно, слѣдующія слова, повидимому, начало любимой его пѣсни:

«Ой были у кума пчелы,
«Ой... да были-жъ... у кума... пче-е-лы!»

Онъ пѣлъ ясно первую строку, начало второй слабѣе, а конецъ уже — засыпая. Встрѣчный толчекъ будилъ его. Онъ просыпался, затягивалъ ту же пѣсню, засыпалъ на словахъ: „Ой... да были у кума пчёлы“—и, проснувшись на новомъ толчкѣ, опять принимался за старое.

Далѣе новости о томъ, что „у кума были пчёлы“, онъ не шелъ, и такъ ѣхалъ уже нѣсколько часовъ.

Ѣхалъ онъ въ Полтаву. На-встрѣчу ему, также подремывая и напѣвая, на телѣгѣ въ одну лошадь, двигался другой хуторянинъ-казакъ, молодой. Ѣхали казаки и сцѣпились возами.

Необычайный скрипъ снастей разбудилъ ихъ. Они очнулись и молча стали погонять, старый — воловъ, молодой — своего коня.

Возы не трогались съ мѣста. Посыпались отрывочныя восклицанія.

— А! чтобъ тебѣ было пусто...—произнесъ старикъ, зѣвая и потягиваясь.

— Ишь, колодою развалился и не сворачиваетъ,— замѣтилъ молодой, также зѣвая...

— А ты что́ губы развѣсилъ? вѣрно тётку схоронилъ?— прибавилъ старикъ и, спустившись съ воза, принялся копаться около колесъ.

— Ты вѣрно тётку схоронилъ!—обиженно произнесъ молодой, помолчавъ и усаживаясь на окраинѣ воза:— у тебя вѣрно тётка умерла, да и отецъ твой—пьяница!

— Какъ пьяница?—съ удивленіемъ спросилъ старикъ:—врешь ты! Не отецъ мой пьяница, а ты—такъ пьяница!—Синяки подъ глазами гдѣ взялъ?

Тотъ, къ кому относилось замѣчаніе о синякахъ, такъ часто этимъ украшался, что синякъ подъ его глазомъ скорѣе можно было принять за родимое пятно, чѣмъ за синякъ. Молодой хуторянинъ привскочилъ на мѣстѣ.

— Пьяница? Я—пьяница? А чтобъ твоя жена была воровкою, чтобъ ты самъ проворовался, да еще пусть тебя поймаютъ и отдерутъ...

— Это тебя вѣрно отдерутъ!—сказалъ старикъ, безуспѣшно потягивая за колесный ободъ и очевидно теряясь отъ причитываній своего противника.

— Меня? Ахъ ты, старая подошва! Ахъ ты, бродяга... ишь, слюни распустилъ...

— Чтобъ тебѣ было пусто!—плюнулъ старикъ, не зная, куда дѣться отъ брани молодого, который гремѣлъ, какъ труба, сидя на окраинѣ воза.

Молодой не угомонился и еще прибавилъ:

— Чтобъ у тебя въ мятель, посреди степи, кобыла распряглась, поясъ лопнулъ и руки окоченѣли...

Старикъ окончательно растерялся, выпустилъ ободъ и съ изумленіемъ замѣтилъ:

— Ахъ, да какъ же вы такъ удивительно ругаетесь!

Хуторяне развели возы, приподняли шапки и молча разъѣхались. Скоро отлогій косогоръ остался у каждаго за спиною. Странники раскинулись на возахъ и заснули.—Когда они снова открыли глаза, была уже ночь, возы ихъ стояли гдѣ-то, передъ низенькою хатою шинка, и стояли, къ удивленію ихъ, опять сцѣпившись колесами... Молча покачали путники головами и слѣзли съ возовъ.—„Надо ночевать тутъ!“—сказалъ одинъ изъ нихъ.—„И то правда! надо ночевать!“—прибавилъ другой. Хуторяне распрягли воловъ и улеглись подъ открытымъ небомъ.

Скажемъ теперь, кто таковы были путники, такъ странно сведенные судьбою. Младшій былъ чумакъ, Омелька Брусъ, въ большихъ обозахъ и въ одиночку ѣздившій лѣтомъ за солью, а зимою, съ утра до ночи, лежавшій на печи, въ своемъ хуторѣ. Старшій... но о старшемъ надо сказать подробнѣе..

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР

Старшій былъ старосвѣтскій маляръ, изъ Борисовки, по имени Ефимъ Со́яшница. Старосвѣтскіе маляры нынче перевелись; но въ Борисовкѣ еще кое-гдѣ ихъ встрѣтишь. Со́яшница былъ украшеніемъ и гордостью Борисовки; его носили на рукахъ. Это былъ худенькій, низенькій человѣкъ, совершенно сѣдой и обстриженный въ кружокъ, въ зеленомъ длинномъ кафтанѣ изъ набойки и въ синемъ жилетѣ. Его жилетъ былъ съ непомѣрно-глубокими карманами, куда Со́яшница собиралъ все, что ни попадалось; ему стоило только опустить въ эту кладовую руку, и оттуда, когда нужно, появлялись: иголка съ нитками, наперстокъ, или мѣдная гребенка, ножницы, сломанный циркуль, пуговка, восковой огарокъ, пуля. Со́яшница брилъ затылокъ, носилъ большой отложной воротъ рубахи, читалъ по воскресеньямъ Апостолъ и любилъ, ставъ на клиросѣ, подтягивать тоненькимъ дискантомъ соборнымъ пѣвчимъ. Вслѣдствіе разныхъ тревогъ въ жизни, Со́яшница, и прежде ѣздившій довольно часто съ работою по сосѣднимъ слободамъ, рѣшился окончательно бросить родимую Борисовку, вблизи которой родился на слободскомъ хуторѣ, и кончить вѣкъ въ работѣ по добрымъ людямъ...

Чуть крикнули пѣтухи, путники уже проснулись. Но прежде проснулся маляръ. — Вѣтеръ колыхалъ пучекъ бѣлаго ковыля на длинномъ шестѣ корчмы, и стая скворцовъ съ шумомъ летѣла на ближнюю поляну, засѣянную горохомъ. Роса блестѣла по травѣ. Издалека неслись звуки церковнаго колокола. Въ полѣ раздавалось веселое ржанье жеребенка. Маляръ сталъ противъ восходящаго солнца, осѣнивъ глаза рукою. Онъ молчалъ. Грудь его дышала спокойно, и въ маленькихъ карихъ

глазахъ отражалась такая безмятежность, что никто бы не повѣрилъ, что ихъ хозяину давно стукнуло семьдесятъ лѣтъ.

— А знаете, оно хорошо было бы выпить! — раздался за его спиной голосъ. Сбяшница обернулся. Передъ нимъ стоялъ, протирая глаза и зѣвая во весь ротъ, его вчерашній знакомецъ, Омелько.

Шаровары Омельки были сильно выпачканы дегтемъ, ноги—босыя, шапка въ заплатахъ.

— Выпить, такъ и выпить!—рѣшилъ маляръ.

Шинкарь вынесъ водки. Путники потребовали хлѣба и сѣли подъ возами. О встрѣчѣ и перепалкѣ прошлаго дня не было и помину. Первый налилъ водки Омелько Брусъ.

— Будьте здоровы,—сказалъ онъ, осушая стаканчикъ, покривился, сплюнулъ, покачалъ головою, выпилъ еще стаканчикъ, посмотрѣлъ на его дно, махнулъ рукой, какъ бы говоря: „ну, теперь уже довольно!“ и бережно поставилъ графинчикъ на траву.

— Откуда вы?—спросилъ маляръ.

— Ѣздилъ въ Крымъ за солью, — жена посылала; да только не доѣхалъ, чтобъ нечистый побилъ ту канальскую водку. Всѣ деньги пропилъ на дорогѣ и кисетъ съ табакомъ пропилъ, и сапоги пропилъ, и теперь меня жена ужъ непремѣнно побьетъ...

Сбяшница покосился на плечи Бруса и нѣсколько усомнился въ томъ, что его можетъ побить жена.

— Ну, а вы, дядюшка, откуда? – спросилъ Брусъ, опять посматривая на стаканчикъ.

— Ѣду въ Полтаву къ одному знакомому человѣку хату писать.

Библ.

— Э, друже, такъ вы—маляръ?— вскрикнулъ Омелько Брусъ не безъ радости:—такъ вы уже лучше постойте. Лучше вы меня выслушайте.

— А что?

— Поцѣлуемся прежде!

— Поцѣлуемся...

Странники, снявъ шапки, чмокнули другъ друга въ усы.

— Бросьте вы Полтаву,—сказалъ Брусъ: — на нечистаго вамъ Полтава? ничего вы тамъ не сдѣлаете!

— Нѣтъ!—сказалъ маляръ, помолчавъ: — никакъ уже нельзя теперь, далъ слово, пріятель обругаетъ!

— Не обругаетъ. Поѣдемъ въ наши мѣста, работы не оберешься!

Маляръ задумался.

— Нѣтъ, никакъ нельзя! — отвѣтилъ онъ рѣшительно:—далъ слово! и какъ это можно. Пріятель скажетъ, что у меня языкъ даромъ во рту колотится!

— Не скажетъ пріятель. Поѣдемъ въ нашъ край! паны у насъ—все люди хорошіе а картинами всѣ панскія хоромы увѣшаны.

Маляръ взглянулъ на Бруса и подумалъ: „Какой же ты, однако, должно быть, добрый человѣкъ! Оно сейчасъ видно: и не спѣсивъ, и водку хорошо тянешь...“

— Ѣду, такъ и быть! — сказалъ маляръ, махнувъ рукою.

Шинкарь вынесъ новую флягу горѣлки. Маляръ скинулъ свитку и обратился къ другимъ путникамъ, съ любопытствомъ обступившимъ новыхъ друзей:

— А ну, братцы, садитесь и вы, да помочимъ усы въ горѣлкѣ!

Омелько Брусъ взялся за флягу, и пошла попойка.— Солнце, между тѣмъ, стало сильно припекать. Распряженные волы маляра паслись за шинкомъ; лошадь Бруса щипала траву на взгорьѣ, за выгономъ.

Въ это время по дорогѣ показался какой-то человѣкъ, въ картузѣ, съ коротенькою трубкою и кнутомъ. Онъ шелъ прямо къ коню.

— Смотрите, кто-то идетъ къ вашему мерину!—замѣтилъ маляръ.

— Идетъ! — отвѣтилъ Брусъ, спокойно лежа на животѣ.

— Вѣдь онъ украдетъ вашего коня!—сказалъ маляръ.

— Нѣтъ, не украдетъ.

— Какъ не украдетъ? Да вѣдь онъ идетъ прямо къ нему!

— Такъ что-же? — отвѣтилъ Брусъ:—развѣ коня ужъ нельзя и на выгонъ выпустить?

— Да вѣдь онъ уже берется за гриву!—сказалъ маляръ.

— Мало-ли что! теперь день, и насъ семеро.

Человѣкъ въ картузѣ оглянулся, взобрался на коня, хлестнулъ его кнутомъ и понесся по полю: только пыль столбомъ взвилась за нимъ.

Вскочили озадаченные хуторяне. Они безъ шапокъ бросились въ догонку за похитителемъ.

— Отдай, отдай коня, вражій сынъ! — кричалъ Брусъ:—держи его, держи...

Но всадникъ мелькнулъ въ луговой травѣ и скоро исчезъ за косогоромъ.

Вернулись хуторяне къ корчмѣ и, снова охая, усѣлись подъ возами.

— Коня теперь нѣтъ,—сказалъ Брусъ:—такъ зачѣмъ и телѣгѣ оставаться! Продадимъ телѣгу! Деньги на дорогу понадобятся: что-нибудь сломается, или за постой нужно будетъ заплатить.

Отуманенный маляръ сказалъ-было: „Не совѣтую! телѣга совсѣмъ новая!“ Но тутъ же привсталъ, повозился за чѣмъ-то въ шароварахъ, опять сѣлъ и, сказавъ: „А не то, продавай телѣгу; она теперь совсѣмъ уже не нужна!“ клюнулся головою въ траву и заснулъ... Омелько Брусъ продалъ телѣгу подъѣхавшимъ чумакамъ и, отведя ихъ за шинокъ, объявилъ, что хочетъ танцовать. Чумаки вытащили изъ корчмы мальчика съ дудкой. Мальчикъ утеръ носъ, усѣлся на землѣ и принялся играть.

— Пейте, братцы! гуляйте!—кричалъ Брусъ, взявшись подъ бока и съ трубкой въ зубахъ отвёртывая ногами бѣшенную присядку:—гуляйте такъ, чтобъ тошно стало самому нечистому...

Сперва Брусъ плясалъ подъ корчмой, а потомъ и въ самой корчмѣ, уже полной народа. И чего только онъ ни дѣлалъ: билъ себя по бокамъ и по головѣ, кидалъ направо и налѣво руки и ноги, и каждая складка платья, каждая жилка, руки и губы,—все въ немъ плясало...

Вспомнилъ Брусъ свое прошлое время, когда еще у него не было жены и онъ украдкою отъ дяди-кузнеца бѣгалъ на вечерницы.

Смеркло...

Омелько растолкалъ маляра, и широкій возъ хуторянъ снова заколыхался по пыльной дорогѣ.

II.

Ѣхали хуторяне долго, и въ дорогѣ съ ними было не мало приключеній. Когда въ полѣ попадался имъ въ потертомъ халатѣ и съ кисетомъ за поясомъ прохожій и, приподнявъ передъ ними картузъ, говорилъ: „Душечка, дайте мнѣ грошикъ!“ Омелько спрашивалъ: „На что вамъ грошикъ?“ Получая въ отвѣтъ: „Я за ваше здоровье, душечка, выпью!“ онъ опускалъ руку въ карманъ маляра и, вынувъ оттуда деньги: говорилъ: „Вотъ вамъ грошикъ, только выпьемъ вмѣстѣ!“ и подвозилъ его къ шинку.

По ночамъ путники не ѣздили, а всегда съ вечера гдѣ-нибудь останавливались.—Тутъ языкъ Бруса, при помощи денегъ, вырученныхъ за телѣгу, развязывался, и онъ угощалъ маляра разными любопытными разсказами.

Мало вниманія обращали странники на то, что у нихъ, наконецъ, не стало ни копѣйки денегъ.

Населенный и богатый край, родина Бруса, былъ не за горами. Какъ-то подъ вечеръ странники встрѣтили красноносаго городского скрипача. Едва державшійся на ногахъ, съ трубкою во рту и съ маленькою, потертою скрипкою подъ мышкой, музыкантъ, покачиваясь и понуривъ голову, подошелъ вензелями къ странникамъ. Снявъ шапку, онъ принялся напиливать на скрипкѣ что-то заунывное, закончилъ трепакомъ и, по обыкновенію всѣхъ слобожанскихъ скрипачей, попросилъ скрипкою пить: „пи-и-ти, пи-ти-ти“. Но, увидѣвъ, что пить ему не даютъ, онъ объявилъ, что если у добрыхъ людей есть кнутъ и хворостина, то его надо побить, потому что онъ рѣшительно никуда не годится... Онъ

тутъ же положилъ скрипку на траву, снялъ поясъ, растянулся по срединѣ дороги и отъ души сталъ просить хуторянъ исполнить его желаніе.

— Что-же? побить, такъ и побить! — рѣшилъ Брусъ:— это ужъ такъ ему, видно, нужно, душа захотѣла...— И сталъ его слегка хлестать.

Въ другомъ мѣстѣ странники встрѣтили мужа, несшаго на рукахъ подкутившую жену.—„То, вѣрно, съ веселья идутъ!“—сказалъ при этомъ маляръ.—„У кума были!“—отвѣтилъ Брусъ, умильно слѣдя за счастливою четою.

Скоро потянулись хутора. Все здѣсь было спокойно и уютно. Жизнь тутъ текла, какъ тихая, дремотливая струйка воды въ лѣсу. Народъ сидѣлъ у своихъ хатъ и, кажется, почти не замѣчалъ, какъ солнце всходило и садилось за цвѣтущими полями, какъ смѣнялись вечеръ, утро и темная ночь. Омелько качалъ головою и говорилъ: „Вотъ жизнь!“ Маляръ ему вторилъ.

Маляръ любилъ засматриваться на какого-нибудь казака или на бабу, написанную на вывѣскѣ шинка. Омелько же, бо́льшею частью, спалъ безъ просыпу, какъ только могутъ спать хуторяне, прогулявшіе до копѣйки свое добро и ѣдущіе, подобно ему, домой къ сердитой и бойкой женѣ, пославшей мужа продать, напримѣръ, на ярмаркѣ мѣшокъ пшеницы, или годовалаго бычка. Пріѣзжаетъ такой хуторянинъ домой, хозяйка ласково встрѣчаетъ его и сажаетъ за столъ.—„Вотъ это-жъ тебѣ—вареники, а вотъ это—блины! Кушай на здоровье, а я тебѣ еще и водочки поднесу!“—Сидитъ пропащій мужъ, ни живъ, ни мертвъ, уплетаетъ молча вареники и блины и не знаетъ, какъ ему выпутаться изъ бѣды!—

„Ну, говори же!“ —начинаетъ хозяйка: — „почемъ была пшеница на ярмаркѣ и почемъ бычки?“ —Мужъ, утирая усы, принимается разсказывать. — „Ну, а кофту купилъ ты мнѣ?“ — робко спрашиваетъ хозяйка, наливая мужу водки. — „Купилъ!“ —отвѣчаетъ мужъ. — У хозяйки душа готова выпрыгнуть отъ радости. — „Гдѣ же она?“ — „Тамъ!“ —отчаянно отвѣчаетъ мужъ, махая рукою. — „Гдѣ тамъ?“ — „Пропала наша пшеница, да пропалъ и бычокъ. Сижу я, голубочка ты моя, на возу и думаю, какъ бы это ихъ не украли...“ — „Ну?“ — „Вотъ, сижу я и думаю. Утро прошло, не украли!.. Обѣдъ пришелъ, не украли! Солнце стало садиться“... — „Ну?? Ну??“ — „Да уже вечеромъ украли, вражьи люди!“ —замѣчаетъ мужъ, утирая усы. Хозяйка, блѣдная и взбѣшенная, вскакиваетъ изъ-за лавки... Только такіе хуторяне и могутъ такъ спать, какъ спалъ во всю дорогу Брусъ. Наконецъ, путники увидѣли пристань своего странствованія.

Рано, на разсвѣтѣ теплой и влажной зари, передъ ними и съ косогора развернулась широкая долина, съ синѣющими лѣсами, курганами и лугами по берегамъ рѣки. Солнце только-что начинало подниматься изъ-за пригорковъ, и легкій туманъ висѣлъ по долинѣ. — Омелько Брусъ остановилъ воловъ, приподнялся на возу и, на вопросъ маляра, сказалъ:

— То, будто, овцы по долинѣ бѣлѣютъ, деркачёвскіе хутора; на этихъ хуторахъ живетъ панъ добрый и богатый; мы у него тоже побываемъ...

III.

Былъ полдень.

На крыльцѣ хуторянскаго домика стоялъ низенькій

господинъ, въ шелковомъ стеганомъ бешметѣ, въ нанковыхъ панталонахъ и въ гарусныхъ ботинкахъ на босу ногу.

Это былъ Михѣй Михѣичъ Деркачъ, обладатель деркачёвскихъ хуторовъ.

На головѣ Михѣя Михѣича была широкая, изъ степной травки, шляпа. Онъ держалъ въ рукахъ пѣнковую трубку съ большимъ янтаремъ и потиралъ въ раздумьѣ небритый подбородокъ. Этотъ подбородокъ имѣлъ обыкновеніе, какъ бы гладко его ни брили утромъ, къ вечеру того же дня обростать изъ-сине-черною щетиною.

Михѣй Михѣичъ пошелъ-было купаться, но уже было жарко. Мухи нестерпимо жужжали. Онъ вынулъ носовой платокъ и повязалъ его, въ видѣ вуали, на соломенную шляпу. Шедшія по дорогѣ бабы, присматриваясь къ бѣлому платку, который, какъ султанъ каски, отъ вѣтра то поднимался, то опускался на поляхъ шляпы, недоумѣвали, кто бы это могъ быть, и думали про себя: „Не то адъютантъ, не то дама!“—а подходя ближе, распознавали лицо добраго Михѣя Михѣича.

Передъ Михѣемъ Михѣичемъ у крыльца стояли, съ шапками въ рукахъ, уже извѣстные странники, маляръ Сóяшница и его спутникъ Омелько Брусъ.

Воловъ у маляра также уже не было, и отъ самаго воза осталась одна пустая дегтярная мазница, да и ту онъ заложилъ въ кабакѣ, при входѣ на деркачёвскіе хутора.

Помѣщикъ прошелся по крыльцу и, потягивая изъ трубочки, спросилъ;

— Что же вамъ отъ меня нужно?

— Я—маляръ!—сказалъ Сóяшница.

Окинувъ глазами сѣдую голову, долгополый зеленый кафтанъ и вообще всю слабую и плохенькую фигуру маляра, Михѣй Михѣичъ затянулся трубкой и, пуская дымъ колечками, произнесъ:

— Нѣтъ... идите съ Богомъ... мнѣ васъ... не нужно!

Маляръ съ унынiемъ взглянулъ на него и спросилъ:

— Отчего же... не нужно? Я вамъ такую вещь напишу, что еще съ-роду не видано!

Михѣй Михѣичъ помолчалъ.

— А карету распишешь?

— Распишу...

— Да вѣдь ты, я знаю тебя, заломишь Богъ вѣсть какую цѣну? Маляръ изъ Бахмута брался расписать ее за пятьдесятъ цѣлковыхъ.

— А я возьму... двадцать, а не то и меньше!— сказалъ Со́яшница.

— Когда такъ, то я согласенъ!—отвѣтилъ помѣщикъ.

Сдѣлка тутъ же была заключена на условiяхъ, что Со́яшница будетъ жить на барскихъ харчахъ до той поры, пока окончитъ всю работу; съ нимъ будетъ жить и Брусъ, въ качествѣ *подмалярiя;* и каждому изъ нихъ, за обѣдомъ, будетъ подноситься по рюмкѣ водки, а за ужиномъ, по окончанiи дневныхъ трудовъ, по двѣ. Сверхъ того, имъ дозволено, разъ въ недѣлю, ходить въ гости къ сосѣднимъ хуторянамъ и, если пожелаютъ, напиваться пьяными, слѣдовательно, ходить на четверенькахъ. Полная расплата за работу должна была послѣдовать, когда деркачёвскiй баринъ прокатится въ заново-отдѣланной каретѣ.

Маляръ и его другъ перешли на новое жительство.

Это былъ курень, съ навѣсомъ и погребомъ, въ са-

*

довой пáсѣкѣ. Омелько Брусъ скоро огласилъ своды новаго жилища звонкимъ храпомъ, а черезъ недѣлю, въ куренѣ ,неизвѣстно откуда, появилась круглая и „полновидная“ бабёнка, съ бѣлымъ лицомъ и въ аломъ платкѣ на черныхъ, лоснящихся волосахъ. И когда деркачёвская дворня, примѣтивъ эту гостью, иронически спрашивала у Бруса: „Что́ это за баба?“ — Брусъ отвѣчалъ: „А то я сюда свою жену перевелъ, потому что какъ же на свѣтѣ человѣку жить безъ жены?“ — „А у тебя, Сóяшница, есть жена?“ — спрашивала любопытная дворня. — „Есть!“ — нехотя отвѣчалъ маляръ: — „только она ходитъ теперь... на заработкахъ!“ — Дворня болѣе не разспрашивала. — Маляръ съѣздилъ въ уѣздный городъ, накупилъ кистей и красокъ, перетащилъ карету изъ сарая подъ навѣсъ пáсѣки и принялся за работу.

Старая, пыльная карета была вымыта, высушена, до половины закрыта широкою полотняною тканью, и маляръ, соскобливъ съ ея боковъ старую краску, началъ покрывать ее грунтомъ. Омелько Брусъ, получившій титулъ подмалярія, на гладко отполированномъ жерновѣ вѣтряной мельницы принялся растирать бѣлила, охру, сурикъ, синьку и мѣдянку.

Работа пошла, какъ по маслу, и Сóяшница до того расходился, что, покрывая желтымъ слоемъ грунта кожаные бока кареты, захватилъ налету и стекла кареты, и порядочную часть собственнаго фартука.

Михѣй Михѣичъ, какъ человѣкъ знающій и старательный, хотя до того безтолковый, что, по замѣчанію сосѣдей, муха преспокойно могла усѣсться на кончикѣ его носа и загнать его въ болото, часто заходилъ въ мастерскую Сóяшницы.

— Это у тебя ямочки и негладко! — говорилъ онъ, водя рукой по загрунтованнымъ бокамъ кузова.

— И въ самомъ дѣлѣ, ямочки и негладко!—подхватывалъ маляръ, издали прищуриваясь на свою работу и тоже водя по ней рукою: — и какъ это могло случиться?

— Это нужно поправить! — говорилъ Михѣй Михѣичъ, сжавъ губы и вопросительно смотря на Со́яшницу.

— Поправлю! — отвѣчалъ Со́яшница: — безъ того нельзя... вонъ, трещины...

Михѣй Михѣичъ черезъ нѣсколько дней снова заходилъ на па́сѣку.

— А вѣдь у тебя, погляди — опять ямочки и не заглажено!—говорилъ онъ, нагибая носъ къ каретѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, не заглажено! — удивлялся маляръ, недоумѣвая, какъ это могло случиться.

И сколько Михѣй Михѣичъ ни приходилъ на па́сѣку,—медомъ тамъ удивительно пахло,—а ямочки и трещины на каретѣ оставались въ прежнемъ положеніи...

Между прочимъ, онъ крайне любопытствовалъ узнать, какъ маляръ обойдется при своей работѣ безъ должныхъ инструментовъ.

— Какъ это ты выточишь и вылощишь?—спрашивалъ онъ, указывая на разныя мѣста:—у тебя нѣтъ ни стамесокъ, ни пемзы!

— А вы не безпокойтесь! — отвѣчалъ маляръ: — я это все отлично сдѣлаю! — я это сапожнымъ шиломъ сдѣлаю!

— Ка́къ, сапожнымъ шиломъ?

— А такъ же; гдѣ вогнуто, я остріемъ-съ, а гдѣ гладко, проведу плашмя-съ...

Михѣй Михѣичъ на это теръ у себя переносицу и молча отправлялся смотрѣть пчелъ, за которыми, скажемъ мимоходомъ, въ свободное отъ работы время, было поручено смотрѣть Брусу.

Среди занятій по подмалёвкѣ и окраскѣ кареты незамѣтно мелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ.

Одинъ бокъ кузова былъ выправленъ и загрунтованъ. Маляръ принялся за другой бокъ. Экономка Михѣя Михѣича аккуратно подносила малярамъ за обѣдомъ по рюмкѣ водки, а за ужиномъ по двѣ, и Михѣй Михѣичъ спокойно смотрѣлъ изъ окна гостиной, какъ, по условію, по праздникамъ, маляры прогуливались на четверенькахъ передъ корчмою его хутора, несказанно тѣмъ потѣшая пеструю слобожанскую толпу.

— А знаешь что, Сбяшница? — сказалъ однажды Михѣй Михѣичъ, навѣстивъ маляра: — ты бы тогда, какъ не пишешь кареты, и она сохнетъ, другое что хорошее написалъ.

— И въ самомъ дѣлѣ! Что даромъ время тратить!

— Что же ты напишешь?

— Все на свѣтѣ. Для того мнѣ нужна только та краска, что зовутъ „кошечьи румяна“, да хоть чуточку настоящихъ свинцовыхъ бѣлилъ. „Кошечьи румяна“, бѣлила и прочее были доставлены, и въ одно прекрасное утро Михѣй Михѣичъ обратился къ маляру съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Ну, что же ты теперь мнѣ напишешь?

Маляръ опустилъ кисть и, глядя на оставленную работу, сказалъ:

— Напишу бѣднаго Лазаря, или прекраснаго Іосифа,

Ма-

высокую гору, или какъ мать сына въ походъ провожаетъ; напишу турецкаго пашу...

Черезъ нѣсколько недѣль Сбяшница принесъ Михѣю Михѣичу что-то завернутое въ клѣтчатомъ синемъ платкѣ. На вопросъ барина: „это что такое?“ онъ отвѣчалъ: „я вамъ, Михѣй Михѣичъ, снигиря поймалъ.“ — Снигирь, однакоже, оказался картиною, и Михѣй Михѣичъ, взявъ ее въ обѣ руки, сталъ ее глубокомысленно разсматривать... На полотнѣ былъ изображенъ кавказскій плѣнникъ.

— Хорошо, весьма хорошо! — сказалъ Михѣй Михѣичъ: — усы вышли нѣсколько будто голубые, но хорошо... очень хорошо... горы, черкесы и лѣсъ...

Услышавъ похвалу, Сбяшница размахался руками.

— Эхъ, Михѣй Михѣичъ! Эхъ, сударь вы мой! — восклицалъ онъ: — да если бы мнѣ этакое помѣщеніе, да краски, такъ я бы не то написалъ! Ну, что́ это? Пустяки. Нѣтъ, я славную бы вещь написалъ! Эхъ, я уже знаю... да что... лучше и не говорить.

Раскозырявшемуся маляру, однакоже, пришлось получить неожиданный щелчокъ судьбы. Михѣй Михѣичъ нечаянно взглянулъ на одно мѣсто картины и сдвинулъ брови.

— Послушай, — сказалъ онъ: — а рука плѣнника куда дѣвалась? ты рукавъ написалъ и даже саблю на воздухѣ около него написалъ, а про руку и позабылъ.

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! — вскрикнулъ Сбяшница: — совсѣмъ позабылъ! изъ головы вылетѣло, Михѣй Михѣичъ! право вылетѣло!

И онъ тутъ же сбѣгалъ на па́сѣку, усѣлся на перевернутомъ ведрѣ и пририсовалъ къ рукаву плѣнника забытую руку.

IV.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Другой бокъ кареты былъ окончательно загрунтованъ, и маляръ принялся покрывать его изъ-синя зеленою краской.

— Знаешь, Сóяшница,—сказалъ баринъ:—я думаю на дверцахъ написать свои гербы.

— Что же, ничего... оно точно хорошо, какъ гербы...

— Какъ же ты думаешь, голубою или зеленою краскою написать гербы? — спрашивалъ онъ.

— Ни голубою, ни зеленою...

— Кáкъ такъ?

— А такъ же! Ужъ если чтó рисовать, такъ я вамъ съ каждой стороны, на дверцахъ, нарисую лучше по два самоварчика...

— Кáкъ, по два самоварчика??

— А видите-ли: я въ Змiёвѣ нарисовалъ одному купцу, на вывѣскѣ, рядомъ по два одинаковыхъ самоварчика, и повѣрите-ли, весь городъ повалилъ въ гостинницу къ тому купцу, и онъ разжился въ нѣсколько мѣсяцевъ, и мнѣ за то далъ плису на жилетъ и совсѣмъ почти новую шапку...

Михѣй Михѣичъ улыбнулся.

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ самоварчиковъ лучше не рисуй.

— Отчего же не рисовать?

— Да такъ; это, кажется, теперь не въ модѣ.

— Такъ какъ же? Вѣдь этакъ вся карета будетъ безъ украшенiй...

— Нѣтъ, ужъ пусть лучше будетъ безъ украшеній, а самоварчики... это не въ модѣ...

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ съ той поры, какъ маляры поселились на пáсѣкѣ Мúхѣя Михѣича.

Омелько Брусъ блаженствовалъ, Сóяшница, однакоже, замѣтилъ, что его пріятель съ нѣкотораго времени начинаетъ впадать во многія, не совсѣмъ благовидныя наклонности, хмурилъ брови и дулся. Такъ, напримѣръ, оказалось, что въ ульяхъ садовой пáсѣки, за которою Брусу было поручено ходить, когда ихъ осенью принесли къ подвалу, чтобы, по обыкновенію, подрѣзать соты, не отыскалось ни крошки меду.

Баринъ удивился.

— Куда дѣлся медъ? говори!—спросилъ онъ строго Бруса.

— А Богъ его знаетъ, куда! — отвѣтилъ спокойно Брусъ:—можетъ быть, высохъ, или кто-нибудь его съѣлъ.

— А вотъ, я тебя какъ положу, да вспрысну березникомъ, такъ ты и будешь у меня разсказывать!

Михѣй Михѣичъ, впрочемъ, напрасно храбрился, такъ какъ во всю жизнь онъ наказалъ одно только существо, а именно, голландскаго гуся, который во время купанья укусилъ его за голую икру, за что̀ въ тотъ же день и попалъ въ горшокъ съ борщомъ.

За Брусомъ былъ учрежденъ строгій надзоръ, и было велѣно перевести его изъ пáсѣки въ особую хату.

Оказалось также, что Омелько Брусъ и его жена навѣдываются безъ спроса въ огородъ, гдѣ стали исчезать ягоды, картофель и бобы. Михѣй Михѣичъ замѣчалъ объ этомъ маляру, маляръ Брусу, но Брусъ на это отмалчивался или принимался икать.

Не радовалъ сердце друга Брусъ, какъ въ тѣ времена, когда они странствовали по степи и дѣлили вмѣстѣ счастье и горе, смѣхъ и слезы.

Работа подходила къ концу.

Колеса кареты были осмотрѣны и окрашены, и маляръ принимался за покрытіе всего кузова лакомъ. Злая грусть, между тѣмъ, съѣдала сердце маляра. Онъ выходилъ изъ па́сѣки, глядѣлъ, на улицу, гдѣ жилъ Брусъ, и молча хмурилъ брови. Омелько, видимо, его избѣгалъ, не являлся растирать на жерновѣ красокъ и водился либо съ зажиточными хуторянами, либо съ поповичами сосѣдняго мѣстечка. И часто, изъ-за ограды сада, маляръ слышалъ, какъ при его имени, произнесенномъ Брусомъ, головы хуторянъ обращались къ па́сѣкѣ и раздавался хохотъ чернобровыхъ хуторянскихъ красавицъ.

— Эхъ-ма!—говорилъ на это маляръ: — вѣдь вотъ человѣкъ! Ну, не говорилъ-ли я? вѣдь только даромъ живетъ на свѣтѣ! Такіе-ли бываютъ подмаляріи? Знаемъ мы васъ, шеромыжниковъ... Эхъ, дай-ка мнѣ хорошихъ рабочихъ, написалъ бы я славную вещь... И всѣ бы тогда сказали: „ишь ты, сидѣлъ сидѣлъ, да и написалъ такую вещь, что́ еще и не видано...“

Замѣтивъ, что маляръ начинаетъ сильно тосковать, Михѣй Михѣичъ, въ утѣшеніе его, подарилъ ему старенькое охотницкое ружье.

Маляръ, однакоже, не прикасался къ ружью и даже съ сердцемъ говорилъ Брусу, который иногда являлся на па́сѣку пострѣлять въ отсутствіе Сбяшницы воробьевъ: „оставь ты эту бѣсовую вещь, Омелько, оставь: еще глазъ выбьешь!“ — „Ничего, не выбью!“ — отвѣчалъ на

это Брусъ.—„Какъ, не выбьешь? оставь, говорю тебѣ: забылъ ты развѣ, какъ Михѣй Михѣичъ хотѣлъ тебя высѣчь за медъ? забылъ?“ — „Гдѣ забылъ, вовсе не забывалъ! только ужъ не знаю, можно-ли кого на свѣтѣ высѣчь за воробьевъ!“—„Воробьи, Омелько, тоже хотятъ жить, и ты—дрянь, а не человѣкъ, если станешь ихъ убивать!“

Однажды маляръ шелъ за мукою черезъ господскій дворъ. Въ окнахъ дома раздался крикъ. Помѣщикъ, блѣдный и растерянный, выбѣжалъ на крыльцо.

— Маляръ, маляръ! — кричалъ онъ:—бѣги скорѣе на пасѣку и неси свое ружье; мои заперты въ кладовой, а въ чуланъ вскочилъ бѣшенный котъ, только-что взбѣсился!

Маляръ оглянулся, выхватилъ изъ подъ-плеча пустой хлѣбный мѣшокъ и сказалъ: „на пасѣку далеко, а я и этимъ кота поймаю!“—Съ этими словами онъ вбѣжалъ на крыльцо, отперъ дверь чулана и остановился на порогѣ.

Жирный сѣрый котъ ключницы дѣйствительно взбѣсился и, злобно вращая помутившимися глазами, съ пѣною у рта, ходилъ по чулану..

Маляръ присѣлъ на корточки, разставилъ передъ собою мѣшокъ и сталъ подходить къ коту. Михѣй Михѣичъ, блѣдный, стоялъ за нимъ. Котъ вытянулся, ощетинился, замяукалъ и бросился на маляра; маляръ бросился на кота.

Помѣщикъ вскрикнулъ и пошатнулся. Когда онъ раскрылъ глаза, котъ уже сидѣлъ въ мѣшкѣ маляра, и послѣдій молча закручивалъ надъ нимъ веревку.

— Въ воду, въ воду его!—кричали дворовые, когда

маляръ вытащилъ и торжественно вынесъ кота на крыльцо.

Маляръ пошелъ къ рѣкѣ. Помѣщикъ и дворня слѣдили за нимъ.

„Зачѣмъ“,—разсуждалъ маляръ:—„я кину кота въ воду вмѣстѣ съ мѣшкомъ?“ Мѣшокъ можетъ на что-нибудь пригодиться!“

Онъ сталъ развязывать мѣшокъ...

Но едва узелъ развязался, котъ стремительно ударился въ его руки, весь въ пѣнѣ выскочилъ изъ мѣшка и вспрыгнулъ ему на шапку. Маляръ въ ужасѣ присѣлъ къ землѣ...

Ощетинившись на немъ и дико мяукая, котъ сталъ его скрести когтями...

Михѣй Михѣичъ окончательно потерялся и бросился бѣжать къ дому безъ памяти, крича и махая руками.

Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ, и котъ, завертѣвшись кубаремъ, полетѣлъ съ головы маляра въ воду. Всѣ съ изумленіемъ оглянулись на звукъ неожиданнаго выстрѣла...

Изъ двери пчелинаго шалаша голубою струйкой тянулся дымокъ. Омелько Брусъ, склонившись надъ ружьемъ, блѣдный стоялъ у порога шалаша и молча осматривалъ курокъ.

Сбяшница увидѣлъ, кто былъ его спасителемъ, и въ безумной радости кинулся къ своему другу.—„Голубчикъ мой, Омелько! Такъ это ты убилъ кота?“—кричалъ онъ, смаргивая крупныя, катившіяся по усамъ, слезы.

Брусъ на это не поднялъ даже головы, какъ-будто это былъ не онъ, и сквозь зубы ворчалъ, пристально

разглядывая ружье: — „Вотъ такъ ружье! Ей-Богу, и не думалъ, чтобы не промахнуться, а оно и убило кота! Славное ружье, чтобъ бѣсъ забралъ его батька!“

Въ груди маляра похолодѣло,

— Такъ ты не радъ, Омелько, что спасъ меня? — спросилъ маляръ.

— Гдѣ не радъ! Я только говорю, что какъ это я такъ вѣрно попалъ въ кота! И не думалъ совсѣмъ попадать, а уже на удачу...

Случилось около того же времени, маляръ завелся собственнымъ боченкомъ полынной водки и тщательно сберегалъ этотъ напитокъ въ погребѣ около шалаша. Онъ долго имъ пользовался втихомолку и вдругъ замѣтилъ, что боченокъ началъ пустѣть, будто усыхать, и скоро водки осталось на его днѣ не болѣе нѣсколькихъ стакановъ... Изумился маляръ, осмотрѣлъ боченокъ: ни одной щели не было на его бокахъ. — „Должно быть, повадился воръ!“ — рѣшилъ Сбяшница и задумалъ, во что бы то ни стало, поймать вора.

Онъ залѣзъ на ночь подъ лавку, на которой стоялъ боченокъ, и только-что успѣлъ умѣститься, какъ дверь погреба тихо скрипнула, и въ него сталъ спускаться какой-то человѣкъ съ фонаремъ.

Боченокъ снятъ со скамьи; кто-то опрокинулъ его надъ головой.

Сбяшница быстро выскочилъ изъ своей засады и остолбенѣлъ: передъ нимъ стоялъ Омелько Брусъ...

Маляръ стиснулъ зубы.

— Такъ это ты, Омелько, мою водку воруешь? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Я!—отвѣтилъ Омелько, безсознательно разглядывая боченокъ...

Маляръ вздохнулъ.

— И полюбилась тебѣ моя водка?

— Какъ не полюбилась!..

— Отчего же ты не пришелъ ко мнѣ и не спросилъ?

Брусъ молчалъ.

— Зачѣмъ же ты... сюда... по ночамъ... сюда, Омелько?

Голосъ маляра дрогнулъ.

— Лучше бы ты, Омелько, взялъ ножъ да зарѣзалъ меня, какъ стараго барана!—сказалъ Сбяшница и вышелъ изъ погреба; слезы душили его, и онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

На другое утро маляръ, позабывшись, за чѣмъ-то опять вошелъ въ погребъ: боченокъ, уже окончательно допитый, лежалъ на полу.—„Собака!“—сказалъ съ холоднымъ негодованіемъ маляръ, отталкивая ногою боченокъ.

Съ той поры онъ заперся въ шалашѣ, пересталъ пускать къ себѣ Бруса и болѣе не промолвилъ съ нимъ ни слова. Да и не къ чему уже было говорить съ Омелькой.

Омелько въ это время неожиданно приказалъ всѣмъ долго жить...

Произошло это такимъ образомъ.

Было то тяжелое время, когда повсюду стали запрещать ѣсть дыни, арбузы, яблоки и всякую овощь, потому что появилась страшная болѣзнь, холера. Омелько Брусъ, незадолго до того времени, сталъ окончательно пропадать по оврагамъ и пропивать послѣдній платокъ жены. Но вдругъ онъ неожиданно остепенился и даже

сталъ заводиться хозяйствомъ. Онъ, между прочимъ, посѣялъ огородъ и день и ночь его караулилъ, не трогая ни капли водки. Огородъ у Бруса созрѣлъ, но никто не покупалъ у него овощей. — „Что!“ — подумалъ Брусъ: — „повезу я ихъ хоть по помѣщикамъ; можетъ, на кормъ скоту купятъ!“ — И онъ навалилъ дынями и арбузами огромный возъ. Солнце пропекло его до костей. Воды негдѣ было взять, и Брусъ, забывшись, проткнулъ пальцемъ большую дыню, выпилъ ее съ сѣмечками до дна, заболѣлъ — да дорогою и умеръ. — Лошадь его привезла къ чьей-то усадьбѣ. Дворня со страхомъ обступила возъ и повернула его оглоблями назадъ; лошадь обратно повезла хозяина въ деркачёвскіе хутора. — Шумъ поднялся на тихой улицѣ. Народъ сбѣжался, но никто не рѣшился коснуться бѣднаго Бруса. Сама его жена, увидѣвъ трупъ мужа, забѣжала неизвѣстно куда, захвативъ съ собою все уцѣлѣвшее добро покойника. Коснулся Омельки Бруса, снялъ его съ воза, одѣлъ и похоронилъ одинъ только человѣкъ на всемъ хуторѣ. И былъ этотъ человѣкъ — старый маляръ Сбяшница. — „Всѣмъ былъ добрый и хорошій человѣкъ, всѣмъ, да проворовался, какъ собака!“ — говорилъ сѣдой маляръ, стоя съ лопатой надъ могилою отошедшаго друга...

Вѣтеръ шумѣлъ между черными крестами хуторскаго погоста, волнуя траву, покрывавшую одинокія могилы, и никто не видѣлъ, какъ горевалъ маляръ надъ покойнымъ другомъ. — „Эхъ-ма!“ — говорилъ старикъ, качая головою: — „зачѣмъ ты, Омелько, проворовался!“ — И глухія рыданія прерывали сѣтованія осиротѣлаго маляра.

V.

Карета была окончательно окрашена, и чистенькая и свѣтлая, какъ новый поливянный кувшинчикъ, стояла подъ навѣсомъ пчельника. Маляръ видѣлъ, что дѣло пришло къ цѣли, что настала пора расплаты; но все еще ходилъ и возился возлѣ кареты, смотрѣлъ на ея дверцы и колеса и не рѣшался сказать ея обладателю, что работа совершенно окончена. Жаль было старику покинуть пригрѣтое и обжитое мѣстечко. Онъ кашлялъ и смотрѣлъ въ землю, встрѣчаясь съ Михѣемъ Михѣичемъ, и всегда заводилъ посторонній разговоръ. Да и Михѣй Михѣичъ, впрочемъ, не торопился съ каретой. Онъ очень удобно ѣздилъ въ самодѣлковыхъ деревянныхъ дрожкахъ, которыхъ имя было „чертапха̀ны“.

Со́яшница не зналъ, куда дѣться отъ тоски. Скитаясь безъ цѣли изъ угла въ уголъ, онъ привязывался то къ голубямъ, то къ послѣдней дворовой собакѣ, которую всѣ гнали и били безъ милосердія.

Неожиданно судьба послала ему утѣшеніе.

Стоялъ однажды, по своему обыкновенію, Михѣй Михѣичъ на крыльцѣ. Изъ кухни вышелъ заспанный лакей, Тере́шко. Онъ былъ любимецъ барина и имѣлъ право заговаривать съ нимъ во всякое время, заложа руки за жилетъ и отставивъ одну ногу впередъ.

— Чего тебѣ, Тере́шко?—спросилъ баринъ.

— Да я къ вашей милости.

— А что, развѣ?

— Да тамъ такое диво, что я и родился, и выросъ, и вашей милости служу, а не видѣлъ еще такого, убей Богъ...

— Что-жъ тамъ за диво?

— Гляжу я въ окно, идетъ по улицѣ фокусникъ, а за нимъ бѣжитъ весь хуторъ, и мужики, и бабы. Вынулъ фокусникъ дудку и мѣшокъ, а въ мѣшкѣ сидѣлъ ученый пѣтухъ.

— Ну?

— Вынулъ фокусникъ того пѣтуха, подвязалъ ему къ ногамъ ходули изъ палочекъ и сталъ играть на дудкѣ.

— Такъ что же?

— Да бабы просятъ зазвать фокусника...

— А зазвать, такъ и зазвать.

Передъ домомъ собралась густая толпа дворни.

Фокусникъ, оказавшійся скромнымъ продавцемъ гребенокъ и ножей, явился, весело поглядывая на окружающихъ; онъ поклонился барину, попросилъ рюмку водки, выпилъ, и представленіе началось. Пѣтухъ сталъ огромными шагами расхаживать подъ дудку хозяина. Присутствующіе заливались дружнымъ хохотомъ. Баринъ всталъ.— „Терёшко, а бѣги въ комнаты и принеси сюда моего пѣтуха!“ —сказалъ онъ слугѣ:— „пусть онъ побьется съ пѣтухомъ фокусника. Я знаю, мой пѣтухъ хоть съ кѣмъ угодно побьется“.

Терёшко побѣжалъ исполнять приказаніе Михѣя Михѣича.

Пѣтухъ, за которымъ онъ побѣжалъ, былъ въ своемъ родѣ замѣчательный. Михѣй Михѣичъ гдѣ-то прочелъ, что если птичьи яйца положить въ теплый песокъ, на солнце, или даже просто подъ мышки, во что-нибудь мягкое, то изъ нихъ, въ опредѣленный срокъ, выйдутъ маленькіе птенцы. Онъ приказалъ себѣ принести свѣ-

жихъ куриныхъ яицъ и, обернувъ ихъ ватою изъ теплой фуражки, подвязалъ себѣ подъ мышки платкомъ, да такъ бережно и носилъ ихъ тамъ что-то около шести недѣль. Въ ваточныхъ гнѣздахъ вывелись цыплята: подъ однимъ плечомъ курочка, а подъ другимъ пѣтухъ. Курочка скоро пропала, а пѣтушокъ выросъ и сталъ бѣгать по комнатамъ. Михѣй Михѣичъ обвилъ ему ножки краснымъ гарусомъ и продѣлъ въ ушки серьги. Пѣтухъ получилъ имя Пѣтуха Иваныча, подросъ, завелся дюжиной женъ.

— А ну-ка, Терёшко, бросай его на ученую птицу!—закричалъ Михѣй Михѣичъ, сбѣгая съ крыльца.

Гребенщикъ снялъ своего пѣтуха съ ходуль. Произошли два воинственныхъ скачка. Шеи съ ощетинившимися перьями, протянулись, крылья развѣсились, и головы, съ налитыми кровью глазами, стали носъ противъ носа. Воинственные скачки повторились. Пѣтухи опустили головы до самой земли. — „А ну-ка, Терёшко, подталкивай нашего пѣтуха!“ —сказалъ Михѣй Михѣичъ. Пѣтухи сразились. Перья на спинѣ каждаго встали и раздулись. Смертельный ударъ готовился съ обѣихъ сторонъ. Присутствующіе смотрѣли, едва переводя дыханіе... Пѣтухъ Иванычъ еще свирѣпѣе ринулся на своего соперника. Но соперникъ привскочилъ и со всею силою стукнулъ его по головѣ... Пѣтухъ Иванычъ клюнулся въ траву и распласталъ крылья. Болѣе онъ не пикнулъ: онъ былъ убитъ на повалъ...

— Ка-а-къ! — закричалъ съ запальчивостью Михѣй Михѣичъ:—такъ ты пришелъ моихъ пѣтуховъ убивать? Взять у него пѣтуха и отдать его на жаркое...

Побѣдитель безъ жалости былъ унесенъ на кухню.

Гребенщикъ оглянулся. Всѣ разошлись. Слезы закапали съ его усовъ. Онъ съ силою ударилъ дудку о крыльцо. Дудка разлетѣлась въ дребезги. Онъ пошелъ въ кабакъ.

Тамъ его отыскалъ Сбяшница. Онъ приласкалъ его, утѣшилъ и даже рѣшился перевести въ свой шалашъ. Гребенщикъ съ той поры, въ самомъ дѣлѣ, и поселился у маляра. И когда Михѣй Михѣичъ, выходя прогуляться, спрашивалъ маляра: „а скажи мнѣ, Сбяшница, что это у тебя за человѣкъ живетъ тамъ въ шалашѣ?“— Сбяшница на это отвѣчалъ: „то ничего; то я себѣ нанялъ опять краски растирать!“—Михѣй Михѣичъ довольствовался отвѣтомъ Сбяшницы и на тревожилъ его новыми распросами.

Недолго, однако, наслаждался Сбяшница обществомъ и новаго своего друга.

Однажды (это было въ началѣ первыхъ зимнихъ морозовъ, когда холодный вѣтеръ неожиданно потянулъ изъ-за рѣчки) Сбяшница жарко истопилъ печь, легъ на лежанку и до глубокой ночи не могъ закрыть глазъ, ворочаясь съ боку на бокъ и невольно сравнивая своего молчаливаго гостя съ покойнымъ Омелькой Брусомъ. И сквозь легкую дремоту видѣлось ему былое, невозвратное время, статный, широкоплечій парень, съ синякомъ, похожимъ на родимое пятно, подъ глазомъ, цвѣтущая степь, широкій косогоръ и море травъ, по которымъ ныряетъ пара круторогихъ воловъ и тяжелый хуторянскій возъ.—Гость маляра также не спалъ и поминутно ворочался.

Когда маляръ проснулся и протеръ глаза, въ шалашѣ не было ни души. Кровать, на которой спалъ его

гость, была пуста, и вѣтеръ прорывался въ раскрытую дверь. Сбяшница накинулъ на плечи шубу, выскочилъ изъ шалаша, заглянулъ подъ навѣсъ, гдѣ стояла карета, заглянулъ въ погребъ; нѣтъ ни души, и только первый снѣгъ кружился и сыпался на землю тяжелыми, волнующимися хлопьями. Первою мыслію маляра было, что молчаливый гость обворовалъ его и убѣжалъ. Но онъ тутъ же отклонилъ отъ себя это недостойное подозрѣніе и рѣшилъ, что гость, вѣроятно, соскучился и пошелъ искать себѣ инаго пріюта и иныхъ друзей.

Горько усмѣхнулся Сбяшница, надвинулъ на уши шапку и вышелъ изъ шалаша, съ цѣлью, во что бы то ни стало, вернуть назадъ безумнаго сожителя. Свѣжіе слѣды виднѣлись подъ навѣсомъ куреня, у двери, на занесенной полоскѣ снѣгу. Онъ кинулся по этимъ слѣдамъ. На дворѣ его окликнулъ сторожъ, одинъ изъ его пріятелей:

— Куда ты въ такую пору, Сбяшница?

— А вотъ, я на амбаръ: хочется на голубей посмотрѣть—не подмерзли бы!—отвѣтилъ старикъ, и онъ скоро скрылся изъ глазъ сторожа...

Слѣдующее за этимъ утро было ясно и безоблачно. Солнце весело катилось по голубому небу. Равнины искрились серебромъ перваго снѣжнаго убора. Михѣй Михѣичъ, въ тепломъ бешметѣ и въ ваточномъ картузѣ, съ суконными клапанчиками на ушахъ, сходилъ съ крыльца, собираясь побродить по хозяйству. И только что онъ подумалъ: „а посмотримъ, много-ли дѣвки надрали пуху“,— какъ къ его дому подъѣхалъ возъ, покрытый рогожею. Сотскій шелъ возлѣ воза и что-то говорилъ рыжему въ веснушкахъ парню, который погонялъ воловъ.

— Что тебѣ, Никита?—спросилъ Михѣй Михѣичъ сотскаго.

— А вотъ, работникъ мой ѣхалъ по стѣпи съ сѣномъ и подъ стогомъ нашелъ двухъ замерзшихъ людей. Парень откинулъ съ воза рогожу. На кучѣ снѣга лежали окоченѣлые маляръ Сбяшница и гребенщикъ.

VI.

Судьба сжалилась надъ маляромъ и не допустила его отойти изъ дольняго міра такимъ печальнымъ путемъ. По распоряженію Михѣя Михѣича, тѣла замерзшихъ со всѣми усиліями были оттираемы, и когда ничто не помогало, ихъ поставили въ такъ-называемый *мертвый домикъ*, который читатель всегда встрѣтитъ на многихъ степныхъ кладбищахъ.

Михѣй Михѣичъ нѣсколько трусилъ, не зная, кому отдать слѣдуемую плату за карету, и опасаясь, какъ бы маляръ самъ, въ видѣ мертвеца, не пришелъ за нею ночью. Мертвецъ, однако, его не безпокоилъ. Когда, передъ вечеромъ, сторожъ вошелъ въ мертвый домикъ, замерзшій гребенщикъ лежалъ на столѣ, а маляра тамъ не было.—Сторожъ заглянулъ подъ столъ и въ канавы, окружавшія кладбище, даже на колокольню: нигдѣ не было старика. Сбяшница ожилъ, покинулъ мертвый домикъ и притащился къ себѣ въ шалашъ, истопилъ тамъ печь, сварилъ себѣ кашу, обогрѣлся, проспалъ чуть не цѣлыя сутки и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ жить на бѣломъ свѣтѣ.

Но уже лучшія струны его души были порваны, и онъ болѣе не выходилъ изъ холодной, постоянной тоски.

Тѣнь перваго его друга, Омельки Бруса, носилась передъ нимъ, и онъ съ печальнымъ раздумьемъ смотрѣлъ черезъ заборъ сада. Однажды онъ пробовалъ-было расхрабриться передъ хуторянскими молодицами и объявилъ, что вы, вотъ, не смѣйтесь, что онъ самъ женатъ, и что его жена молода и не уступитъ никакимъ на свѣтѣ молодицамъ. И когда въ его словахъ усомнились, онъ пошелъ къ Михѣю Михѣичу, занялъ у него, въ счетъ будущей платы за карету, денегъ и сообщилъ, что пойдетъ за женою и приведетъ ее на хуторъ. — Отправился маляръ въ дорогу. Весь путь его мочилъ холодный дождь и била острая осенняя стужа. Иззябшій и измученный, добрался онъ къ купцу, у котораго проживала работницею его жена. — Нѣсколько десятковъ верстъ, пройденныхъ пѣшкомъ, дали себя знать старику. Купецъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и спросилъ: „Да развѣ это твоя жена?“—„Моя!“—отвѣтилъ Сбяшница.—Купецъ задумался, повелъ его въ свои комнаты, накормилъ его, напоилъ и сказалъ: „Жены твоей теперь у меня нѣтъ!“—„Какъ нѣтъ? Гдѣ же она?“—спросилъ маляръ измѣнившимся голосомъ.—„Она,—вотъ видишь-ли.. она теперь уже не у меня, а у одного аптекаря, въ Харьковѣ, нанимается... ключницею“. — Маляръ разставилъ руки и вперилъ глаза въ землю. Слеза выкатилась изъ-подъ его рѣсницы и, задрожавъ, повисла на небритомъ подбородкѣ.—„Ступай и возьми свою жену! она здорова, сыта и тебѣ обрадуется!“—сказалъ купецъ.

Маляръ печально улыбнулся.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ:—жена теперь не пойдетъ за мною! Дождь и теперь очень мокро!

— Какъ не пойдетъ? Да ты ее возьми силою; на то ты мужъ...

— Мужъ!.. нѣтъ она не пойдетъ!—замоталъ головою маляръ:—я ужъ знаю свою жену! не пойдетъ, потому дождь и мокро.

И, несмотря на всѣ увѣщанія купца, онъ покинулъ Харьковъ и опять пустился въ длинный путь. Ночуя подъ копнами и въ старыхъ кирпичныхъ заводахъ, пришелъ онъ къ Михѣю Михѣичу и молча подалъ ему гривенникъ.

— Что это?—спросилъ его изумленный баринъ.

— Это осталось отъ денегъ! Возьмите, отдадите разомъ, при расплатѣ за карету; а то еще пропьешь его, какъ паршивый бродяга.

— А гдѣ же твоя жена?

— Осталась тамъ.

— Какъ осталась!—ты развѣ не былъ въ Харьковѣ?

— Былъ, да она не пошла бы за мною!

— Какъ не пошла бы?—Что ты городишь?

— Мокро!.. Я ужъ знаю свою жену; не пошла бы, потому что дождь и очень мокро.

Съ той поры маляръ точно преобразился, сталъ совершенно спокоенъ. Еще онъ иногда возился съ подпилкомъ у винтовъ и у ручекъ кареты. Но уже работы надъ нею не доводилъ до конца. Прислонясь къ забору сада, онъ смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ въ поле, по которому носились, каркая, черныя вороны. Онъ уже не встряхивалъ сѣдыми волосами, говоря о томъ, что вотъ придетъ время, и онъ напишетъ такую славную и хорошую вещь... Маляръ видимо угасалъ и, какъ бы предчувствуя близкій конецъ, не заводилъ ни съ кѣмъ разговора.

Баринъ звалъ его иногда къ передъ-обѣденной порціи водки. Но маляръ отводилъ рукой поданную ему рюмку и молча устремлялъ въ землю глаза, нежданно залитые слезами. Баринъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на маляра.

— Что съ тобою, Со́яшница?—спрашивалъ онъ.

— Скучно мнѣ сударь, вотъ что́...

— Какъ скучно?—что за чепуха...

— Такъ-таки совсѣмъ скучно!

Баринъ смотрѣлъ на донышко рюмки.

— Но отчего же тебѣ скучно?

— А врагъ его знаетъ!—отвѣчалъ маляръ, утирая рукавомъ катившіяся на кончикъ носа слезы: — вездѣ скучно: и въ шалашѣ скучно, и на хуторѣ, и въ полѣ, просто—на свѣтъ бы не глядѣлъ...

— Что же? вѣрно война будетъ?—спрашивалъ Михѣй Михѣичъ.

— Ну, войны не будетъ! а просто скучно—руки бы на себя наложилъ...

— Тебѣ, вѣрно, жаль... кого?—допрашивалъ Михѣй Михѣичъ:—вѣрно, жены?

— Не ее, а Бруса!—отвѣчалъ тихо маляръ и уже не могъ удержаться... Глухія рыданія вырывались изъ его старой груди.

Въ свѣтлый іюньскій вечеръ, когда въ прозрачномъ воздухѣ, противъ солнца, роились мошки и облака ярко блистали за рѣкою, — когда дружно звучали въ нѣсколькихъ мѣстахъ поля пѣсни идущихъ съ работы косарей и на хуторѣ передъ колодцемъ, тихо бесѣдуя,

стояли поселяне и поселянки,—маляръ Сбяшница, лежа на тулупѣ передъ шалашомъ, вслушивался въ шопотливые звуки степного вечера. Отрадно ему было дышать свѣжимъ воздухомъ, напоеннымъ благоуханіями цвѣтовъ. Онъ робко улыбался, вглядываясь въ отдаленные очерки полей. Солнце золотило круглую вершину клена, одиноко поднявшагося на просѣкѣ зеленаго сада. Кукушка звонко куковала въ кустахъ за рѣчкой, въ осиновой рощѣ... Маляръ сталъ считать крики кукушки, далеко разносившіеся въ чистомъ вечернемъ воздухѣ, — сталъ считать съ мыслью: — „а посмотримъ, сколько еще мнѣ лѣтъ остается жить на свѣтѣ“... и не досчиталъ. Стараго Сбяшницы не стало въ живыхъ...

Случилось мнѣ, въ качествѣ депутата крестьянскаго комитета, проѣзжать мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе разсказа. Вечеръ засталъ меня въ полѣ, и я завернулъ на постоялый въ деркачёвскихъ хуторахъ. Постоялый былъ вблизи хуторскаго кладбища.

Я вспомнилъ о лицахъ, похороненныхъ здѣсь, и захотѣлъ взглянуть на ихъ одинокія могилы.

Свѣтилъ полный мѣсяцъ. Въ концѣ хутора показались двое крестьянъ.

Я подозвалъ одного изъ нихъ, онъ вызвался меня проводить на кладбище. — „Гдѣ тутъ могила маляра Сбяшницы?“ — спросилъ я его.

Провожатый указалъ палкой на деревянный крестъ и отвѣтилъ:

— Вонъ она.

Я подошелъ къ кресту.

— А гдѣ могила Омельки Бруса, что похороненъ тутъ?

— Да это она же и есть.

— Какъ она? Ты же сказалъ, что это — могила маляра!

Мужикъ зѣвнулъ и сказалъ:

— Ну, да, она и есть могила маляра!

— А Омелько Брусъ гдѣ похороненъ?—спросилъ я.

— Омелько Брусъ?

— Да!

— Не знаю. Такого тутъ и не бывало. Да и маляръ, постойте, должно быть, не тутъ похороненъ!— прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

— Ну, а не знаешь-ли ты, гдѣ похороненъ у васъ прохожій гребенщикъ? онъ тоже, если помнишь...

Мужикъ надвинулъ шапку, запахнулъ полы зипуна и молча пошелъ обратно къ кабаку, не удостоивъ меня отвѣтомъ... У кабака слышалась пѣсня....

III.

БѢСЪ НА ВЕЧЕРНИЦАХЪ.

БѢСЪ НА ВЕЧЕРНИЦАХЪ.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ).

—«Не такъ страшенъ чортъ,
какъ его малюютъ». *Поговорка.*

Дѣдъ поставилъ ружье въ уголъ, усѣлся на теплой лежанкѣ и сталъ разсказывать...

Это было въ Изюмѣ,—говорилъ онъ:—на святкахъ. Шелъ мѣщанинъ Явту́хъ Шаповаленко по дальнему переулку, заглядывая во всѣ окна и затрогивая прохожихъ. Шелъ онъ уже поздно на зарѣ, на вечерни́цы, т.-е. посидѣлки, которыя справлялись на десяти-копѣечную складчину молодежи ближней слободки, въ лѣсу, на водяной мельницѣ, и потому-то онъ нарядился въ пухъ и прахъ. Синіе нанковые шаровары, только что купленные на торгу, были туго перетянуты ремнемъ, съ висящими на немъ гребенкой и коротенькой трубочкой. Концы шароваръ были засунуты въ высокіе, съ желѣзными подковами, сапоги. Поверхъ бѣлой рубахи, съ синимъ и краснымъ шитьемъ у воротника, на плечи молодецки была накинута сѣрая свитка, а на волосы была надвинута

высокая, съ синимъ суконнымъ вéрхомъ, черная барашковая шапка. Въ его лѣвомъ ухѣ болталась серьга, а изъ кармана шароваръ выглядывалъ конецъ желтаго съ разводами платка. И шелъ онъ, предаваясь всякимъ потѣхамъ. То просунетъ голову въ узенькое окошко подслѣповатой бабы-вдовы и надъ самымъ ея ухомъ крикнетъ: „а-гýй!“ То совершенно неожиданно, передъ домомъ волостнаго писаря, начнетъ на рукахъ и ногахъ вертѣться колесомъ—и роняетъ по пыльной дорогѣ то трубку, то платокъ, то цѣлую дорожку пятаковъ; или погонится за толпою разряженныхъ дѣвокъ, а тѣ разбѣгаются отъ него съ визгами и криками, какъ стая воробьевъ отъ налетѣвшаго ястреба... То, наконецъ, у воротъ двухъ сосѣдей-стариковъ, съ громкимъ крикомъ „*Ходилъ гарбузъ по городу!*“ пускается отплясывать въ присядку. Его сапоги звенятъ подковками, выбивая лихой танецъ. Густая пыль летитъ столбомъ, и въ ея облакѣ мелькаетъ по временамъ баранья шапка, складка шароваръ, или его длинные черные усы. Съ громомъ летитъ мимо таратайка проѣзжаго купца, и послѣдній, поднявъ съ подушекъ изумленное лицо, смотритъ и, съ просонковъ не понимая, что́ передъ нимъ дѣлается, исчезаетъ въ концѣ улицы.—„Молодецъ!“ говоритъ въ одно слово ватага парней, идя мимо плясуна. „Молодецъ Явтýхъ! Молодецъ гуляка Шапова́ленко!“—И Явтухъ понимаетъ, что онъ точно молодецъ, потому что наконецъ и головы столѣтнихъ старцевъ поднимаются передъ нимъ, и устремляются на него глаза тѣхъ людей, которые уже столько лѣтъ съ утра до ночи сидятъ, какъ могильные камни, у своихъ воротъ и смотрятъ въ землю, не поднимая головы ни передъ чѣмъ на свѣтѣ.

„Любо жить на свѣтѣ! Вотъ такъ любо!“ —думаетъ между тѣмъ Явту́хъ, минуя околицу и огородами пробираясь къ лѣсу. Тряхнулъ онъ волосами, надвинулъ шапку, подтянулъ туже поясъ и взглянулъ на ясное звѣздное небо... Звѣзды дрожатъ и будто колышутся, точно огоньки воздушныхъ свѣчекъ. Но вотъ, изъ-за лѣса послышался далекій говоръ и смѣхъ. Хата мельника скоро выглянетъ изъ-за деревьевъ. А тамъ веселье, шумъ, толкотня, и среди всего—красавица На́йда, дочка мельника...

„Что за краля эта На́йда!“ думалъ Явту́хъ, пробираясь къ околицѣ и перескакивая то черезъ камышъ, то черезъ ровъ, обросшій осокой. „Была не была!— скажу сегодня всѣмъ, что На́йда—моя невѣста и что я женюсь на ней! Посмотрю тогда, какъ заартачится старый мельникъ!“ И, разведя кусты, онъ смѣло вошелъ въ лѣсъ. Темнота и мертвая тишина кругомъ. Ни соловей, ни филинъ не оглашаютъ лѣса. Между деревьями, на мѣсяцѣ, сверкнуло болото; черезъ него, по мостику изъ бревенъ и вѣтвей, лежитъ дорога... Подойдя къ болоту, Явту́хъ бодро ступилъ на мостъ, размахивая длинною хворостиною и расточая разныя замѣчанія насчетъ людскаго трудолюбія. „Эка народъ эти изюмцы! пять лѣтъ копались по поясъ въ водѣ и выстроили такой мостъ, прости Господи, что съ нечистымъ не разминешься; а ужъ куда необъемистъ этотъ вражій сынъ!..“ И вдругъ онъ видитъ, какъ разъ на срединѣ моста, усѣлось что-то маленькое, худенькое, черненькое и мохнатое. Явту́хъ къ нему, а оно сидитъ и только его зеленые глазки сверкаютъ, какъ у кота. Явту́хъ закричалъ:—„брысь!“ а оно и ухомъ не ведетъ и только ви-

ляетъ чернымъ и длиннымъ, какъ у собаки, хвостикомъ. „Э-ге-ге, дѣло недоброе! Только упомянулъ нечистаго, а ужъ онъ и подвернулся! Постой же ты, ѝродова душа:—я тебѣ покажу, какъ вашего брата учатъ!“

Онъ быстро подошелъ и со всего размаха хлестнулъ его длинною хворостиной. Завизжалъ, залаялъ бѣсъ, какъ собака, и кинулся подъ ноги парня. Явту́хъ пошатнулся, скользнулъ съ мостика и со всего размаха полетѣлъ внизъ усами, въ болото.

— Вотъ вода, такъ вода, да и холодная какая!— пробурчалъ онъ, выкупавшись въ лужѣ и взбираясь на тощія бревна. Съ его шароваръ, съ рубахи и съ усовъ текло, какъ съ крыши во время дождя. „Эхъ-ма!“, прибавилъ онъ, осмотрѣвшись и выворачивая карманы шароваръ и свитки:—„ни кисета, ни платка, ни денегъ нѣтъ! Все тамъ!“ И онъ показалъ въ воду... „Погоди-жъ ты, бѣсовъ сынъ:—я тебѣ утру носъ! Заставилъ выкупаться, точно пьянаго москаля! И на вечерни́цы теперь опоздаешь!.. Ахъ ты, свиное твое ухо... Ахъ...“ И въ самомъ досадливомъ расположеніи духа, онъ пошелъ обратно въ Изюмъ.

Онъ шелъ, едва передвигая ноги отъ намокшихъ шароваръ, а тутъ еще казалось ему, за плечами, по кустамъ, кто-то шагалъ и будто говорилъ ему: „что, братъ? смѣяться вздумалъ? Что? драться вздумалъ? Вотъ, теперь и пляши! и пляши!“ Закипѣла месть въ его груди. „Не поддамся!“ —крикнулъ онъ и плюнулъ:—„добѣгу до хаты, переодѣнусь и еще поспѣю на вечерни́цы!“ Сказалъ и во всю прыть понесся къ Изюму...

Но не добѣжалъ Явту́хъ и до половины пути, какъ холодъ сталъ пронимать его до костей. Онъ остановился,

оглянулся по полю и, не видя вокругъ ни души, присѣлъ на траву, да не долго думая началъ раздѣваться. „Теперь не будетъ холодно!“ сказалъ онъ себѣ, взялъ свиту и рубаху подъ мышки и еще шибче побѣжалъ, несясь по высокой травѣ и перепрыгивая черезъ рвы и кочки... Мѣсяцъ кстати спрятался въ тучи и не смотрѣлъ на полураздѣтаго парня. Изюмъ скоро выглянулъ изъ-за пригорка. Огороды Явту́хъ миновалъ счастливо и, прошмыгнувъ подъ заборами, вбѣжалъ въ околицу. Тутъ онъ остановился и бросилъ пугливый взглядъ по сторонамъ: на улицѣ—ни души. Старики и бабы сидѣли ужъ въ хатахъ, а молодежь повалила на вечерни́цы въ подгородную мельницу... Явту́хъ вздохнулъ свободнѣе и впотьмахъ пустился далѣе... Но не миновалъ онъ и четверти улицы, какъ у воротъ мѣщанки Хи́ври Макитренковой, съ пѣснями и криками, выступила ватага дѣвушекъ и длинный, какъ цапля, ткачъ Юхи́мъ Бубликъ... Разряженная толпа щебетала вокругъ ткача, а онъ, со всякими припасами для вечерницъ, важно шелъ по улицѣ.

Завидѣлъ дѣвокъ Явту́хъ и обомлѣлъ отъ ужаса. Мокрую свиту и рубаху онъ оставилъ на дорогѣ подъ огородомъ, думая завтра рано взять ихъ оттуда. „Вѣдь это бѣда!“ подумалъ онъ, да такъ въ однихъ мокрыхъ шароварахъ и остался посреди улицы. Ватага приближалась къ нему... Ужъ дѣвки близко, ужъ онъ слышитъ ихъ голоса, какъ счастливая мысль мелькнула въ его головѣ: онъ оглянулся, вскочилъ въ первыя ворота и забился подъ опрокинутую бочку. Въ то же время выглянулъ мѣсяцъ. Пѣсни и говоръ раздались подъ самымъ его ухомъ.

— Охъ, постойте, дѣвки, я кого-то видѣла!

— И я.

— И я...

— И я видѣла!—посыпались звонкіе голоса, и толпа остановилась у воротъ. Явту́хъ, ни живъ, ни мертвъ, сидѣлъ подъ бочкой.

— Куда же оно дѣлось? Какъ въ воду упало!—замѣтили нѣкоторые голоса.

— Да, точно странно:—куда-бъ ему дѣться? Только-что видѣли...

— Да не подъ бочку-ли залѣзъ какой-нибудь дурень?—замѣтила рябая и косая Вѣкла.

— Можетъ быть и подъ бочку!—отозвались другія, и ужъ направлялись къ бочкѣ.

— Да нѣтъ, постойте, то вѣрно слѣпой Кондратъ проснулся и за чѣмъ-нибудь ночью выходилъ изъ хаты,—перебилъ длинный ткачъ.

— Ну, такъ и есть!—захохотали дѣвки и, поглядывая на опрокинутую бочку, пошли далѣе...

На душѣ у Явту́ха отлегло. Онъ выглянулъ, переждалъ, пока толпа исчезла за околицею, и что́ есть духу понесся по улицѣ. Прибѣжалъ къ своей хатѣ, ударился въ дверь:—на двери виситъ замокъ; дверь заперта. Онъ къ окну—оно изнутри заперто; да и безъ того въ окно развѣ одна рука его могла бы свободно пролѣзть... „Ахъ ты, судьба моя горемычная!“—сказалъ онъ себѣ, чуть не сквозь слезы:—„надо же было матери уйти и запереть двери. Ну, гдѣ я ее теперь найду?“ И онъ съ досады хлопнулъ кулакомъ по двери... И вдругъ слышитъ:—за его плечами въ темнотѣ кто-то заливается тихимъ, дребезжащимъ смѣхомъ. Явту́хъ обернулся и наставилъ передъ собою увѣсистый кулакъ. „Не

поддамся я тебѣ, окаянный! Не поддамся, да ещѳ при случаѣ и побью! Хоть въ чужую юбку и въ бабьи чужіе башмаки одѣнусь, а вотъ пойду на вечерни́цы и горѣлки напьюсь, и съ моею красавицею насмѣюсь надъ твоею собачьею харей!“ Сказалъ и подошелъ къ окну сосѣдней хаты. Въ хатѣ не было ни души. Мѣсяцъ отражался на гладкомъ полу, на печи и на полкахъ, уставленныхъ посудой. Онъ вошелъ во дворъ, ступилъ на крыльцо и толкнулъ ногою дверь. Дверь отворилась. — „Это не по нашему!“ замѣтилъ онъ: „не запираются, какъ отъ татаръ, прости Господи!“

Вошелъ Явту́хъ въ хату своей кумы, молодицы Ивги Лободы́, у которой мужъ былъ въ отлучкѣ, на заработкахъ; приперъ дверь засовомъ, досталъ изъ печи уголь и засвѣтилъ огонь. „Кума посердится, да и проститъ, а на вечерни́цы я все-таки попаду!“ подумалъ онъ и сталъ снимать со стѣны оставленные наряды сосѣдки... Надѣлъ длинную женскую рубаху, голову повязалъ платкомъ, надѣлъ красные башмаки съ подковками, ожерелье „добраго мониста“, накинулъ зеленую кофту и посмотрѣлъ въ зеркало. „Не будь усовъ, и вышелъ бы молодица-молодицею“, — сказалъ онъ съ усмѣшкою: — „и какъ, право, странно рядятся эти женщины! Точно пи́санки на Пасху... Распотѣшу же я теперь всю сходку! И набѣгается, насмѣется и навеселится моя На́йдуся, моя зорька, моя краля ненаглядная!“

Онъ погасилъ огонь, вышелъ изъ хаты, заперъ дверь и ступилъ за ворота. Городъ молчалъ. Свѣтлая глубина неба переливалась тысячами звѣздъ... Мѣсяцъ неподвижно и ярко стоялъ надъ горою Кремянцемъ. — „Впередъ, Явту́хъ Оста́повичъ, впередъ!“ сказалъ самъ се-

*

бѣ Явту́хъ, двинувшись въ путь по опустѣлой улицѣ, и вдругъ заболталъ по воздуху ногами...

Протеръ глаза, посмотрѣлъ внизъ—и обомлѣлъ отъ ужаса. Земля у него далеко-далеко подъ ногами, а его тянетъ кверху какая-то невидимая, страшно-могучая сила, и онъ летитъ все выше и выше, покидая облитый луннымъ блескомъ городъ и быстро разсѣкая воздухъ ночи.

— Что́? будешь теперь смѣяться, да грозить?—спросилъ за плечами чей-то голосъ... Явту́хъ обернулся и увидѣлъ, что маленькій и черненькій бѣсенокъ торчитъ у него за спиной, а мохнатыя лапы бѣса держатъ его подъ руки.—Вотъ тебѣ и невѣста, и горѣлка, и твои вечерни́цы!“ говоритъ парубку чортъ, быстро унося его все выше и выше. Холодомъ обдало парня при мысли о мести и силѣ нечистаго, и отъ страху онъ закрылъ глаза. Когда онъ вновь посмотрѣлъ—земля, городъ, лѣсъ и окрестности, все исчезло подъ его ногами... Онъ летѣлъ въ необъятной пустотѣ и воздухъ съ шумомъ скользилъ мимо его ушей.

— Куда ты несешь меня, дядюшка? — спросилъ, опомнясь, Явту́хъ.

— А вотъ я сейчасъ тебѣ скажу! — отвѣтило у него за плечами:—я тебя, братъ, посажу верхомъ на мѣсяцъ; и просидишь ты у меня на немъ день, два, а можетъ и годъ, развѣ, когда мѣсяцу придется опуститься до краевъ земли, успѣешь ты соскочить на стогъ травы или на какое-нибудь дерево...

— А какъ я неравно засну и упаду съ мѣсяца?

— Ну, туда тебѣ и дорога! — отвѣтилъ чортъ и рванулъ его еще скорѣе...

„Прощай, На́йда! Теперь ужъ я тебя не увижу никогда!“—подумалъ Явту́хъ и отдался на волю бѣса.

Летѣлъ онъ долго, минуя воздушныя пространства; наконецъ, мѣсяцъ, спрятавшись и опять явившись, мелькнулъ между разбѣжавшихся тучекъ и сталъ къ нему тако близко, что онъ, какъ послѣ самъ разсказывалъ, могъ даже разглядѣть, изъ чего онъ сдѣланъ; а сдѣланъ мѣсяцъ, по его словамъ, изъ серебра, только вызолоченъ, какъ блюдо изъ хорошей посуды, да еще въ одномъ мѣстѣ,—должно быть, задѣлъ обо что-нибудь на землѣ,—позолота потёрлась, и оттого пятна на мѣсяцѣ. Онъ поднялся высоко и вдругъ слышитъ, что-то въ воздухѣ шумитъ, и въ то же время чортъ за его плечами задрожалъ и увильнулъ, отшатнулся въ сторону.

— А! такъ ты дѣвокъ таскаешь, сякой-такой?— раздался хриплый и сердитый голосъ.

Старая, сморщенная вѣдьма, верхомъ на метлѣ, налетѣла на бѣса съ поднятыми кулаками.

— Да это, полноте, не дѣвка; это парень,—пропищалъ нечистый.

— Какъ парень?.. Ахъ ты, сякой-такой!.. А юбка?

— Да вы, Марфа Онуфріевна... да я, право... ужъ я же вамъ говорю!—кричалъ чортъ, осыпаемый кулаками вѣдьмы.

— Вотъ я тебя, вотъ я тебя!—кричала вѣдьма, отъ ревности и злобы не зная, съ какого конца лучше отсчитывать удары. Она ухватила бѣса за хвостъ и за загривокъ и такъ стала его трясти, что съ ея рыжей косы слетѣлъ платокъ, а изъ когтей чорта выпалъ Явту́хъ и камнемъ полетѣлъ на землю...—„Ну, теперь ужъ и

мнѣ не сдобровать!“ сказалъ бѣсъ и понесся выше и выше, силясь стряхнуть съ себя злую вѣдьму.

И долго въ воздухѣ сыпались клочки волосъ, и крупная брань бѣса и вѣдьмы оглашала темныя пространства. Явту́хъ камнемъ летѣлъ на землю...

Между тѣмъ весело лилась бесѣда въ низенькой свѣтелкѣ подгородной мельницы. Складчина на этотъ разъ удалась какъ нельзя лучше, потому, во-первыхъ, что мельникъ, старый вдовецъ и скряга, уѣхалъ въ Чугуевъ на ярмарку и дочка его осталась хозяйкою хаты; и во-вторыхъ, потому, что многіе изъ изюмской молодежи надѣялись на этотъ разъ привести къ окончанію свои сердечныя дѣла.

Полъ мельниковой хаты былъ чисто прибранъ и вымазанъ за́ново охрою; стѣны, также вновь выбѣленныя, украсились вѣнками и пучками цвѣтовъ. Печь ярко горѣла и въ ней шипѣли на горячихъ сковородахъ, въ маслѣ, пшеничные орѣшки, ячные блины и сластёны. Дубовый столъ, покрытый бѣлою скатертью, помѣщался въ главномъ углу, подъ образами; на немъ стояли графинчики съ горѣлкой. На лавкѣ у печи, близъ двери въ темную комнату, лежали куски сдобнаго и прѣснаго тѣста, яйца, свиное сало и стручковый перецъ. Вокругъ этого стола двѣ молодицы, и одна изъ нихъ Ивга Лобода́, хлопотали надъ печеніемъ и замѣшиваніемъ сластёнъ и орѣшковъ. По скамейкамъ, опрокинутымъ ведрамъ и корытамъ, вокругъ хаты, сидѣли дѣвки и парни. Смѣхъ, говоръ и пѣсни перемѣшивались съ трескомъ печи и жужжаніемъ веретёнъ. Дѣвки, сидя на рѣзныхъ до́нцахъ, тянули изъ гребней пряди и бойко водили

веретенами. Иныя сидѣли молча, другія пѣли пѣсни, а третьи болтали и щебетали, какъ ласточки въ весеннее утро. Парни, кто за столомъ, кто на перевернутомъ боченкѣ, а кто и просто на полу, сидѣли и тоже занимались разными работами. Иной точилъ деревянную чашку, другой строгалъ веретено своей красавицѣ; третій гнулъ дугу; четвертый расписывалъ вывѣску для хуторянскаго кабака, а иные говорили сказки. Сказки смѣнялись хоровыми пѣснями. При окончаніи одной изъ послѣднихъ, длинный ткачъ Бубликъ вдругъ приложилъ ладонь къ уху и, давъ знакъ рукою, чтобъ всѣ замолчали, затянулъ тоненькимъ голосомъ весьма жалобную пѣсню. Это не помѣшало ему протянуть въ печку спичку и потянуть оттуда, подъ общій хохотъ, горячую галушку. Всѣ веселились, хохотали, шумѣли, разсказывали сказки. Не веселилась одна хозяйка, мельникова дочка...

Прошло уже не мало времени, а Явту́ха не было да и не было. Сперва она думала, что онъ зашелъ къ своему пріятелю писарю; потомъ ей казалось, что онъ только притворяется, что давно ужъ пришелъ и спрятался гдѣнибудь по близости, за хатою, ожидая, что вотъ она не вытерпитъ и выбѣжитъ сама къ нему на-встрѣчу. На́йда ужъ готова была встать и выдти, какъ будто невзначай. „Нѣтъ!“—подумала она:—„лучше подожду его. Нечего баловать жениха! Положишь ему палецъ въ зубы, такъ и не вынешь!“

И она осталась.

Прошло еще нѣсколько времени. На́йда забылась и слушала, водя веретеномъ, страшную сказку, которую началъ ткачъ. Нитка пряжи у нея оборвалась и она выронила веретено. Нагнулась подъ столъ и вдругъ видитъ:

въ углу, подъ лавкой, сидитъ что-то худенькое, маленькое, черненькое и, виляя хвостомъ, смотритъ горящими, какъ угли, глазами... Найда обомлѣла отъ ужаса... Чортъ, между тѣмъ, посидѣлъ и юркнулъ въ дверь; дверь за нимъ тихо затворилась. Кромѣ Найды, никто не замѣтилъ ни его появленія, ни бѣгства. Сказка тянулась своимъ чередомъ.

И вотъ, чувствуетъ Найда, что непонятная сила тянетъ и ее съ мѣста за дверь. Она знаетъ очень хорошо, что за дверью, въ темныхъ сѣняхъ, ожидаетъ ее то же страшное чудище, что за дверью она перепугается до смерти, знаетъ и—дивное дѣло!—не можетъ себя побѣдить. Встала она съ лавки, тихо сложила гребень и отворила дверь. „Куда ты, Найда?“ — спрашиваютъ ее подруги, „А вотъ я... въ сарай... коровѣ сѣна нужно подложить!“

Она ступила въ темныя сѣни. Въ сѣняхъ—ни души. Она на крыльцо—и на крыльцѣ никого не видно. Площадка передъ хатою также пуста. И только подъ заборомъ маленькаго садика бѣгаетъ котъ. „Васька, Васька!“ стала она звать кота. Котъ вошелъ въ калитку садика. „Еще забѣжитъ въ лѣсъ!“—подумала она:— „шляется за сосѣдскими кошками“... Но не успѣла сдѣлать и пяти шаговъ, какъ котъ къ ней обернулся и сталъ мяукать и рости. Холодъ пробѣжалъ по ея жиламъ. „Брысь!“—закричала она. — Котъ ощетинился, выпустилъ когти, страшно засверкалъ зелеными глазами, такъ что освѣтилъ сосѣдніе кусты и плетень, замяукалъ еще сильнѣе и, выгибаясь, сталъ рости и рости... Найда хотѣла бѣжать и не могла: ноги не слушались; хотѣла кричать, языкъ, какъ во снѣ, не двигался. А котъ прыг-

нулъ и, поднявшись на заднія лапы, протянулъ къ ней усатую морду... „Тьфу!“ – крикнула На́йда и спрятала лицо. „За что же ты бранишься?“ —спросилъ у нея нѣжный и сладкій голосъ. На́йда смотритъ: передъ нею стоитъ ужъ не котъ, а Явту́хъ, ея милый суженый...

— Это ты, Явту́хъ?

— Я, моя кралечка!

— Какъ же ты напугалъ меня! Богъ знаетъ, чѣмъ показался!

И она кинулась къ нему на шею и потащила его за руку въ хату.

— А, Остановичъ, Шапова́ленко!—залепетали вокругъ парня собесѣдники:—а мы васъ ждали, да все думали, куда это васъ занесло!

На́йда отъ радости бѣгаетъ по хатѣ и ставитъ на столъ миски съ угощеніями. Явту́хъ, крутя усы и нахмурившись, стоитъ посреди хаты, не снимая шапки и сурово погладываетъ по сторонамъ. — „Будетъ вамъ, щебетухи, языкомъ торохтѣть!—сказалъ ткачъ:—садитесь вечерять“.

На́йда всыпала въ миску варениковъ.

Всѣ при этомъ бросили болтовню и, крестясь, сѣли за столъ. Явту́хъ молча сидѣлъ, сложа руки.

— А ты же что паномъ разсѣлся?—спросила его съ досадою На́йда, видя его невѣжливость:—не велика птица! на́ полотенце, да занавѣсь свои шаровары, а то еще какъ разъ съ усовъ капнетъ!

Явту́хъ нагнулся къ столу и раскрылъ ротъ. Въ ту же минуту дивныя дѣла произошли въ хатѣ. У одного изъ парней въ карманѣ были припасенные орѣхи и рожки; вдругъ карманъ раскрылся, и орѣхи, а тамъ и рожки,

будто воробьи, стали вылетать оттуда, направляясь въ ротъ Явту́ха, который только раскусывалъ ихъ. Долго никто не могъ придти въ себя отъ изумленія. „Э-ге-ге! да что же это такое?“ подумали въ одинъ разъ всѣ гости и остались неподвижными. Молчаніе сдѣлалось такое, что слышно было, какъ муха жужжала и билась гдѣ-то подъ опрокинутымъ кувшиномъ.

— Ой, лѣлечко, братцы!.. караулъ!—закричалъ вдругъ ткачъ, весь въ мукѣ вскакивая изъ-подъ стола, куда нагнулся искать упавшій кисетъ съ табакомъ:—да это—не Явту́хъ, это, братцы, такое, чего и назвать нельзя... у него хвостъ собачій! Смотрите!..

— Чортъ, чортъ!—закричали всѣ, и во мгновеніе ока, выскочивъ изъ хаты, побѣжали, куда глаза глядятъ.—Въ то же время у мнимаго Явту́ха упала съ головы шапка, и на лбу сверкнула пара золотыхъ рожекъ.—„Такъ вотъ это кто!“—подумала На́йда и замерла отъ ужаса, оставшись глазъ на глазъ съ тѣмъ, котораго, по словамъ ткача, даже и назвать было нельзя...

Выроненный изъ рукъ чортомъ, Явту́хъ стремглавъ понесся съ неба, посылая прощанія милой и ожидая каждое мгновеніе, что вотъ снизу, изъ воздушной тьмы, выяснится рѣка, болото или сухое, рогатое дерево, и онъ распростится на-вѣки съ жизнью, — какъ вдругъ неожиданно почувствовалъ подъ собою что-то мягкое. Онъ осмотрѣлся и видитъ, что упалъ со всего размаха въ стогъ свѣжаго, пушистаго сѣна и утонулъ въ немъ по самую шею. Почувствовавъ пріятный запахъ травы, Явту́хъ сперва убѣдился, что всѣ ребра у него цѣлы,

потомъ выкарабкался изъ сѣна, легъ на стогъ и посмотрѣлъ внизъ...

Возлѣ стога былъ разложенъ огонь. Толпа чумаковъ, наклонясь надъ чугуннымъ котелкомъ и куря трубки, сидѣла у огня.

— Здорово, паны-браты!—сказалъ со стога Явту́хъ.

Чумаки, не поднимая головы, не двинули ни плечомъ, ни усомъ, а только въ одинъ голосъ отвѣтили:

— И ты будь здоровъ!

— А я къ вамъ!—сказалъ опять Явту́хъ.

— Милости просимъ!—отвѣтили чумаки, не поднимая головы и спокойно сося коротенькія трубки.

Явту́хъ оправилъ на себѣ бабью юбку и кофту и съ такою рѣчью обратился къ чумакамъ:

— А посмотрите-ка, добрые люди, въ чемъ я!

Чумаки вынули изо рта трубки и подняли къ нему головы.

— Хорошъ?—спросилъ Явту́хъ.

— Хорошъ.

— И башмаки хороши?

— Хороши.

— А платокъ?—спросилъ Явтухъ.

Чумаки, которые опять было принялись курить, удивлялись, что это за человѣкъ ихъ разспрашиваетъ и откуда онъ взялся, опять отняли изо рта трубки и, смотря на Явту́ха, отвѣтили:

— Хорошъ и платокъ.

— Хлѣбъ же соль вамъ!—сказалъ нежданный гость, спускаясь на землю со стога:—должно быть, борщъ варите, съ таранью.

— Нѣтъ, кашу съ саломъ.

Явту́хъ спустился на землю и подсѣлъ къ костру.

— А позвольте узнать, господа-чумачество, откуда васъ Богъ несетъ?

— Изъ Крыма.

— За солью ѣздили?

— За солью.

— А гдѣ мы теперь, паны-браты?—прибавилъ Явту́хъ.

Чумаки молча переглянулись: вотъ насмѣхается человѣкъ.

— То-есть... какъ оно... насчетъ, то-есть?... гдѣ это мѣсто, на которомъ вотъ мы теперь сидимъ? — прибавилъ Явту́хъ, указавъ пальцемъ на землю.

— Гдѣ это мѣсто? — спросили чумаки, опять переглянувшись между собою.

— Да, добрые люди.

— За Мелитополемъ.

— Слышалъ, слышалъ, братцы, про Мелитополь! слышалъ! это отъ насъ верстъ пятьсотъ будетъ! Еще оттуда, то-есть—тьфу! отсюда... коробейники къ намъ съ ситцами ходятъ. Ну, хватилъ же нечистый! въ полночи пролетѣлъ полътысячи верстъ.

Чумаки перестали курить.

— Такъ ты, стало быть, не здѣшній?—спросили они.

— Не здѣшній... Я изъ Изюма, коли знаетъ. Еще сегодня ходилъ тамъ по базару и купилъ себѣ шаровары,—замѣтилъ Явту́хъ, да и запнулся на этомъ словѣ.—То-есть, просто диво!—вздохнулъ онъ и, придвинувшись поближе къ чумакамъ, сталъ разсказывать обо всемъ дивномъ и непонятномъ, что съ нимъ случилось въ тотъ вечеръ.

„Съ пьяну!“ — думали, глядя на него, чумаки.

— Да что, — сказалъ въ заключеніе Явту́хъ: — я вамъ, братцы, скажу такое еще, что просто со смѣху за бока ухватишься... Дайте трубочки покурить... Какъ летѣли мы съ чортомъ, встрѣтилась намъ вѣдьма, рыжая да старая, такая старая, что только вороньё пугать. Завидѣла меня у него въ лапахъ, подумала, что я — не казакъ, а дѣвка, потому что въ этой юбкѣ былъ, и вцѣпилась въ него. Нечистый выронилъ меня, а съ головы вѣдьмы свалился платокъ. Такъ она простоволосая и полетѣла съ нимъ подъ самыя звѣзды... Когда я падалъ сюда, вижу — по дорогѣ летитъ оброненный вѣдьмою платокъ; я его захватилъ налету съ собою! Должно быть, вещь важная! — заключилъ Явту́хъ и, спрятавъ трубку за пазуху кофты, выложилъ передъ глазами чумаковъ яркій, невиданнаго цвѣта платокъ.

— Эка, бѣсово племя! да еще и козырится! — прибавилъ Явту́хъ, собираясь спрятать находку, и видитъ: сзади его, на корточкахъ, сидитъ тощая, простоволосая старушонка и изъ-за его плеча протягиваетъ костлявую руку. „А! такъ ты тутъ?“ — закричалъ Явту́хъ, такъ что чумаки привскочили на мѣстѣ, и ухватился за сморщенную лапу вѣдьмы.

Вѣдьма заметалась, закричала, какъ заяцъ, когда собаки поймаютъ его за длинныя уши, и стала, подпрыгивая, подниматься съ Явту́хомъ изъ кружка изумленныхъ чумаковъ. Тихо всплылъ онъ съ ней опять на воздухъ и, освѣщенный блескомъ костра, взмахнулъ ногами, сталъ исчезать въ темнотѣ, превратился въ красноватую точку и скрылся... И долго еще чумаки, въ сѣрыхъ бараньихъ шапкахъ, сидѣли подъ стогомъ, съ

опрокинутыми головами и неподвижно смотрѣли въ темное небо...

Какъ легкое перо, носимое вѣтромъ, летѣлъ Явту́хъ по небу, держась за руку вѣдьмы. Вѣдьма бросалась изъ стороны въ сторону и стонала, выбиваясь изъ силъ. Наконецъ, она поднялась такъ высоко, что, какъ разсказывалъ впослѣдствіи Явту́хъ, чуть не зацѣпила за край мѣсяца и стала опускаться на землю. Явтухъ не унывалъ и, держась за ея руку, смотрѣлъ внизъ.

И вотъ, видитъ онъ, далеко-далеко внизу, сверкнули огоньки, сперва одинъ, потомъ два и, наконецъ, цѣлыя сотни. „Что́ бы это было такое?“ — думалъ Явтухъ,— „у насъ въ Изюмѣ давно уже спятъ. Ужъ не Полтава-ли это, или Бахмутъ?“

Воздухъ съ шумомъ летѣлъ мимо его ушей, а съ земли неслись къ нему навстрѣчу чудныя картины. Утесы и горы, покрытые лѣсами; на скалахъ каменная крѣпость, башни, лѣсъ, глубокія, какъ колодцы, долины и, наконецъ, цѣлый огромный городъ, залитый огнями. Явту́хъ только высматривалъ, обо что́ ему придется грянуться и распроститься съ жизнью, и вдругъ почувствовалъ, что снова тихо и плавно на что́-то опускается. Онъ сталъ на ноги, а вѣдьма, утомленная несеніемъ здороваго парня, воспользовалась счастливымъ мгновеньемъ, вырвалась у него изъ рукъ и съ быстротой молніи исчезла въ темномъ пространствѣ.

Явту́хъ окинулъ взоромъ окрестность.

Богатый городъ разстилался у его ногъ; онъ самъ стоялъ на плоской кровлѣ высокой башни. Гдѣ же это онъ? и что это за городъ?

Башня помѣщалась въ нижнемъ отдѣленіи сада, идущемъ уступомъ въ гору. Вокругъ башни—рядъ тополей. Далѣе, вправо, небольшой прудъ, окруженный мраморною набережной; кусты широколиственника темнѣютъ здѣсь и тамъ, и мѣсяцъ ярко отражается въ стеклѣ пруда... Другая, болѣе высокая ограда окружаетъ и тополи, и прудъ, и башню. За садомъ виденъ пространный дворъ; его обступаютъ высокіе терема, съ островерхими крышами и причудливо-рѣзными окнами и деревьями. Въ глубинѣ двора возвышается новая башня съ воздушнымъ крылечкомъ. Глядя на огоньки въ окошечкахъ домовъ, прилѣпленныхъ къ уступамъ горъ, между которыми легъ городъ, Явту́ху показалось, что по сторонамъ его не горы, а огромные дворцы съ тысячами оконъ. „Нѣтъ, это не Полтава!“—сказалъ онъ самъ себѣ, и для того, чтобы убѣдиться, точно-ли онъ все это видѣлъ на яву, а не во снѣ, онъ ущипнулъ себя за ухо, а потомъ за носъ. Ничуть не бывало! онъ точно не спитъ и находится въ какомъ-то далекомъ, дивномъ городѣ.

Осмотрѣвшись еще нѣсколько вокругъ себя, Явту́хъ протянулъ руку въ карманъ кофты и, вынувъ оттуда трубку, взятую у чумаковъ, а изъ шароваръ огниво, вырубилъ огня и, стоя на крышѣ башни, принялся курить и посматривать на городъ, на скалы и небо. „Оно бы и выкупаться хорошо!“ — подумалъ онъ, глядя на прудъ. И, нагнувшись съ башни, увидѣлъ, что сойти съ нея очень легко: тополь росла у самой ея крыши. Недолго думая, онъ уцѣпился за стволъ и сталъ спускаться на землю, но не успѣлъ миновать и половины дерева, какъ дверь изъ терема въ садикъ отворилась, и цѣлая

толпа женщинъ, въ бѣлыхъ покрывалахъ и желтыхъ и красныхъ остроконечныхъ башмакахъ, потянулась черезъ крыльцо къ пруду. За женщинами шелъ черный губанъ-арабъ, въ широкихъ шароварахъ, зеленой чалмѣ и съ саблею у пояса. Сердце застыло въ груди Явту́ха, и руки приросли къ стволу тополя. Онъ остановился въ воздухѣ, а вошедшія женщины, не замѣчая его, съ хохотомъ и съ криками окружили прудъ и, въ пяти шагахъ отъ него, стали скидать съ себя длинныя, легкія покрывала...

На́йда, оставшись, между тѣмъ, глазъ на глазъ съ чортомъ, долго не могла опомниться: мнимый Явту́хъ сидѣлъ передъ нею за столомъ и пристально глядѣлъ на нее. Наконецъ, онъ шевельнулся, поправилъ усъ, кашлянулъ и протянулъ къ ней руки...

— Краля ты моя, На́йда, садись возлѣ меня. Да обними, да поцѣлуй.

На́йда вскочила.

— Сгинь ты, окаянный, нечистый!—крикнула она и бросилась въ другой уголъ хаты.

Бѣсъ засмѣялся и кинулся вслѣдъ за нею. На́йда, несмотря на то, что приходилось возиться съ чортомъ, ловко увертывалась и отбивалась отъ него. Ужъ одна изъ лапъ нечистаго ухватила ее за рукавъ рубашки, а другая порвала нитку красныхъ гранатовъ, и тѣ звономъ посыпались на столъ и по лавкамъ; ужъ она почувствовала на своихъ щекахъ дыханіе чорта. „Явту́хъ, Явтухъ“!—закричала она въ отчаяніи и, однимъ взмахомъ руки отбившись отъ объятій бѣса, кинулась въ темный чуланъ, заперла за собою дверь и наложила на

нее крестное знаменіе. Чортъ грянулся въ двери и остановился. На́йда, въ страхѣ, смотрѣла въ замочную скважину и увидѣла странныя вещи...

Бѣсъ, принявшій образъ парня, сѣлъ за столъ, придвинулъ къ себѣ миску оставленныхъ варениковъ, досталъ съ полки здоровенную флягу водки и съ голоду принялся закусывать. Все было тутъ же вскорѣ очищено. Тогда чортъ принялся выглядывать, какъ бы удобнѣе лечь спать. Мостился онъ долго и безуспѣшно. Легъ на лавку—узко; легъ на полъ—холодно; легъ на печку—жарко... Охмѣлѣвшій бѣсъ подошелъ къ столу, на которомъ мѣсили тѣсто, и легъ прямо въ муку. Только и тутъ еще провозился немалое время: то ляжетъ такъ, что голова свѣсится, то ляжетъ такъ, что свѣсятся ноги. Наконецъ, онъ легъ поперегъ стола, то-есть въ такомъ положеніи, что съ одной стороны свѣсились ноги, а съ другой голова, и заснулъ.

На́йда подождала еще нѣсколько времени, усмѣхнулась, отыскала впотьмахъ свою шубку, постлала ее на сундукѣ, начала молиться долго и не спѣша, перекрестила всѣ углы, окна и двери, легла тоже, свернулась клубочкомъ и заснула, еще не оправясь отъ тревоги и волненія той ночи. И долго во снѣ ей мерещилось все, что́ она испытала, и пьяный сатана на столѣ, который храпѣлъ не хуже хмѣльнаго отца На́йды, какимъ тотъ возвращался иной разъ съ ярмарки.

Ни живъ, ни мертвъ, сидѣлъ Явту́хъ на тополи, держась за стволъ и смотрѣлъ на непонятныя вещи, происходившія вокругъ него. Женщины, скинувъ покрывала, вошли въ ограду пруда и стали скидать съ себя

серьги, золотыя шапочки, пестрыя туфли, наконецъ, стали расплетать длинныя косы. Надобно сказать, что Явту́хъ былъ, вообще, храбръ и смѣлъ только съ своимъ братомъ; женская же красота совершенно отнимала у него всякую прыть... „Боже мой, Боже! что́-жъ это будетъ?“ — думалъ онъ, глядя изъ-за вѣтвей тополя на толпу раздѣвавшихся красавицъ.

Съ криками и хохотомъ кинулись незнакомки къ водѣ. Арабъ, зѣвая во весь ротъ, ушелъ въ теремъ.

Красавицы, между тѣмъ, усѣлись на ступенькахъ ограды и, скидая съ ножекъ башмаки, нехотя и шаловливо опускали ноги въ холодныя струи. Вотъ онѣ разстегиваютъ шелковые пояса, готовятся сходить въ воду.

„Господи, Боже мой! что́-жъ это я дѣлаю! зачѣмъ я смотрю на этихъ женщинъ? Вѣдь онѣ совсѣмъ и не знаютъ, что я тутъ“...

Недолго думая, спустился онъ съ дерева на землю, поднялъ одно изъ покинутыхъ покрывалъ и, закутавшись въ него, сѣлъ на берегу пруда. Купальщицы его примѣтили.

— Это кто?—закричали онѣ.

Явту́хъ закутался съ головой.

— Это ты, Ханымъ?

— Это ты, Шерфе́?—заговорили купальщицы и стали плескаться, прыгать и возиться, какъ маленькія рыбки.

„Ну“,—думалъ Явту́хъ, жмуря глаза:—„что́-то будетъ дальше“?

— Да что-жъ ты молчишь? Выходи, раздѣвайся и полѣзай въ воду, купаться съ нами.

— Ай, усы!!!—закричали вдругъ нѣкоторыя, и всѣ пугливо бросились въ воду.

— Что вы испугались, добрыя пани?—проговорилъ Явту́хъ: — я—мѣщанинъ изъ Изюма.

— Э! да это и вправду казакъ!—сказала одна изъ красавицъ по русски.

— Ну, да, казакъ! — прибавилъ Явтухъ—лукавый бѣсъ занесъ меня и опустилъ вонъ на ту башню.

Возгласы изумленія раздались изъ воды.

— А скажите, па́ни, гдѣ это мы теперь... то-есть, какой это городъ?

— Бахчисарай.

— А далеко это будетъ отъ Изюма?

— Считай самъ; это—столица Крымскаго царства...

— Крымскаго царства!—вскрикнулъ Явту́хъ, всплеснувъ руками: — вѣдь это еще дальше Мелитополя будетъ!..

— Тс! что ты! не говори такъ громко, а то какъ разъ разбудишь всѣхъ во дворцѣ, — сказала незнакомка: — ложись лучше въ этотъ ящикъ; мы одѣнемся и тебя потихоньку пронесемъ въ наши комнаты.

— Да кто вы такія?—спросилъ Явту́хъ, занося ногу въ ящикъ.

— Мы—жены крымскаго хана! лежи смирно!

И красавицы бережно понесли его въ теремъ.

Когда Явту́хъ почувствовалъ, что ящикъ снова опустили, онъ приподнялъ крышку и всталъ на ноги. Стѣны гарема, гдѣ онъ очутился, были обтянуты краснымъ сукномъ. По полу валялись подушки. Зеркало надъ каминомъ было обито фольгою. Дрожащій свѣтъ лампады, изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, лился съ потолка, и легкій дымъ курильницы, стоявшей у завѣшенной двери въ другую комнату, стлался по полу. Явту́хъ не могъ на-

*

дивиться на все это и, поднявъ голову, оглядывался по комнатѣ.

— Какой хорошенькій!—сказала одна изъ красавицъ по-своему.

— Какой страшный, да усатый! — прибавила говорившая по-русски.

— Давайте, сестрицы, свяжемъ ему руки, да одѣнемъ его въ наши наряды! Вѣдь одѣли же его гдѣ-то казачки въ юбку...

— Ахъ, да какой онъ смѣшной!—закричали остальныя, хлопая въ ладоши и еще тѣснѣе окружая гостя.

Явту́хъ вѣжливо и молча стоялъ передъ ними.

Одна изъ женъ обратилась къ нему съ просьбой:

— Повесели насъ твоими разсказами; какою силой занесло тебя сюда?

Просьбу эту ему перевели. Явту́хъ почесалъ за ухомъ.

— Да что́ же такое я вамъ, пани-матки, разскажу? Я, право, и не знаю; языкъ какъ-то... того... не ворочается!

— А вотъ, мы его подмажемъ!—сказали болѣе догадливыя.

И съ этими словами его усадили на мягкія подушки, поставили передъ нимъ низенькій столикъ, а на столикъ большое блюдо съ яблоками, персиками, виноградомъ и татарскими пряниками, и принесли ему ханскій кальянъ.

— Начать съ того...—заговорилъ Явту́хъ.

И всю ночь разсказывалъ онъ красавицамъ свои похожденія, которыя тутъ же переводились. Когда на подносѣ не осталось ужъ ничего, Явту́хъ всталъ и, покачиваясь, сказалъ:

— Теперь ужъ все! теперь ужъ я пойду отсюда...

— Какъ пойдешь? — спросили съ удивленіемъ красавицы.

— Да, мнѣ пора ужъ домой.

Въ комнату проникалъ блѣдный разсвѣтъ зари.

— Ахъ, какой ты чудной! Вѣдь самъ же говоришь, что отъ твоей родины до насъ чуть не тысяча верстъ.

— И то правда! —вздохнулъ Явту́хъ, почесывая за ухомъ:—а впрочемъ, нѣтъ, ужъ лучше я пойду!

— Да вѣдь вокругъ дворца течетъ рѣчка, и часовые стоятъ у поднятыхъ мостовъ! Если тебя увидятъ да поймаютъ, то приведутъ поутру къ хану, на дворцовомъ мосту отсѣкутъ тебѣ голову, положатъ тебя въ мѣшокъ, да такъ, безъ головы, и бросятъ въ воду.

— Э, нѣтъ, я ужъ лучше пойду! —твердилъ Явту́хъ, пробираясь сквозь толпу красавицъ къ двери.

— Такъ хоть, по крайней мѣрѣ, погоди ты, бѣшеная голова! Мы тебя вынесемъ опять въ ящикѣ въ садъ, и ты опять влѣзешь на крышу; оттуда спустишься на улицу; авось, найдешь въ городѣ какого-нибудь жида: онъ тебя и вывезетъ на таратайкѣ, подъ мѣшками.

И, уложивъ его снова въ ящикъ съ нарядами, красавицы вынесли его въ садъ. Явту́хъ толкнулъ крышку и оглянулся вокругъ себя.

Мѣсяцъ опустился за гору, и румяная полоса на другомъ концѣ города показывалась изъ-за плоскихъ крышъ. Въ воздухѣ свѣжѣло. Роса сверкала на листьяхъ цвѣтовъ. Отблескъ зари прокрадывался по островерхимъ минаретамъ, плоскимъ крышамъ саклей и по трубамъ позолоченныхъ кровель ханскихъ дворцовъ.

Явту́хъ протеръ глаза: что это такое? Передъ самымъ

его носомъ торчитъ опять вчерашняя рыжая старушонка.

— Не унывай, казаче!—говоритъ она:—прости меня и забудь прошлое; дай только мнѣ найти да порядкомъ проучить того косолапаго, что́ тебя вчера обидѣлъ, такъ я мигомъ тебя донесу домой.

— Кого найти, какого косолапаго? — спросилъ съ изумленіемъ Явту́хъ.

— Чорта!— отвѣтила вѣдьма:—моего губителя, изверга! Онъ теперь запер ся на мельницѣ съ твоею невѣстою и сидитъ тамъ всю ночь, окаянный.

— Съ моею На́йдою?—закричалъ во все горло Явту́хъ и такъ ухватился за тоненькую лапу вѣдьмы, что та не взвидѣла свѣта:—неси меня, распропащая твоя душа! неси, а не то, вотъ клянусь тебѣ, измелю тебя въ табакъ!

И, вскочивъ на спину вѣдьмы, Явту́хъ стиснулъ ее колѣнями, засучилъ рукава и поднялъ здоровенные кулаки. Вѣдьма сперва пошатнулась, заскреблась лапками, какъ мышь; но потомъ понемногу выпрямилась, подпрыгнула и стала подниматься съ парнемъ на воздухъ. Она полетѣла сперва къ крышѣ терема, потомъ черезъ дворъ къ мечети, а наконецъ, стала косвенно подниматься кверху. Ханская стража замѣтила ихъ. Во дворѣ, въ саду и на улицѣ поднялся сильный переполохъ. Махали саблями, раздавались крики, даже послышался ружейный выстрѣлъ. Но трудно было догнать улетѣвшихъ: поминай какъ звали...

Сидя на плечахъ вѣдьмы, Явту́хъ недоумѣвалъ, какъ это она, не двигая ни руками, ни ногами, летитъ быстрѣе облака, гонимаго вѣтромъ. Въ это время онъ

поднялся такъ высоко, что кое-гдѣ на землѣ еще были сумерки, а онъ уже увидѣлъ вдалекѣ красный шаръ солнца, которое будто купалось въ волнахъ большаго озера, готовясь выкатиться въ ясное небо.

— А какое это озеро, тётка? — спросилъ Явту́хъ у вѣдьмы.

— Это—Черное море! тамъ много хорошей тарани, да и всякой другой рыбы.

— Э! — подумалъ Явту́хъ и отшатнулся.

Прямо въ глаза ему налетѣла легкая прозрачная тучка, и онъ исчезъ въ ней, точно въ волнахъ серебристой кисеи. Когда онъ вылетѣлъ снова на свѣтъ, въ его волосахъ и на рубашкѣ блестѣли капли росы, а тучка далеко-далеко внизу виднѣлась лиловою точкою.

Въ иныхъ мѣстахъ, когда ужъ нѣсколько разсвѣло, онъ увидѣлъ въ воздухѣ раннихъ жаворонковъ, у которыхъ глаза еще спали, а они ужъ поднялись въ небо и славили своими пѣснями восходящее солнце.

Изъ трубы какого-то села вылетѣлъ, въ серебряной одеждѣ, свѣтлый духъ, держа въ рукахъ что́-то.

— Это что́ такое?—спросилъ Явту́хъ.

— Это ангелъ Божій уноситъ въ небо только-что умершую дѣвушку!

„Ужъ не моя-ли На́йда?“ вздохнулъ Явту́хъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ совершенно наткнулся на распластаннаго подъ облаками коршуна, который сторожко глядѣлъ внизъ, въ траву, и выбиралъ себѣ утреннюю поживу. Явту́хъ хотѣлъ ему дать по дорогѣ порядочнаго тумака, но одумался, чтобъ не сорваться съ вѣдьмы, и полетѣлъ далѣе.

— А это какія голубыя облака?—спросилъ онъ вѣдьму.

— Это—Черкесскія горы, покрытыя снѣгомъ, и снѣгъ этотъ никогда на нихъ не таетъ.

— Какъ никогда не таетъ?

— Такъ же, никогда!

— Стало быть, и въ косовицу не таетъ?

— И въ косовицу не таетъ.

— Чудеса, да и только!—подумалъ Явту́хъ и сталъ снова всматриваться въ безконечныя пространства земли, выходившей подъ нимъ изъ ночныхъ сумерекъ.

— Ну, а то что́ такое? — спросилъ онъ, указывая налѣво, черезъ плечо:—точно жаръ горитъ; должно быть, чумаки чужіе лѣса подожгли?

— Это--городъ Кіевъ, и въ немъ такъ золотыя главы церквей горятъ!

„Э!“—подумалъ про себя Явту́хъ:—„какой же важный городъ Кіевъ! да никакъ въ немъ уже и къ заутрени благовѣстятъ?“ И онъ еще пристальнѣе началъ вглядываться внизъ. — Послушай... какъ тебя звать? Мавра Онуфріевна, что-ли?.. это ужъ и на базаръ выходятъ? Ишь ты, какъ народъ повалилъ на улицы; должно быть ярмарка!

— Въ Кіевѣ каждый день ярмарка; ужъ такой, хлопче, городъ удался!..— замѣтила вѣдьма и понеслась еще быстрѣе.

— Да куда тебя несетъ такъ? погоди, скажи-ка, тётка, гдѣ Москва?

— Москва, казаче, такъ далеко, что нужно еще въ десять разъ подняться выше, и тогда увидишь не всю Москву, а одного Ивана Великаго, да Царь-пушку.

— Ну, а вонъ то что́ такое танцуетъ? — спросилъ, помолчавъ, Явту́хъ.

— То плясовицы, бабы некрещеныя, выходятъ всякое утро, рано на зарѣ, съ распущенными косами, на вершинахъ кургановъ солнце встрѣчать... Пора, пора!— проговорила неровнымъ голосомъ вѣдьма!—надо пѣтуховъ обогнать...

И она помчалась стрѣлой.

— Какъ пѣтуховъ обогнать?

— Подъ нами, какъ пролетали Катериновку, давно ужъ въ первый разъ прокричали... Скоро прокричатъ въ другой разъ, а до третьихъ пѣтуховъ надо все покончить.

— Эхъ ты, мышиная кума, гдѣ была! — замѣтилъ весело Явту́хъ, покачивая головою.

— Что́ ты сказалъ, хлопче?—спросила вѣдьма, оглядываясь на него.

— Я спрашиваю, что́ это такое выяснилось тамъ внизу, точно коровы идутъ по зеленой травкѣ?

— Это—вправо Даниловка, налѣво Гусаровка, далѣе Пришибъ, Петровское, а еще далѣе Харьковъ.

— Ну, а это какія серебряныя ленты протянулись, точно змѣи по лугамъ?

— Это, казаче, рѣки Донецъ, Берека да Торецъ, со своими озерами...

Не успѣлъ оглянуться Явту́хъ, какъ земля, горы, лѣса и весь Изюмъ понеслись къ нему на встрѣчу.

— Тише, тише!—закричалъ Явту́хъ, камнемъ падая на кривую березу, что росла у самой мельниковой хаты.

— Ничего, хлопче! сиди только смирно!—отвѣтила вѣдьма и тихо опустилась на землю, подъ березой у порога хаты:—теперь слѣзай съ меня и отворяй двери; твоя невѣста ихъ перекрестила и мнѣ туда не войти.

Явту́хъ сталъ на ноги, хотѣлъ войти въ дверь.

— Нѣтъ, погоди! чортъ теперь съ-пьяну спитъ, такъ ты его не буди, а прежде ступай въ кладовую и выводи оттуда свою красавицу. Съ косолапымъ же я сама справлюсь!..

Съ трепетомъ подошелъ Явту́хъ къ кладовой, въ которой спала На́йда. Чуть переводя духъ, онъ взялся за дверь; еще въ первый разъ въ жизни онъ переступалъ порогъ, за которымъ спала его суженая. Онъ повернулъ скобку двери и остановился. „Нѣтъ“,—подумалъ онъ, махнувъ рукой: „не войду!“ и прибавилъ шопотомъ, наставивъ губы къ замочной скважинѣ:

— На́йда, вставай, одѣвайся, выходи...

— Кто тамъ?—спросилъ тихій, чуть слышный голосъ.

— Это я, Явту́хъ... твой Явту́хъ, моя кралечка!

— А если ты Явту́хъ, а не тотъ, что лежалъ на столѣ, такъ перекрестись! я буду въ щелку смотрѣть.

Явту́хъ перекрестился; дверь отомкнулась; Явту́хъ и На́йда бросились другъ къ другу.

— Какой же ты странный, Явту́хъ, въ этомъ нарядѣ!

— Ничего, моя зорочка, пойдемъ отсюда; послѣ я тебѣ все разскажу.

Онъ тихо увлекъ ее изъ хаты и тутъ только, проходя мимо двери, замѣтилъ, какая образина лежала на столѣ, свѣсивъ на полъ ноги и отекшую пьяную голову. Они вышли на крыльцо, а вѣдьма съ порога прыгнула въ хату, и скоро тамъ послышались крики, брань, визгъ, шумъ и въ растворенную дверь запыхавшаяся вѣдьма злобно вытащила за чубъ мнимаго казака.

— Вотъ я тебя, вотъ!—кричала она, трепля бѣса

за волосы, какъ бабы треплютъ мочки льна:—вотъ я тебя! теперь не скажешь, что не бражничаешь, да не гоняешься за дѣвками.

— Да что вы! да помилуйте!—стоналъ жалобнымъ голосомъ чортъ, успѣвшій принять свой бѣсовскій образъ.

— Вотъ я тебя!.. а?.. за дѣвками? — и градъ кулаковъ сыпался на сатану. Къ его счастію, прокричали пѣтухи.

Вѣдьма опять ухватила худаго бѣса одною рукою за хвостъ, а другою за загривокъ, повернула его вверхъ ногами и поднялась съ нимъ на воздухъ.

— Вотъ тебѣ и на! — усмѣхнулся Явту́хъ, прижимая ко сердцу На́йду:—поплатился-таки вражій сынъ! Ишь ты, какъ удираютъ! точно москаль съ краденымъ индюкомъ на ярмаркѣ... Ну, ужъ ночка! — прибавилъ онъ, нѣжно глядя на На́йду и ласкаясь къ ней.

— Да! — сказала, вздохнувъ, Найда:—а ты гдѣ былъ все это время?

— Въ Крыму,—отвѣтилъ Явту́хъ.

— Какъ въ Крыму? въ крымскомъ царствѣ?

— Въ крымскомъ царствѣ...

— Любитъ прибавить, брехунъ, да нѣхотя повѣришь, что былъ онъ сегодня въ Крыму!—проговорилъ у Явту́ха за плечами басистый голосъ: — нѣхотя повѣришь послѣ всего, что́ сейчасъ видѣлъ.

Явту́хъ и На́йда оглянулись. За ними, на подъѣхавшей телѣжкѣ сидѣлъ старый мельникъ, и закинувъ кверху голову, смотрѣлъ въ небо.

— Все разскажу вамъ, Семенъ Потаповичъ! — сказалъ Явту́хъ, кланяясь въ поясъ мельнику:—ничего не утаю, только отдайте за меня На́йду.

И онъ замеръ въ ожиданіи отвѣта. На́йда стояла въ сторонѣ, закрывъ лицо рукавомъ.

Мельникъ сбросилъ съ телѣги кучу пустыхъ мѣшковъ, слѣзъ на земь, перекинулъ на спину лошади возжи и, взявшись руками въ бока, задумался.

— Развѣ ужъ потому,—сказалъ онъ, наконецъ, поглядывая поверхъ хаты:—что счастливо продалъ муку въ Чугуевѣ? Такъ и быть, дочка; такъ и быть, Явту́хъ! Только ужъ ты, братъ, не отвертишься, разскажешь все, какъ было!

IV.

СТЕПНОЙ ГОРОДОКЪ.

IV.

Степной городокъ.

Никто такъ не гордится своимъ положеніемъ, какъ житель тихаго, степнаго городка,—городка и съ улицами, и съ домами, и съ аптекою, и съ лавками, городка настоящаго, среди пустынь да полей, и полей, полей безъ конца и оглядки. Это правда, мѣстоположеніе городка не завидно; посмотрите на него: онъ непремѣнно надъ рѣкою, широкою, но мелководною, степною рѣкою, и потому у него справа пескъ, слѣва песокъ, спереди песокъ, вездѣ песокъ! Такъ что зимою онъ похожъ на чернильницу, а лѣтомъ на песочницу, и молодые подсудки его, вообще большіе охотники до игры въ мячикъ и въ скрагли, въ вѣтренную погоду не употребляютъ песочницъ, а написанный листъ бумаги просто выставляютъ за окно... Эти подсудки въ слякоть употребляютъ особый родъ калошъ непомѣрной величины, чудовищной величины, въ которыя стоитъ только вскочить, и дѣло съ концомъ. Оно конечно, молодые подсудки иногда дерутъ другъ друга за чубы; но вообще они—люди хорошіе, и нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такихъ голубей, какъ у нихъ. Что за голуби, что за голуби! И гдѣ они ихъ только достаютъ? Есть тутъ и турмана,

и мохначи, и голуби припетни, и обыкновенные голуби: двуплёкіе, сѣроплёкіе, полвопѣгіе съ подпалиной, и просто полвопѣгіе; синехлупые, подъ парусомъ, дымножарые панцырники и хвостари! И весело смотрѣть, какъ въ праздники гоняютъ ихъ съ соломенныхъ крышъ молодые подсудки, и самому хотѣлось бы пожить въ маленькомъ степномъ городкѣ! Маленькій степной городокъ былъ когда-то городкомъ богатымъ и населеннымъ; во времена давно прошедшія, въ немъ помѣщалась даже резиденція одного изъ старѣйшихъ слобожанскихъ полковъ; но пора настала другая; сперва набѣги татаръ, потомъ пожары разорили его, и городокъ обезлюдѣлъ. Впрочемъ, по его улицамъ пасутся куры и гуси, а по городской площади разгуливаетъ постоянно журавль сѣрый и старый, и разгуливаетъ съ такимъ гономъ, какъ будто ему принадлежатъ и улицы, и подсудки, и голуби, и весь городокъ со всѣмъ, что въ немъ ни на есть.—Городская рѣка, уже, разумѣется, милый сердцу Донецъ, издавна представляетъ, особенно съ горы, подъ которой легъ городокъ, занимательные виды отъ песчаныхъ отмелей и наносовъ. На одномъ берегу его купаются мужчины, на другомъ женщины; и между двумя берегами, при этомъ, всегда начинается такой разговоръ. Мужчины, войдя въ рѣку, говорятъ: „можно-ли нырять? Мы подъ водою къ вамъ не подплывемъ!“ А женщины отвѣчаютъ: „нѣтъ, нырять нельзя, потому что мы уже васъ знаемъ, и вы какъ разъ подплывете подъ водою!“ И вслѣдъ за тѣмъ онѣ начинаютъ барахтаться, подмахивая спиною кверху, что, какъ уже извѣстно, означаетъ женское плаванье. На той же рѣкѣ толстая купчиха, гордость бакалейнаго торговца, у котораго, подъ-

стать ей, есть хриплый перепелъ, широкозадый битюгъ, бархатный чай, пятиведерный самоваръ и всегдашняя одышка, тутъ же бережно входитъ въ воду и говоритъ про себя, глядя подслѣповатыми глазками на другой берегъ, а на другомъ берегу купается крошечный человѣчекъ: „и зачѣмъ это дѣтей пускаютъ въ воду? Еще неравно утонетъ!“ На эти слова, съ другого берега, раздается сердитый голосъ: „вѣрно, матушка, глаза-то подъ мышки, или въ другое мѣсто спрятала, что не видишь? Я секретарь, а не дитя!“ Говорящій это, непомѣрно маленькаго роста, но тѣмъ не менѣе не то, что сказала купчиха, а секретарь, выказывается изъ воды, и бакалейница видитъ, что онъ точно секретарь, а не дитя. Тутъ же, на берегу, въ платьѣ Адама, моетъ снятую съ себя рубашенку дѣвочка и потомъ, въ томъ же платьѣ, идетъ разостлать ее на берегу просохнуть, пока она сама выкупается. Въ самый солнцепекъ, когда городскія плотины, пожирательницы сапогъ и постоловъ, не гнутся отъ проѣзжающихъ обозовъ, и торговки на базарѣ не перестрѣливаются мелкою бранью, именуемою бекасинникомъ, въ полдневный зной, городокъ совершенно стихаетъ, и все въ немъ остается до вечера въ горизонтальномъ положеніи въ домахъ, съ заколоченными на глухо ставнями. Въ горизонтальномъ положеніи, впрочемъ, появляются прежде всего почтенные старожилы, которые въ это время уже пообѣдали и поспѣшили, какъ говорится, завернуть на село боковеньку! Не спятъ въ это время одни модники: они дѣлаютъ визиты почтенія и визиты уваженія. Кто съ кѣмъ давно знакомъ, то еще ничего и не выходитъ дурнаго, но съ новичкомъ при этомъ случаются странныя исторіи. Проговоривъ не

малое время съ авантажною дамочкой, хозяйкою дома, проговоривъ въ пріятной темнотѣ, съ закрытыми ставнями, модникъ переходитъ изъ царства мрака въ царство свѣта, встрѣчается съ нею, иногда въ тотъ же самый вечеръ, на улицѣ и остается въ остолбенѣніи; авантажная дамочка, хозяйка дома, не узнаетъ его! Но, вотъ, визиты кончаются. Въ горизонтальномъ положеніи всѣ отъ мала до велика. Тогда мертвая тишина городка не нарушается ничѣмъ; она нарушается только звонкимъ храпомъ Бориса Борисовича, или, какъ его называютъ въ городкѣ, Барбариса Барбарисовича Плинфы, отставнаго судьи; этотъ храпъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ звонокъ, что внимающимъ ему все кажется, будто къ порогу Плинфы пришли съ поздравленіемъ трубачи. Наконецъ, уже не слышно и трубачей! Жара въ полномъ разгарѣ. Тутъ скрытый глазъ наблюдателя можетъ подмѣтить, какъ запоздавшая въ болтовнѣ съ кумою, загорѣлая мѣщанка, въ красной юбкѣ и голубомъ шушунѣ, идетъ, изнемогая отъ зноя, и, полусонная, вяжетъ на ходу чулокъ; а рыжій поповичъ, въ набойчатомъ балахонѣ, тащитъ за рога келейно-похищенную у сосѣда козу, и коза упирается и шагаетъ, пошатываясь, какъ маршрующій рекрутъ. Но никогда такъ не шуменъ городокъ, какъ во время ярмарокъ. Главныя ярмарки въ немъ бываютъ подъ Варвару, на Преполовенье и подъ Трехъ сестеръ и ихъ матери.

Въ обыкновенное время тутъ не достанешь даже донскаго, зато на ярмаркахъ чего только не достанешь! Окружные помѣщики, съѣхавшись, прежде всего заводятся новыми картузами. Помѣщицы, съѣхавшись, прежде всего летятъ туда, гдѣ продаются чепчики, чепчики,

чепчики прелесть и очарованіе! Ремонтеры торгуются съ цыганами и пьютъ го и просто сотернъ, а также шатомарго, который они зовутъ шатай-моргáй. На городскихъ франтахъ появляются розовыя кисейныя накидки и брюки такихъ цвѣтовъ, что на нихъ постоянно лаютъ собаки! Изъ невѣдомыхъ странъ возникаетъ, среди улицъ, извозчикъ, извозчикъ—чуда, извозчикъ—привидѣнія, на пролеткахъ, обитыхъ полинялою нанкою, и на парѣ лошадей, изъ которыхъ за одной слѣдуетъ годовалый жеребенокъ. Каждый молоденькій панычъ тутъ на перечетъ, жениховъ ловятъ, какъ перепеловъ на дудочку! При видѣ молоденькаго паныча, обитательницы городка стараются тотчасъ обратить на себя вниманіе или костюмомъ, или словомъ, или чѣмъ-нибудь, чѣмъ-нибудь! Онѣ возвышаютъ голосъ громче обыкновеннаго. Одна говоритъ: „ахъ, душенька, кумушка, вы не повѣрите, что это за бондарй! Макйтры и товкачи еще дороже стали!“ На это другая отвѣчаетъ: „ахъ, крошечка моя, это еще что, макйтры и товкачики! А вотъ, я борова пріобрѣла за свое старое бекмуслиновое платье, и что же? Еще приплатилась, матушка! Кóчеты по полтинѣ, рыжики по полтинѣ, а къ яйцамъ, съ позволенія замѣтить, и приступа нѣтъ!“ Крикъ сластенницы заглушаетъ голоса дамъ. Усѣвшись на дорогѣ съ желѣзною печкою и спрятавъ подъ юбку, отъ мухъ и пыли, горшокъ съ тѣстомъ, она кричитъ: „панычй, голубчики! У меня возьмите! Панычи, душечки! У меня!“ Или: „господа-служба! вотъ у меня хорошія сластёны!“ Желающему она тотчасъ производитъ самую свѣжую сластёну: для этого послюнитъ только пальцы, ухватитъ изъ-подъ завѣса тѣсто и броситъ его прямо въ масло!—Да, ярмарки го-

родка—любопытныя ярмарки! Спозаранку около пестрыхъ ятокъ уже идетъ гулъ и толкотня. Рыжій захожій суздалецъ, съ книжками и коврижками, имѣющій обычай, какъ говорится, спрятать въ карманы по денежкѣ и къ вечеру въ каждомъ спрашивать барыша, имѣющій обычай, какъ тоже говорится, тереть полушку о полушку, въ надеждѣ, не выпадетъ-ли третья, остановился и слушаетъ, какъ отставной шевронистъ, побывавшій за моремъ и дальше, толкуетъ о томъ и о семъ, и о томъ, какъ солдатъ солдата въ Туречинѣ изъ глины лѣпитъ.— „Э! Да ты, другъ, уже слишкомъ!“ замѣчаетъ суздалецъ: „этого, братъ, быть не можетъ!“ —„Не можетъ быть?“ спрашиваетъ шевронистъ: „не мѣшай по пустому: не твоя череда; безъ смазки сказки, что безъ полозьевъ салазки! Сѣсть сядешь, только все изгадишь?“ Громкій хохотъ сопровождаетъ прибаутку шевриста.—Но вотъ, близокъ обѣдъ. Толпа возрастаетъ. Цыганъ съ утра еще началъ торговаться и для этого, по своему цыганскому обычаю, хлопать рукою въ руку слобожанина и до обѣда все еще хлопаетъ, не сходясь съ нимъ на цѣлковомъ.— „Ну, дашь за коня цѣлковый?“ кричитъ, хлопаетъ цыганъ. „Не дамъ цѣлковаго!“—отвѣчаетъ оглушенный слобожанинъ. „Ну, обернись на сходъ солнца; обернись, красота!“ — говоритъ цыганъ и самъ обертывается.— „Ну, молись, красота! конь твой!“ Красота оборачивается и молится, но коня не беретъ за цѣлковый, потому что, кромѣ цѣлковаго, онъ долженъ еще дать и своего коня и сапоги и куль привезеннаго гороха! Цыганъ въ отчаяніи; а уже когда цыганъ въ отчаяніи, то торгу недолго длиться, онъ присѣдаетъ къ землѣ и кричитъ, срывая горсть травы: „чтобы такъ у меня животы обо-

рвало, и еще родимецъ убилъ бы мою тетку, если конь не годится!“ — Слобожанинъ при этомъ чешетъ за ухомъ и соглашается потому, что цыганъ уже такъ побожился, что уже, кажется, и соврать никакъ не можетъ. „Пидчеревей, шобъ бахтировала! кричитъ пестрая мѣднолицая толпа, прыгая и подчуя коня пинками и тычками, и сколько осторожный слобожанинъ ни машетъ шапкою, то въ правый, то въ лѣвый глазъ коня, слѣпая, разбитая кляча идетъ за зрячею! Но, вотъ, еще шумнѣе, еще пестрѣе! Торгъ въ полномъ разгарѣ. — Индѣйки кавкаютъ на голоса школяровъ; дѣти, покинутыя засуетившимися матерями, хныкаютъ, а налетѣвшій вѣтеръ заворачиваетъ имъ рубашенки на головы; заводскій, караковый въ сливахъ жеребецъ бьется и ржетъ, на желѣзной цѣпи, косясь на проходящій табунъ; торговки на мосту говорятъ всѣ разомъ и ни одна не хочетъ слушать! Ряды палатокъ съ красными товарами разстилаются длинною, пестрою панорамою. Тамъ еще шумнѣе! Одинъ споритъ, другой божится на весь базаръ отцомъ и матерью, дядею и теткой; третій наскоро подставилъ сосѣду тавлинку и самъ собирается пропустить въ ноздрю порядочный фейерверкъ, между тѣмъ какъ увѣряетъ покупщика, что его ситецъ не ситецъ, а просто, такъ сказать, предводительская оранжерея; подъ яткою, гдѣ играютъ кобзы и цимбалы, кто-то растрогался и плачетъ и обѣщаетъ брата изъ тюрьмы выкупить, и говоритъ, что брата онъ такъ любитъ, какъ никого не любитъ; а вотъ несется за плетнемъ отрывистая брань и чей-то басъ иронически замѣчаетъ: „да ужъ гдѣ же тебѣ, Ѳедя, спорить, когда у тебя весь ротъ на бекрень!“ Красноносая перекупка показываетъ уходящей

бабѣ дулю.—А около ставки, гдѣ выскакиваетъ деревянная кукла, такой гамъ, что еще никогда и не слыхано; одинъ хохочетъ, ухватившись за бока, причемъ шапка его съѣхала на самый затылокъ; другой жену громко кличетъ посмотрѣть; а третій, въ оцѣпенѣніи, объявляетъ, что у него разомъ изъ обоихъ кармановъ украли и трубку, и кисетъ! Но это еще не все. Идите скорѣе въ ветошный рядъ; тамъ продается всякая пестрая рухлядь. Старая лохмотница, обмотанная лентами, кусками распоротаго желтаго и краснаго сукна, несетъ на головѣ гору шляпокъ, а на рукахъ гору брюкъ. Къ ней подходятъ безъ церемоніи, берутъ ея шляпки и ея брюки, переворачиваютъ ихъ во всѣ стороны, тутъ же примѣряютъ, хлопаютъ руками по сомнительнымъ мѣстамъ и снова отдаютъ ей шляпки и брюки. Въ ветошномъ ряду продаютъ также грушевый квасъ и соловьевъ!—О, ярмарки въ городкѣ — очень любопытныя ярмарки!—Но никогда такъ не скученъ городокъ, какъ послѣ ярмарокъ. Тогда онъ совершенно пустѣетъ, и ничто уже не въ силахъ его развеселить. Одинъ острякъ сравнилъ городокъ послѣ ярмарокъ съ суслйкомъ, который спитъ, а городокъ во время ярмарокъ съ сусликомъ, который радостно кричитъ на своей норкѣ. — На что только не пускаются горожане по обычаю всякаго русскаго человѣка, который гнетъ—не паритъ, переломитъ— не тужитъ! И книги начинаютъ читать, и другъ другу стараются всучить кума или куму, сватаютъ другъ друга, и въ гости къ румяному Ефиму Трофимовичу ѣздятъ, къ которому до той поры, по одной причинѣ, никогда не ѣздили, и принимаются, наконецъ, особенно пожилыя и плотныя дамы, верхомъ ѣздить, причемъ выписанныя

изъ губерніи амазонки пышно обрисовываютъ ихъ полныя округлости. Вообще, надо затѣтить, туземныя дамы изъ породы булокъ, что не мало удивляетъ мужей, потому что невѣстами дамы вовсе не были булками, а были вообще барышни нѣженькія, какъ говорится, барышни-хрящики, питавшіяся мѣломъ и грифелями! Иногда, впрочемъ, невѣдомое перо вдругъ пуститъ неожиданный, словесный брандскугель. Тутъ все оживаетъ и поднимается. Въ ловкихъ стишкахъ говорится про особу, побывавшую въ столицѣ, что она: „съ чухной лично говорила и въ кунтскамерѣ была!“ Про красавицу, предметъ общихъ толковъ, говорится: „и какъ не веселиться тутъ землѣ и небеси, когда ты именинница, Эмилія, еси!“ И долго шумятъ и волнуются, по поводу словеснаго брандскугеля, горожане, и долго городокъ не утихаетъ, какъ присутствіе послѣ какого-нибудь билье-ду ревизіонной коммиссіи. Но, наконецъ, и это умолкаетъ. Тогда маленькій городокъ — царство неисходной скуки! Одинъ учитель пѣнья тогда еще заходитъ изрѣдка потолковать съ аптекаремъ о томъ, что, вотъ, нѣтъ совсѣмъ ни уроковъ, ни больныхъ; но и это бываетъ не на долго. Дверь въ аптеку скоро заплетается паутиною, и аптекарскіе ученики пускаютъ изъ оконъ на опустѣлую улицу мыльные пузыри, а учитель пѣнія открываетъ табачную лавочку и съ улыбкой встрѣчаетъ каждаго покупателя, рѣдкаго и счастливаго покупателя!.. Въ одинъ изъ такихъ-то послѣ-ярмарочныхъ вечеровъ, именно, когда маленькій степной городокъ походилъ на суслика, который спитъ, къ городской чертѣ подъѣзжалъ на рысяхъ дорожный дормёзъ, запряженный шестерикомъ почтовыхъ. Лакей, толстый господинъ изъ разряда крупно-

чубыхъ бакенбардистовъ, качаясь, дремалъ сзади, усѣвшись въ подушки рессорнаго человѣколюбія. Заставы въ городкѣ никогда не водилось, на мосту собирали деньги за переправу черезъ рѣчку. Подслѣповатый инвалидъ, починявшій какое-то женское платье, принимая отъ лакея деньги, спросилъ: „а кто ѣдетъ?“ И получилъ въ отвѣтъ: „ѣдетъ подполковникъ!“ Хотя подполковникъ впослѣдствіи оказался просто надворнымъ совѣтникомъ. Дормёзъ, въѣхавъ на пески, поплелся шагомъ. Приближаясь къ городку, проѣзжій поминутно высовывался изъ оконъ. Въ улицѣ пригороднаго села онъ разъѣхался съ бричкой, изъ-подъ будочки которой выглядывали два дѣвическія лица, въ мелкихъ рыжихъ тирбушонахъ и голубыхъ полинялыхъ шляпкахъ. Проѣзжій, бросивъ на нихъ бѣглый взглядъ, тихо вздохнулъ. Казалось, онъ жалѣлъ и о тирбушонахъ, и о голубыхъ шляпкахъ! Далѣе, почти уже на городскомъ мосту, онъ разминулся съ толстою шестимѣстною, хуторянскою колымагою, набитой биткомъ, какъ арбузъ съ сѣмячками, молоденькими, веселыми барышнями. Сердитая особа престарѣлаго возраста, очевидно маменька, жалась въ глубинѣ экипажа, завинченная и сжатая со всѣхъ сторонъ. Кругленькія и бѣленькія, какъ гладенькое яичко, личики на стукъ дормёза выглянули изъ оконъ, выглянули съ задержанными рѣчами и изумленными взглядами, выглянули чуть не помирая со смѣху, и проѣзжій слышалъ, какъ дружный хохотъ градомъ раздался за его спиною, едва дормёзъ разъѣхался съ колымагой. Проѣзжій тоже улыбнулся; казалось, онъ былъ доволенъ и кругленькими личиками, и звонкимъ дѣвическимъ хохотомъ. Скоро дормёзъ поднялъ облака песку въ город-

скихъ улицахъ и остановился подъ крыльцомъ единственной гостинницы иногороднаго еврея, Сруля Мошки, у котораго дѣти были Юдка и Мордка, вѣчно бѣгавшія нагишомъ, и полная бѣлолицая жена Хаюня. Сруль Мошка держалъ гостинницу безъ вывѣски; но зато эта гостинница была съ бильярдомъ и маркёромъ. Проѣзжій вышелъ изъ дормёза. Едва его лысина, такъ-называемая ранняя лысина, съ волосами, зачесанными въ видѣ артишоковъ, съ затылка на виски, показалась въ сѣняхъ, съ лавки вскочилъ растрепанный маркёръ, вставившій на одно мѣсто въ брюкахъ заплату голубаго цвѣта. Проѣзжій, проходя по корридору, заглянулъ въ залъ. На бильярдѣ, по обыкновенію, сидѣла курица. Этотъ бильярдъ имѣлъ то похвальное обыкновеніе, что куда бы шаръ по немъ ни катился, онъ непремѣнно попадалъ въ лѣвую среднюю лузу и, поставленный на навощенный шаростав, качался нѣсколько минутъ, какъ акробатъ на канатѣ. Окна въ залѣ, поднимаемыя въ видѣ силкóвъ на подставкѣ, имѣли тоже похвальное обыкновеніе иногда, совершенно неожиданно, хватить по просунутой въ нихъ шеѣ. Войдя въ номеръ, проѣзжій замѣтилъ маркёру, что не мѣшало бы выпить съ дороги чаю. Суровый маркёръ на это ничего не сказалъ, но скоро загремѣлъ блюдечками и чашками; лакей-бакенбардистъ, между тѣмъ, раскинувъ умомъ, что отъ хозяина скорѣе поживешься и съѣстнымъ, и питьемъ, пустился на поиски Сруля Мошки. Пройдя черезъ дворъ, онъ остановился передъ погребомъ, гдѣ, по справкамъ, долженъ былъ находиться жидъ. На дворѣ, между тѣмъ, уже окончательно стемнѣло. Подъ широкимъ навѣсомъ, въ мерцающемъ полусвѣтѣ онъ разсмотрѣлъ пейсы и

черную бороду. И только что онъ, прокашлявшись и потеревъ для бодрости бока нанковой куртки, сказалъ: „подполковникъ пріѣхалъ, и потребуется сарай для кареты!“ — какъ откачнулся назадъ и въ ужасѣ раскрылъ глаза... Рука его коснулась чего-то мягкаго и теплаго, и изъ глубины подвала выдвинулась, вмѣсто жида, узкая морда стараго конюшеннаго козла. Изумленіе лакея было неописанное: оглянувшись во всѣ стороны, онъ пошелъ, какъ обкаченный водою пудель, и въ то же время услыхалъ за заборомъ чьи-то торопливые шаги. Впослѣдствіи оказалось, кому принадлежали эти шаги. Стягивая съ барина сапоги и чулки, причемъ тотъ подергивалъ пятками потому, что боялся щекотки, онъ не выдержалъ и въ волненіи, почти умирающимъ голосомъ, разсказалъ свое приключеніе съ козломъ. Баринъ покачалъ головою и, стукнувъ лакея по красному затылку, весело замѣтилъ: „это, Вася, счастье; это, Вася, пророчитъ большое счастье!“ Едва проѣзжій разоблачился и надѣлъ ночную кофту, едва самоваръ, подпертый съ одной стороны, за отсутствіемъ ножки, замкомъ, а съ другой стороны ножницами, запыхтѣлъ и зарумянился на столѣ,—дверь комнаты отворилась, и на порогѣ явился господинъ, какъ говорится, изъ породы недоростковъ недостатковскихъ. Склонивъ голову на подобіе подстрѣленной дичи и прикладывая руку къ груди, точно держалъ въ ней прошеніе на погребеніе жены или дочери, вошедшій началъ говорить вдохновенно: „И возможно-ли, и вижу мужа такого сана, и взоры меня не обманываютъ!“ Думая, что это затѣмъ, чтобы точно просить на погребеніе жены или дочери, проѣзжій снялъ со стола кошелекъ и протянулъ вину-

тый изъ него четвертакъ къ двери. Посѣтитель встрепенулся, посинѣлъ и, закинувъ голову, отступилъ...

— Не понимаю, не понимаю! — произнесъ онъ, запальчиво и заикаясь: — что это можетъ значить? — Проѣзжій тоже переконфузился.

— Вотъ, милый мой, возьмите, не церемоньтесь!— произнесъ онъ довольно неровно. Посѣтитель засмѣялся, какъ человѣкъ, соболѣзнующій объ ошибкѣ ближняго, и замѣтилъ: „извините, тутъ вышло кипрокó, и не одно, а цѣлыхъ два кипрокá: во-первыхъ, я не то, что вы думали; во-вторыхъ, я — Борисъ Борисовичъ Плинфа, здѣшній обыватель; и не стыдно-ли вамъ подчивать меня четвертками?“ Читатель уже вѣроятно привелъ въ памяти, что это былъ тотъ самый Плинфа, къ которому въ полдень обыкновенно приходили съ поздравленіемъ трубачи, и вѣроятно также догадался, что появленіе его произошло вслѣдствіе подслушаннаго разговора лакея съ козломъ. Проѣзжій согласился, что подчивать четвертками, дѣйствительно, стыдно, и произнесъ: „Извините, я ошибся, прошу садиться, и не желаете-ли стаканъ чаю!“ — „Много благодаренъ!“ — подхватилъ Плинфа, утирая носъ, кончикъ котораго начала безпокоить выступившая изъ него капля: — „только ужь позвольте въ прикуску и пожиже; крѣпкій чай, говорятъ, раздражаетъ нервы и заставляетъ думать о томъ, о чемъ иногда и не хочешь думать!“ Проѣзжій... но, прежде, нежели мы скажемъ, согласился-ли проѣзжій съ тѣмъ, что чай раздражаетъ нервы и заставляетъ иногда думать о томъ, о чемъ бы и не хотѣлъ думать, — скажемъ, что за человѣкъ былъ этотъ проѣзжій.—Проѣзжій, мужчина лѣтъ сорока, былъ человѣкъ

добрый, добрый, какъ говорится, необидѣвшій на своемъ вѣку мухи. И это, сколько намъ кажется, происходило отъ его домашняго воспитанія. Вслѣдствіе этого домашняго воспитанія, выйдя въ отставку и поселясь въ деревнѣ, онъ старую ключницу, мошенницу изъ мошенницъ, звалъ Михѣевной, а иногда тетенькой, атáману на всѣ распоряженія его говорилъ: „хорошо, хорошо, братецъ, Силентій: это очень хорошо!“ — и отъ скуки игралъ въ карты съ двумя горничными, которымъ имена были Гопка и Галька. На службѣ, ходя постоянно въ широкомъ фракѣ на ватѣ и получая къ столу всѣ деревенскіе припасы, онъ слылъ у молодыхъ сослуживцевъ подъ именемъ зайца въ мѣшкѣ и сахарнаго тихóни, а у пожилыхъ — подъ именемъ прекраснаго молодаго человѣка. Эти пожилые только находили его нѣсколько разсѣяннымъ. Разсѣянность въ самомъ дѣлѣ была любопытная... Бывало, поймаетъ въ присутствіи кого-нибудь за пуговицу и начинаетъ съ нимъ говорить, да говоритъ до того, что слушающій готовъ въ обморокъ упасть и не имѣетъ силъ вырваться. Одинъ шутникъ въ такомъ положеніи вынулъ изъ кармана ножикъ, отрѣзалъ пуговицу, за которую разскащикъ держался, и улизнулъ. На службѣ же, бывало, остановитъ кого-нибудь въ экипажѣ на улицѣ, деликатно стащитъ его за пуговицу на мостовую, спроситъ, какъ ваше здоровье, и, получивши должный отвѣтъ, скажетъ: „А, хорошо!“ и, сказавши: „А, хорошо!“ сядетъ спокойно въ чужой экипажъ и укатитъ, прежде чѣмъ владѣлецъ его успѣетъ опомниться. Въ деревнѣ онъ жилъ довольно порядочно; сосѣди ѣзжали къ нему на имянины и поиграть въ карты. Только вдругъ однажды онъ задумался, ду-

малъ-думалъ, и рѣшился произвести важный переворотъ въ своемъ существованіи. Каковъ былъ этотъ переворотъ, читатель увидитъ дальше... Проѣзжій, дѣйствительно, согласился, что чай разстраиваетъ нервы и вселяетъ иногда предосудительные помыслы; гость на это помолчалъ и спросилъ съ улыбкой: „Имя и отчество ваше?“ — „Надворный Совѣтникъ Ѳока Пятизябенко!“ — отвѣтилъ хозяинъ, также съ улыбкой.

— Ѳока Лукичъ?—подхватилъ гость, покачнувшись и съ улыбкой.

— Ѳока Ильичъ!—отвѣтилъ хозяинъ, также покачнувшись и также съ улыбкой.

Чай снова былъ розлитъ по стаканамъ.

— Отъ васъ, Ѳока Ильичъ, — началъ гость: — вѣроятно не укрылось, какъ бѣденъ и скученъ нашъ городъ?

— Не укрылось! — отвѣтилъ хозяинъ, расправляя и обсмактывая замоченные въ чаю усы, которые онъ носилъ для нѣкоторой прикрасы ранней лысины: — только я не думаю, чтобъ городъ вашъ былъ точно скученъ и бѣденъ.

— Скученъ и бѣденъ! — подхватилъ гость: — скученъ и бѣденъ! И вы не повѣрите, какіе странные случаи бываютъ въ немъ! Вотъ, напримѣръ, у меня на свадьбѣ, на первой еще свадьбѣ, потому что я вдовецъ, изъ самой, такъ сказать, брачной комнаты украли сапоги и брюки!

— Быть не можетъ! — подхватилъ удивленный хозяинъ.

— Точно такъ, прошу не сомнѣваться!—подхватилъ гость, кланяясь:—и утащили въ то время, какъ кромѣ

меня и жены никого не было въ комнатѣ! — Послѣдовало деликатное съ обѣихъ сторонъ молчаніе; хозяинъ налилъ гостю еще стаканъ чаю, помолчалъ и началъ говорить... И то, что услышалъ Плинфа, поразило его неописаннымъ удивленіемъ; блюдечко зазвенѣло въ его рукахъ, когда Пятизябенко произнесъ послѣднія слова и завершилъ: „Вотъ, Борисъ Борисычъ, вотъ мое задушевное и неизмѣнное желаніе!“ Плинфа помолчалъ и спросилъ: „Да на комъ же это вы думаете жениться?“— спросилъ, все еще не понимая вполнѣ страннаго намѣренія помѣщика и мысля про себя: „какая же это наша фефела наградитъ собою такого жениха?“

— Да я же вамъ говорю, на комъ, — отвѣтилъ Пятизабенко и еще разъ повторилъ въ малѣйшихъ подробностяхъ сказанное Плинфѣ. — Далеко за полночь огонь погасъ въ окнѣ вновь занятаго номера гостинницы. Какъ обухомъ оглушенный, вышелъ Плинфа на улицу и почти опрометью побѣжалъ, повторяя про себя: „Ахъ ты, батюшки, батюшки, вотъ разодолжилъ!“ — И цѣлый рой предположеній заходилъ и завертѣлся въ головѣ Плинфы. — А надо сказать, что Плинфа былъ большой поклонникъ всякаго рода новостей. Живя уже давно въ отставкѣ, онъ постоянно, по привычкѣ, каждый день приходилъ, какъ будто по дѣлу, въ присутствіе и весело здоровался съ чиновниками, которые всѣ знали и любили отставнаго судью и всякій разъ говорили: „А! вотъ и вы, Барбарисъ Барбарисовичъ! Ну, что? есть-ли теперь что-нибудь новенькое?“ На это Барбарисъ Барбарисовичъ молча скрипѣлъ табакеркою, на которой была изображена таблица съ разсчетомъ для бостона, и отвѣчалъ! „Какъ же, есть!“—„Да что же

такое есть?“ допрашивали любопытные чиновники. — „А вотъ и есть!“ отвѣчалъ Плинфа, смотря себѣ на сапоги: „вотъ, Вакулищенко мнѣ новые сапоги сдѣлалъ!“ — „Да какъ же новые?“ замѣчали на это пытливые чиновники: „вы, Барбарисъ Барбарисовичъ, еще на той недѣлѣ ихъ показывали!“ На это Плинфа качалъ головою и говорилъ: „Э! то не тѣ сапоги, то были совсѣмъ другіе сапоги, а эти совсѣмъ новые сапоги!“ Еще Пятизабенко спалъ на кровати, о которой выражалась одна надпись на стѣнѣ номера: „Горе и мука тому, кто будетъ осужденъ судьбою лежать на сей кровати!“ и которая точно представляла горе и муку потому, что поминутно двигалась и скрипѣла, издавая какіе-то насмѣшливые звуки, точно говорила: „А что, братъ, а-га! посмотримъ, какъ ты заснешь, посмотримъ! что, братъ, взялъ?“ Еще маркеръ, въ ожиданіи пробужденія гостя, поминутно смотря на вновь заплатанныя брюки, вытиралъ кіи и чистилъ бильярдъ, на которомъ шары, какъ извѣстно, непремѣнно падали въ лѣвую среднюю лузу,—а уже городокъ шумѣлъ, и цѣлое море толковъ, споровъ и догадокъ колебало спокойствіе низенькихъ домиковъ. Слово „женихъ“ молніей облетѣло всѣ дѣвственныя сердца и закоулки. Разнеслась вѣсть, что пріѣзжій помѣщикъ, надворный совѣтникъ Пятизябенко, рѣшился жениться на той, которую первую увидитъ въ городкѣ, разумѣется, если эта первая согласится отдать ему свою руку, и ужъ также разумѣется, что какая же не согласится отдать ему своей руки! Главную роль въ этихъ городскихъ толкахъ играла высокоуважаемая дѣвица-акушерка, Анна Ванна Гонорарій, какъ ее называли горожане, и которая на ванну впро-

чемъ нисколько не походила, а походила на бекаса, котораго прозвище къ ней и было навсегда припечатано. Надо замѣтить, что на эту птицу акушерка походила вслѣдствіе носа, который, какъ кранъ у самовара, торчалъ на ея миніатюрномъ личикѣ. Еще до разсвѣта, по неисповѣдимымъ судьбамъ, эта особа узнала всю подноготную отъ Плинфы и до утра не могла сомкнуть глазъ. Съ зарей она уже порхнула въ телѣжечку, именуемую нетечáнкою, и полетѣла съ визитами къ нуждающимся и ненуждающимся въ ея искусствѣ, изъ которыхъ первыхъ впрочемъ постоянно было болѣе въ благословенномъ городкѣ. Благословенный городокъ, скажемъ мимоходомъ, особенно пришелся по вкусу акушеркѣ. Она прилетѣла сюда по окончаніи курса, на почтовыхъ и съ той поры сдѣлалась душою его общества. Увидѣвъ, какъ на одной станціи она подкатила къ крыльцу, на перекладной, въ чепчикѣ безъ вуали и съ книжкою въ рукахъ, громко скомандовала запрягать и, выпивъ стаканъ молока, снова умчалась впередъ, какъ добрый фельдъегерь, одинъ проѣзжій, заслуженный генералъ, замѣтилъ: „Ну, матушка, такая не сробѣетъ!“ И точно, Анна Ванна Гонорарій никогда еще не сробѣла. Разъѣзжая по городу въ уютной нетечáнкѣ и служа первымъ привѣтствіемъ всякому новому гостю міра, Анна Ванна въ то же время слыла и модницей, и затѣйницею веселиться, и затѣйницею устраивать сговоры и свадьбы, а слѣдовательно и нужныя подготовленія будущихъ привѣтствій новыхъ гостей міра. Выходя утромъ за ворота, она не пропускала ни одного хуторянина, идущаго изъ окрестностей на базаръ, и всѣхъ почти знала по имени. — „Ты это пѣтуха, Онисимъ, несешь?“ спрашивала она. — „Пѣтуха, барышня!“

отвѣчалъ Онисимъ, держа перевернутаго вверхъ ногами, съ отекшею головою, пѣтуха. — „Продай мнѣ пѣтуха, Онисимъ“, говорила она, ощупывая хлупь и бока пѣтуха. — „Берите, барышня!“ говорилъ на это Онисимъ: „только позвольте прежде вашу ручку поцѣловать!“ — Съ акушеркой жилъ еще маленькій племянникъ Ва́ва, который иногда сопровождалъ ее въ поѣздкахъ по городу. — „Это что, тётя, какое слово написано на заборѣ?“ спрашивалъ онъ, подпрыгивая на нетечанкѣ и разсматривая тѣ надписи мѣломъ, которыя иногда производятся на стѣнахъ и заборахъ въ отдаленныхъ городскихъ улицахъ. — „Это, душечка, ничего! это неконченное слово!“ говорила на это тетенька, оборачивая лицо Вавы въ другую сторону: „ты этого не поймешь!“ И точно, Вава этого не понималъ. — Не мѣшаетъ также замѣтить, что, по туземному обычаю, помолвившись за Плинфу, о чемъ мы забыли сказать, Анна Ванна Гонорарій позволяла своему жениху, при людяхъ, иногда нѣкоторыя золотыя вольности. Она... цѣловалась съ своимъ женихомъ. И надо было видѣть, какъ она съ нимъ цѣловалась! Такъ уже теперь не цѣлуются на свѣтѣ! Тонко намекая на румянецъ щекъ Анны Ванны, почтмейстерша, едва видѣла ихъ вмѣстѣ, обыкновенно говорила: „Барбарисъ Барбарисовичъ! посмотрите, какая она хорошенькая! ужъ поцѣлуйте ее, душечку, въ стыдливое мѣсто!“ На это душечка краснѣла и, подставляя щеку, говорила: „Ахъ, право, ужъ вы мнѣ съ вашими просьбами!“ И Плинфа, также зардѣвшись, исполнялъ желаніе почтмейстерши, то-есть, цѣловалъ невѣсту въ стыдливое мѣсто... Совершивъ болѣе десяти наѣздовъ на дома и домики, акушерка подлетѣла къ крыльцу Плинфы

и въ волненіи, сказавъ племяннику: „Ну, Вава, поставь лошадь подъ сарай, а самъ побѣгай въ саду; я зайду къ дядѣ!“—быстро порхнула въ сѣни. Вава поставилъ коня подъ сарай и пошелъ въ садъ. Пижонъ, собака акушерки, тоже подошелъ въ садъ, но прежде его настигли дворняги Плинфы и, составивъ около него кружокъ, стали по своему обыкновенію, какъ говорится, читать его дипломъ.—„Ну! поздравляю васъ!“ вскрикнула акушерка, сталкиваясь въ передней лицомъ къ лицу съ Плинфою: „гость-то вашъ оказался обманщикомъ, гнуснымъ обманщикомъ! онъ вамъ все, должно быть, налгалъ, и больше ничего!“

— Да помилуйте,—проговорилъ робкій Плинфа, подходя къ ручкѣ невѣсты:—чѣмъ же онъ могъ налгать?

— Отстаньте!—вскрикнула акушерка, отдергивая ручку, одѣтую въ перчаточку цвѣта майскаго жука, съ отливомъ: — что́ мокрой-то курицей такой смотрите! Страмъ, да и только! Объѣхала всѣхъ, была у всѣхъ, спрашивала всѣхъ, никто и не слыхалъ такой фамиліи,—Пятизябенко! И развѣ могутъ быть такіе женихи на свѣтѣ!

— Да что-жъ тутъ такого въ этой фамиліи?—спрашивалъ озадаченный Плинфа: — и чѣмъ же она худая фамилія?

— Была даже у буфетчика, у маркера Букана въ гостинницѣ!—продолжала гостья: — заѣзжаю по дорогѣ и спрашиваю: что, говорю, Букаша, пріѣзжій женихъ уже посватался?—Какой, говоритъ, посватался. Онъ еще спитъ, говоритъ!—Спитъ! И это женихъ! Ну, такіе-ли бываютъ на свѣтѣ женихи? Да что же вы такой нюней стоите? Отвѣчайте!—почти сквозь слезы спрашивала акушерка... Но не успѣла она произнести послѣднихъ словъ,

какъ посреди улицы показался красивый господинъ въ соломенной шляпѣ, не молодой, это правда, но еще румяный и съ вожделѣннымъ запасомъ здоровья. Онъ остановился передъ окнами дома, противъ Плинфы. Сердце екнуло подъ лифомъ акушерки, и въ глазахъ ея заходилъ сладкій туманъ. Ей показалось, въ первое мгновеніе, что прохожій замѣтилъ ее. Но скоро предположеніе это оказалось ошибочнымъ: прохожій ступилъ на крыльцо и вошелъ въ сѣни противуположнаго дома. Акушерка нервически оттолкнула Плинфу и, вскрикнувъ: „Ахъ-ти, матушка, опростоволосилась!“—кинулась въ ближній залъ. Тамъ, изъ-за горшковъ герани и занавѣсокъ, стала она въ кулакъ наблюдать, что будетъ происходить въ сосѣднемъ домѣ. Вотъ, опредѣлите послѣ этого сердце женщины; вѣдь, кажется, женихъ у нея стоялъ за плечами, а между тѣмъ... Нѣтъ, странное сердце женщины! На воротахъ дома, куда вошелъ прохожій, была надпись, еще шесть лѣтъ назадъ прибитая вверхъ ногами и до сихъ поръ остающаяся въ такомъ же положеніи: „Неслужащаго дворянина Обáпалки“. Пятизябенко между тѣмъ,—это былъ онъ,—пройдя не безъ волненія двѣ улицы, гдѣ, къ удивленію своему, вмѣсто ожидаемыхъ дѣвицъ, видѣлъ все прифрантившихся на этотъ разъ маменекъ и папенекъ, встрѣчавшихъ его даже съ улыбками, точно давно знакомаго и точно говоря: „А, здравствуйте, Ѳока Ильичъ, съ пріѣздомъ!“ или: „А, вотъ и вы! какъ провели ночь?“ Пятизябенко очень обрадовался потому, что въ окнѣ дома, куда вошелъ, мелькнуло, какъ ему показалось, весьма смазливенькое лицо блондинки... Войдя, не безъ волненія, въ переднюю, гдѣ не было ни души, и по-

томъ въ залъ, гость остановился на порогѣ. Хозяинъ и хозяйка, Обáпалки, которые о немъ уже, какъ и всѣ горожане, знали всю подноготную, но никакъ не ожидали его появленія, крайне изумились и остались безмолвны. Обáпалка-мужъ, изъ породы кубариковъ, раскладывалъ въ это время въ залѣ перепелиныя сѣти, собираясь починить ихъ новыми нитками и думая про себя: „А это, однакоже, любопытно: къ кому зайдетъ пріѣзжій помѣщикъ?“ Обáпалка-жена, также не далекая отъ породы кубариковъ, сортировала въ залѣ-же ягоды дли настойки и тоже думала: „А это, впрочемъ, вещь любопытная: куда завернетъ пріѣзжій помѣщикъ?“ И вдругъ, этотъ помѣщикъ явился въ ихъ собственномъ залѣ. Нѣтъ! Перо опускается, и недостаетъ силъ изобразить изумленіе почтенныхъ супруговъ! Едва гость очутился на порогѣ и замеръ въ невольномъ, понятномъ трепетѣ, оторопѣлый хозяинъ бросилъ сѣти, взглянулъ на него съ улыбкой и шарикомъ укатился изъ залы въ корридоръ. Тамъ супруги пожали плечами и молча взглянули другъ на друга.—„Ну, ничего, мамаша!“—произнесъ, помолчавъ, въ одно мгновеніе все сообразившій мужъ:—„ничего, это очень выгодно!“—„Что выгодно?“—спросила супруга, смотря на него во всѣ глаза и не понимая его:—„развѣ ты забылъ, папаша, что у насъ нѣтъ дѣтей?“—„Ничего, дуся, ничего! это очень выгодно и не надо упускать случая, а ужъ мы ему достанемъ!“—„Какъ достанемъ, кого достанемъ?“—спросила, внезапно проникнутая припадкомъ ревности, супруга:—„ты съума сошелъ!“—„Ну, съ ума не съ ума, котикъ, а ужъ ты не безпокойся; когда человѣкъ въ такомъ аппетитѣ жениться, не надо упускать случая!“—И мужъ поцѣловалъ

въ обѣ полныя щеки взволнованную жену. Поцѣлуй произошелъ въ тишинѣ, такъ же какъ и разговоръ, и черезъ нѣсколько минутъ супруги явились въ залѣ, одинъ уже во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, а другая въ новомъ, шеколадномъ кисейномъ платьѣ. Нѣсколько минутъ и гость, и хозяинъ молча смотрѣли другъ на друга. Наконецъ хозяинъ кашлянулъ и началъ:

— Весьма осчастливленъ! Чему обязанъ этимъ посѣщеніемъ? Гость отвѣтилъ:

— Мнѣ сказали, что у васъ есть продажныя дрожки!

— Дрожекъ продажныхъ у меня нѣтъ!—ловко вклеилъ хозяинъ: —но садиться милости просимъ!—Всѣ сѣли. Разговоръ начался о городскихъ новостяхъ. Пятизябенко не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь и обратился къ прекрасному полу. Оглянувъ кисейное платье и въ то же время шерстяныя ботинки прекраснаго пола, онъ съ деликатною ловкостью спросилъ: „А отчего это, сударыня, въ такое теплое время на вашихъ милыхъ ножкахъ такія вовсе не милыя ботинки?“ Хозяинъ нагнулся къ уху гостя и шепнулъ ему одно слово, которое совершенно удовлетворило любопытство гостя, но бросило его въ порядочную краску. Не мало также смутился гость, когда слуга внесъ подносъ съ закускою, и хозяинъ спросилъ: „не угодно-ли водочки и рѣдечки?“ Гость отвѣдалъ и водочки, и рѣдечки... Во время закуски, хозяйка взглянула на мужа и произнесла: „Шерчикъ! фуршетъ!“ Гость предупредилъ желаніе дамы. Но, черезъ секунду, дама, потребовавши по-французски вилку, лежавшую передъ ея носомъ, за хлѣбомъ пошла сама, въ то время, какъ этотъ хлѣбъ лежалъ на другомъ концѣ стола. Гость изумился и долго не могъ прійти въ себя

потому, что не смѣлъ ничего предполагать на счетъ познаній почтенной дамы. — Для одобренія себя, пробуя какіе-то маринованные въ уксусѣ грибки, Пятизябенко спросилъ:

— А какъ фамилія, не знаете-ли, той пожилой дамы съ дочерьми, которую я встрѣтилъ вчера на городскомъ мосту? Еще у нея голубая карета?

— А! это та Мàкортытъ, помѣщица изъ Пупàвокъ; еще сама, говорятъ, съ дочерями въ пруду бреднемъ рыбу ловитъ!—отвѣтилъ добродушный Обàпалка...

— Ну, а тѣ барышни, кто такія, рыженькія и въ голубыхъ шляпкахъ? - спросилъ кашлявшій въ салфетку гость:—я ихъ вчера тоже встрѣтилъ за городомъ!

— Это,—подхватилъ добродушный хозяинъ, смотря на жену:—это Завалишинскіе однодворки! У насъ зимою, на балу, шутники-офицеры наименовали одну Кирпàша, а другая Мордáта!—Фамилія же у нихъ, право, такая мудреная, на М, и, кажется, нѣмецкая!

— Хóха!—подхватила супруга.

— Да, точно Хóха, я и забылъ!—прибавилъ супругъ:—точно Хóха, и не на М!

Разговоръ въ этомъ тонѣ длился еще нѣсколько минутъ. Наконецъ догадливая хозяйка вышла. Гость высморкался, сложилъ платокъ втрое, спряталъ его въ боковой карманъ фрака и началъ:

— А вы, я думаю, уже догадались, зачѣмъ я явился къ вамъ?

— Хи, хи! Какъ же не догадаться! Хи, хи!—подхватилъ, улыбаясь, хозяинъ, склоняя на бокъ голову и въ то же время смотря гостю въ глаза.

— Такъ, значитъ, вы соглашаетесь!— спросилъ, приподнимаясь, гость.

— Соглашаюсь-ли?..

— Да!

Обáпалка потеръ переносицу. Потъ градомъ катился съ него. „Была не была!“ подумалъ онъ: „подставимъ ему Акулину Саввишну!“ И еще разъ сообразивъ, какъ полезно будетъ, для его отношеній къ супругѣ, подставить гостю Акулину Саввишну, онъ сдѣлалъ изъ лица своего лицо важное и сказалъ:

— Я согласенъ на все, только съ однимъ условіемъ: оставимъ все это до сегодняшняго вечера; вечеромъ мы все покончимъ! Да притомъ же надо и ей дать опомниться!—прибавилъ Обáпалка уже съ располагающей улыбкой. При словѣ ей Пятизябенко совершенно оживился, сталъ болтать о разныхъ веселыхъ вещахъ и вышелъ отъ Обáпалки, чуть не подпрыгивая отъ радости...

— Такъ до вечера?—спросилъ онъ уже на улицѣ, раскланиваясь съ Обáпалкою.

— До вечера! до вечера!—отвѣтилъ, также раскланиваясь, Обáпалка.

Въ окнѣ противуположнаго дома между тѣмъ сильно заколыхалась розовая штора.

„Что бы это значило?“—думала акушерка, слѣдя изъ-за окна за уходящимъ гостемъ:—„не задумалъ-ли мерзавецъ Обáпалка надуть гостя?“—Какъ надуть, акушерка еще недоумѣвала, но видѣлъ ея копотливый умъ какія-то сѣти, разставленныя противъ интереснаго проѣзжаго, и этого уже было для нея довольно. Никогда не питая къ Обáпалкамъ особеннаго сочувствія, она заду-

мала и рѣшилась разрушить ихъ ковы. Такъ какъ окончаніе дѣла должно было произойти вечеромъ, то акушерка предположила напустить къ Обáпалкамъ весь городъ: пусть тогда выборъ незнакомца произойдетъ при всѣхъ, и судьба, одна судьба рѣшитъ, кому изъ дѣвицъ торжествовать. Созвать же весь городъ къ Обáпалкамъ было очень не трудно: для этого стоило только пустить въ городѣ вѣсть, что у нихъ будетъ пить чай новый гость, и городъ полетитъ туда, гдѣ будетъ пить чай новый гость! Акушерка рѣшилась, и нетечанка ея загремѣла и запрыгала по улицамъ. Насталъ роковой вечеръ. Городокъ превратился въ муравейникъ, на который мальчишка-пастухъ крикнулъ извѣстную примолвку:— „комашки, комашки, прячьте подушки, татары идутъ!“—И еще скорѣе онъ походилъ на тотъ же городокъ, въ старину, когда произошла эта примолвка. Крикъ со степи: „татары идутъ!“ поднималъ и стараго и малаго, и женщину и больнаго, и все по улицамъ степнаго слободскаго городка суетилось, кричало, металось и бѣжало опрометью куда глаза глядятъ. Такъ было и теперь; только горожане нынѣче знали, куда бѣгутъ. Киръ Кирычъ спѣшилъ къ стряпчему; Пудъ Пудычъ спѣшилъ тоже къ стряпчему. Секретарь Панмутьевъ летѣлъ къ секретарю Панкутьеву, а секретарь Панкутьевъ къ секретарю Панмутьеву, и оба на дорогѣ, въ пріятномъ изумленіи, сталкивались! Обыватель Андрей Андреичъ Крути-Верти кричалъ своей супругѣ: „Замолчи ты, Гавриловна, замолчи, или я тебѣ всю рожу разобью!“ А толстенькій ходатай по дѣламъ, тоже обыватель, Заткни-Перцу, брился передъ мискою съ водой, вмѣсто зеркала, и полоскалъ ротъ апельсинною водич-

кою, по случаю сытнаго обѣда у сосѣда съ непристойнымъ чеснокомъ. Двѣ застарѣлыя, уже извѣстныя дѣвицы въ тирбушонахъ ѣхали въ бричкѣ, напудренныя по самыя рѣсницы, потупя глаза и въ то же время говоря шопотомъ:

„А посмотри, посмотри, копочка, у поповны опять угорь вскочилъ на носу, а она все-таки ѣдетъ!“ Веселыя барышни съ сердитою маменькою тоже ѣхали. И ѣхалъ весь городокъ въ гости къ Обàпалкамъ. Улица передъ домомъ Обàпалокъ совершенно запрудилась экипажами. Какихъ тутъ экипажей не было! И колымаги, и брички, и фаэтоны лиловаго цвѣта, и желтыя дорожки, и краковскія брички, и нетечанки, и чертапханы, и слобожанскія таратайки, именуемыя „бѣда“ и на которыхъ точно бѣда ѣздить! На нѣкоторыхъ козлахъ сидѣли обыкновенные кучера; на другихъ—мальчики въ непомѣрныхъ шерстяныхъ капотахъ, а на третьихъ—дворовыя дѣвки въ рукавицахъ и шапкахъ, очевидно занявшія мѣста кучеровъ, ушедшихъ на косовицу. Словомъ, съѣздъ былъ хоть куда. Внутри дома также было пестро и шумно. Между собравшимися пролетѣлъ слухъ, что самихъ хозяевъ нѣтъ въ домѣ. Всѣ недоумѣвали, куда они могли скрыться; недоумѣвала и акушерка. Чтобы какъ-нибудь пока замять дѣло, она распорядилась съ чаемъ, и скоро казачки стали разносить уставленные подносы. „И куда улетѣли?“ — думала акушерка, обѣгая глазами шумное собраніе: — „неужели догадались и рѣшились дать тягу?“ — Но не успѣла она подумать этого, какъ на улицѣ послышался стукъ колесъ, и дормёзъ давноожидаемаго гостя подкатилъ къ крыльцу. Принявъ шумный съѣздъ за особое располо-

женіе къ себѣ новыхъ родныхъ, Пятизябенко, съ чувствомъ удовольствія, вступилъ въ двери залы. На первыхъ же порахъ, однако, онъ былъ удивленъ, что хозяева не встрѣтили его. Поклонившись съ улыбкой и пригласивъ взглядомъ вставшее при его входѣ собраніе сѣсть, Пятизабенко опустился въ кресло и спросилъ:

— „А хозяевъ, господа, еще нѣтъ?“ — „Да, хозяевъ нѣтъ еще!“ — отозвались робко нѣкоторые голоса, и вслѣдъ за тѣмъ въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Пятизабенко началъ ощущать признаки робости и неловкости. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его, среди кучи незнакомыхъ и невиданныхъ лицъ, становилось затруднительнымъ. Побарабанивъ пальцами по ручкамъ креселъ, причемъ въ лицѣ его не было ни кровинки, онъ поднялъ голову и рѣшился прибѣгнуть ко всегдашнему своему спасенію, къ краснорѣчію.

— Вотъ, господа,—началъ онъ, покашливая и стараясь попасть на веселый тонъ: — дожилъ я до горькаго разочарованія въ жизни; думалъ испить, какъ говорится, до дна чашу блаженства и остался холостякомъ; выходитъ,—ладилъ человѣкъ челнокъ, а свелъ на уховертку! Такова-то наша жизнь! Такова-то наша печальная и поучительная жизнь!—Гость остановился; отвѣта на его слова не послѣдовало... За спиною его только раздался прерывистый шопотъ и даже сдержанный смѣхъ; Пятизабенко не имѣлъ силъ обернуться, да и хорошо онъ сдѣлалъ, что не обернулся! Собраніе, очевидно, начинало потѣшаться на его счетъ. Одинъ только Борисъ Борисычъ, проскользнувшій въ это время въ залъ и стоявшій у двери, задумчиво и склонивъ голову, съ пальцемъ въ петлицѣ жилета, помолчалъ-помолчалъ, да

вдругъ выступилъ и отвѣтилъ: — „Точно такъ, Ѳока Ильичъ! точно такъ!“ — „А, это вы!“ — произнесъ, не безъ ощущенія внутренней радости, гость и ободрился:— „а у насъ тутъ шелъ очень интересный разговоръ о поучительности человѣческой жизни!“ — „Ну! — подумали при этомъ нѣкоторые изъ собравшихся: — поучительность поучительностью, только, братъ, это все еще не дѣло и порядочная-таки чепуха; пора бы, наконецъ, перейти и къ главному!“ Гость терялся окончательно...

— А тдѣ же милые наши хозяева? — началъ онъ снова:—я что-то не вижу между вами нашихъ милыхъ хозяевъ!—Деликатный Плинфа, желавшій всегда, какъ о немъ говорили, смягчить дѣло, или, какъ онъ самъ выражался, подмазать сахарцемъ скипидарную пилюлю, хотѣлъ уже произнести: „А вѣрно они тутъ же, и только чѣмъ-нибудь вѣрно заняты!“ — какъ слова его замерли на устахъ,..

— Удрали куда-нибудь! — хватилъ напрямикъ и какъ будто про себя кривошей-подлѣкарь, прокладывавшій, по общему мнѣнію, понтоны черезъ самыя неприступныя рѣки.—„Какъ удрали?“—спросилъ Пятизябенко и заикнулся; ему показалось, словно какая струна при этомъ лопнула и зазвенѣла передъ его ухомъ: — „я васъ что-то не разслышалъ!“

— Какой тутъ не разслышалъ?—замѣтилъ весело и опять-таки, какъ будто про себя, кривошей-подлѣкарь:— онъ вамъ навралъ, собачій сынъ, если сказалъ, что у него есть дочка! Ну, у какого бѣса онъ возьметъ дочку, и на комъ васъ женитъ? Развѣ на своей ка́чкѣ женитъ?

Тутъ строго внимавшее собраніе не выдержало и прыснуло со смѣху; веселыя барышни звенѣли, какъ колокольчики. Однѣ дѣвицы съ тирбушонами долго крѣпились-крѣпились, но, наконецъ, не вытерпѣли и расхохотались, утирая обильныя слезы. Пятизябенко былъ какъ на угольяхъ, онъ теперь ясно видѣлъ, что его водили за носъ.

— Ну, — началъ онъ разбитымъ голосомъ: — вы, милостивый государь, произнесли недостойное слово...

— А, когда недостойное,—замѣтилъ еще болѣе въ духѣ подлѣкарь: — такъ и значитъ, что онъ васъ женитъ на своей ка́чкѣ!

Взрывъ потрясающаго хохота перешелъ всякія границы. Окна въ залѣ дрожали, какъ на балу послѣ выборовъ. Уже обиженный гость хотѣлъ встать и выйти, уже Плинфа порядочно трухнулъ и также намѣревался выйти, какъ вдругъ, изъ-за ряда городскихъ дамъ, выступила акушерка и, поклонившись гостю, начала:

— Я дѣвица не богатая и, смѣю сказать, даже неопытная, но позвольте, милостивый государь, замѣтить: смѣю-ли я спасти васъ отъ соблазну? Ссылаясь на весь городъ, я, Анна Ивановна Гонорарій, акушерка, увѣряю, что у Оба́палокъ дѣтей — ни мальчиковъ, ни дѣвочекъ — никогда не было и быть не могло! И если они васъ увѣряли въ противномъ, то не доживи я до свѣтлаго дня свадьбы, —потому что выхожу замужъ и даже скоро, и даже выгодно, и даже очень счастливо, и притомъ за человѣка, которому дорого одно мое вниманіе (пять шпилекъ разомъ вонзились и укололи сердце Плинфы!),—не доживи я до свѣтлаго для свадьбы, если слова мои неправы!

Пятизябенко не помнилъ себя отъ смущенія; въ глазахъ его ходилъ туманъ! Тутъ еще, къ довершенію общаго смятенія, не успѣла акушерка вынуть платочекъ и, плюнувъ въ него, положить его обратно въ ридикюль,— что она изъ деликатности дѣлала всякій разъ, когда нужно было плюнуть,—какъ въ дверяхъ гостиной появились сами хозяева — Обапалки, блѣдные и неподвижные, какъ смерть. Никто не зналъ теперь и впослѣдствіи, откуда они явились, потому что акушерка, по собственнымъ ея словамъ, обѣгала не только всѣ комнаты и чердакъ, но и всѣ прочія мѣста.

— А, и вы здѣсь! — произнесъ уже какъ съ того свѣта Пятизябенко: — ну, не грѣхъ-ли, не стыдно-ли вамъ? Надули, надули, какъ послѣдняго школьника!

Тутъ подняла снова голосъ Гонорарій.

— Послушайте, милостивый государь! — начала она, покашливая:—не обижайтесь еще, не обижайтесь! Смиритесь! Дѣло ваше еще не потеряно, потому что выборъ вашъ сію же минуту можетъ пасть на достойнѣйшую изъ дѣвицъ нашихъ!

Пятизябенко потеръ лысину, откачнулся въ кресло и засмѣялся... Смѣхъ его сталъ неожиданно возрастать, возрастать, перешелъ въ неописанный, неудержимый хохотъ и, какъ пламя, вдругъ обнялъ и всколебалъ все собраніе! Хохоталъ и Плинфа, хохотала акушерка, хохотали и барышни, все хохотало самымъ неудержимымъ, самымъ неподдѣльнымъ хохотомъ, хохотало, утирая слезы, охая и сморкаясь, сморкаясь и охая... Первый остановился гость.

— Ну, не умора-ли, господа, — началъ онъ, останавливаясь и задыхаясь отъ смѣха: — ну, не умора-ли

все это событіе? Ну, откуда мнѣ показалось, ну, откуда мнѣ это вздумалось, право? Нѣтъ, господа, это событіе—невѣроятное событіе. И какъ это такъ, вдругъ пріѣхалъ, увидѣлъ, и что такое увидѣлъ—и самъ не знаю!... Чортъ знаетъ, какая исторія! А впрочемъ, такъ какъ, господа, всякая исторія чѣмъ-нибудь кончается, то ужъ не откажите мнѣ и отужинайте сегодня у меня, въ саду гостиницы! Вѣдь, я думаю, тамъ готовятъ хорошій ужинъ? А?..

Собраніе отвѣтило, что точно ужинъ готовятъ хорошій, и разошлось, шумно разбирая случившееся. И вотъ, далеко за-полночь, въ гостиницѣ загремѣла полковая музыка, зазвенѣла посуда, захлопали пробки, и цѣлый городъ сталъ веселиться на-скоро, общими силами слѣпленнымъ весельемъ! И что же? При послѣднемъ тостѣ, когда извѣстный уже подлѣкарь проигралъ на принесенной гитарѣ „Черничку“, любимую пѣсенку горожанъ, и Плинфа, по общему желанію, поцѣловалъ свою невѣсту въ стыдливое мѣсто, Пятизябенко всталъ и обнялъ Обáпалку. Собраніе открыло глаза и въ пріятномъ изумленіи стало смотрѣть на достойный поступокъ гостя.

— Ну, скажите мнѣ,—началъ Пятизябенко, цѣлуя Обáпалку то въ одну, то въ другую щеку:—ну, скажите мнѣ, за что вы меня хотѣли такъ общипать?

— Не хотѣлъ общипать, по совѣсти не хотѣлъ!—отвѣтилъ, едва держась на ногахъ, Обáпалка:—въ окнѣ у меня никакой барышни не было, а было что-нибудь другое (при этомъ Обáпалка робко взглянулъ на жену),—и вамъ это показалось; а впрочемъ, господа, подкачнемъ нашего гостя!“ Гостя подкачнули, подкачнули,

подкачнули дружно, весело и стали цѣловаться; и когда стали горожане цѣловаться, стали бесѣдовать, и что говорили при этомъ веселые горожане, того рѣшительно никто не могъ уже разобрать!—Веселые горожане еще крѣпко спали, когда дормёзъ заѣзжаго гостя снова покатилъ по пыльной дорогѣ! Гость уже не выглядывалъ изъ оконъ на встрѣчные экипажи; ему, повидимому, было не до того! И жаль: въ одномъ изъ этихъ экипажей сидѣла, полулежа на бѣлой, какъ снѣгъ, подушкѣ, обшитой кружевами, дѣвушка — лѣтъ двадцати-трехъ, брюнетка, въ маленькомъ чепчикѣ, съ большими темными глазками, и блѣдная, какъ мраморная Геба! Она окинула орлинымъ взглядомъ проѣзжаго и подумала: „Вотъ бы муженекъ, и старъ, и не бѣденъ, и порядочный, кажется, колпакъ!“—Дѣвица была дочь одной современной маменьки, гдѣ-то проживавшей домоправительницей, слыла у сверстницъ подъ именемъ Тамерлана и теперь уѣзжала изъ одного семейства, гдѣ была, безъ году недѣлю, гувернанткой и гдѣ ей только что торжественно отказали.

Хорошенькій Тамерланъ въ тотъ же день подъѣхалъ въ чужой каретѣ къ лавкамъ, подъѣхалъ съ цѣлью блеснуть въ послѣдній разъ интересною обстановкой и столкнулся тамъ съ акушеркою, у которой еще живо въ памяти было вчерашнее событіе. Когда услышала отставная гувернантка разсказъ о гостѣ, когда она услышала этотъ разсказъ,—лицо ея поблѣднѣло, слезы выступили изъ глазъ, и батистовый платокъ вмигъ превратился въ клочки. Она тутъ же, какъ есть, передъ подругою вызывалась садиться въ перекладную и догонять гостя! И насилу ее уговорила и утѣшила „шерчикъ“ акушер-

ка, или, собственно, не утѣшила — потому, что хорошенькая гувернантка долго не могла забыть этого событія и долго была главною повѣствовательницею пассажа, нарушившаго покой тихаго степнаго городка.

V.

ХУТОРЯНКА.

ХУТОРЯНКА.

Цареборисово, сотенный городокъ старинной слобожанщины, основанъ выходцами изъ черкасовъ, какъ называли въ былыя времена воинственное племя приднѣпровскихъ островитянъ, живописную и шумную вольницу, огненною рѣкой прошедшихъ по равнинѣ степей Запорожцевъ. Этотъ городокъ построенъ при царѣ, давшемъ ему свое живописное въ исторіи вѣка имя, и нѣкогда ознаменовался рядомъ мужественныхъ стачекъ съ татарами, жаловавшими на плодоносныя прибрежья Донца. Теперь этотъ городокъ—небольшая вольная слободка, подобно сосѣдямъ своимъ, Салтаву, Балакисѣ, Лиману и Славянцамъ, пережившая блестящую эпоху подвиговъ, во имя роднаго царя, на родинѣ своихъ полковъ и полковниковъ. Старинная деревянная церковь съ почернѣвшею колокольней, ряды бѣленькихъ мазанокъ, фруктовые садики, тыквы, вьющіяся по заборамъ, съ кружевными лентами дикой миранды, звуки запоздалыхъ на пастбищѣ стадъ, крикъ филина на старомъ зданіи сельскаго правленія, и подъ-вечеръ пѣсня чернобровой дивчины,—вотъ все, что осталось отъ сотен-

наго городка. Зато окрестности Цареборисова представляютъ прекрасные виды. Донецъ, съ нагорной или крымской стороны, усѣянной мѣловыми, сталеобразными утесами, дикими и обнаженными, какъ причудливая развалина древнихъ замковъ, рѣзко оттѣняетъ свой лѣвый, низменный луговой берегъ, далеко убѣгающій отъ праваго, съ своими вѣковыми, дубовыми лѣсами, свѣтлыми озерами, болотами, полными дичи, и длинною вереницею селъ, пашень, винницъ и водяныхъ мельницъ, съ грохотомъ вращающихъ свои тяжелые маховики. По этому-то лѣвому берегу, часовъ около двухъ пополудни, пробиралась однажды высокая, пузатая хуторянская бричка, направляясь къ Цареборисовскому перевозу. Недалеко отъ Поплеванковской пустыни, лѣпясь по окраинѣ лѣсистаго берега, бричка ѣхала-ѣхала, кудахтала-кудахтала на толчкахъ кочковатаго проселка и вдругъ, совершенно неожиданно, разсыпалась... Кучеръ съ козлами отъѣхалъ впередъ, а сидѣвшій въ бричкѣ господинъ остался съ кузовомъ середи дороги, какъ утлая раковина, выкинутая на берегъ волною. Вышедъ изъ брички, проѣзжій сталъ ходить около кузова, смотрѣлъ-смотрѣлъ и рѣшилъ, что лучше всего оставить бричку въ покоѣ...

— Странная вещь!—замѣтилъ кучеръ, стоя съ заложенными руками около козелъ:—и отчего это она разсыпалась?

— Ничего страннаго нѣтъ,—замѣтилъ съ досадой проѣзжій:—бричка, кажется, была вовсе ненадежная.

Проѣзжій, молодой, бѣлокурый панычъ, въ клѣтчатой фуражкѣ, съ обнаженною шеей и румяными щеками, говорилъ о ненадежности брички напрасно, по-

тому что прежде, нежели сѣсть въ эту бричку, онъ совершилъ надъ нею обычный въ отношеніи всѣхъ хуторянскихъ бричекъ маневръ. Именно, когда на ближней станціи онъ послалъ о себѣ вѣсть старому знакомому пану, и старый знакомый панъ, проживавшій по близости, послалъ эту бричку и приглашеніе заѣхать къ нему,—панычъ взялъ бричку за колесо и за дышло и покачнулъ ее нѣсколько разъ. Бричка издала нѣсколько протяжныхъ звуковъ, точно у нея былъ скрытый музыкальный механизмъ, но оказалась благонадежною. Благонадежною она оказывалась постоянно и у самого пана, который съ утра до ночи разъѣзжалъ въ ней, гонимый множествомъ хозяйственныхъ и коммерческихъ предпріятій. И въ самомъ дѣлѣ, сегодня подвижной панокъ появлялся въ бричкѣ въ Юшковыхъ буеракахъ, а завтра уже его видѣли въ Елабановкѣ; сегодня онъ занималъ деньги за десять процентовъ въ Пѣвунихѣ, а завтра отдавалъ тѣ же деньги, за три процента, въ Засорихѣ,—и отъ его собственнаго хутора, вплоть до Поплеванковской пустыни, панка всѣ знали и уважали. Въ бричкѣ этой онъ и спалъ, и одѣвался, и брился, и въ карты отъ скуки самъ съ собой игралъ,—и вдругъ эта бричка совершенно неожиданно развалилась! Кучеръ первый вышелъ изъ остолбенѣнія. Предложивъ панычу подъ-верхъ коренного, онъ осѣдлалъ этого коренного армякомъ и объявилъ, что до хутора пана осталось всего семь верстъ и что панычъ туда доѣдетъ за-свѣтло, а ему надо остаться сторожить панскую бричку. Нечего дѣлать! Согласился панычъ и поѣхалъ. Но не миновалъ панычъ и двухъ верстъ, какъ конь остановился и рѣшительно

отказался идти дальше. Чего ни дѣлалъ панычъ, и шпорилъ его, и стегалъ хворостиной, и поощрялъ словами, ничто не помогало! Сидѣлъ-сидѣлъ панычъ на косматой лошаденкѣ и рѣшилъ слѣзть. Держась за уздечку, онъ сѣлъ на травѣ и сталъ поджидать, пока коварный звѣрь образумится. Но солнце переклонилось уже на западъ, воздухъ остылъ, тѣни отъ кустовъ и деревьевъ вытянулись далеко-далеко, а коварный звѣрь и не думалъ образумливаться. Вотъ изъ ближней, скрытой за холмами, слободки полетѣли мѣрные и громкіе звуки вечерняго благовѣста. Вечеръ близился. Что тутъ было дѣлать? Панычъ подумалъ и рѣшился еще попытать судьбы. Вспрыгнулъ снова на коня и далъ ему шпоры. Но каково же было изумленіе паныча, когда, опустивъ глаза, онъ увидѣлъ, что уздечка на конѣ развязалась и, во время его прыжка, свалилась на траву. Панычъ обомлѣлъ и ухватился за гриву. Конь замахалъ хвостомъ, подпрыгнулъ раза два и, забирая карьеру, понесся во весь духъ. Ничто не помогало,—ни пинки, ни угрозы! Панычъ болтался почти на шеѣ коня и въ ужасѣ видѣлъ, какъ мелькали мимо него кусты и деревья. Ничто не помогало! И вотъ, видитъ панычъ, конь летитъ уже не прямо, а влѣво, по дорожкѣ на село, гдѣ проживала знакомая ему панни, задорная и суровая панни, съ цѣлою кучей сыновъ и дочекъ. Что за сцена ожидала его, что за сцена! Вотъ, конь вбѣгаетъ на широкій дворъ, индѣйки кавкаютъ и пѣтухи кричатъ, все это привѣтствуетъ его, дѣти съ шумомъ окружаютъ коня и кричатъ: „А отчего это, дядя, ты держишься за гриву, и картузъ у тебя, дядя, съѣхалъ на затылокъ?“

И всѣ окна домика разомъ отворяются, и во всѣхъ окнахъ домика разомъ появляются насмѣшливыя лица барышень. О, ужасъ! ужасъ! Спасите, спасите его! И спасеніе приходитъ,—приходитъ совершенно неожиданно. Не успѣлъ панычъ и опомниться, какъ злобный звѣрь, летя черезъ поляну ржи, сдѣлалъ какой-то особенно отчаянный скачокъ, и панычъ стремглавъ полетѣлъ въ колосья ржи. Оправившись отъ паденія, панычъ взглянулъ вдаль дороги; конь летѣлъ по отдаленному косогору, преслѣдуемый стаей пастушьихъ собакъ, и вѣтеръ игралъ его хвостомъ и гривою. „Ну, теперь ужъ сосѣдъ пусть не прогнѣвается!“—сказалъ панычъ, отирая землю съ колѣнъ и рукавовъ:—„а я, должно быть, ужъ не попаду къ нему теперь!“ Сказалъ это панычъ и сѣлъ отдохнуть на курганѣ. Вдали, спускаясь къ лѣсистой балкѣ, раздался скрипъ колесъ, и тяжелый слобожанскій возъ показался на дорогѣ.

— Гдѣ тутъ проѣхать на Цереборисово, на Поплеванковскую пустынь? — спросилъ панычъ, сидя на курганѣ, когда возъ съ широкоплечимъ батракомъ поравнялся съ нимъ.

— Не скажу!—замѣтилъ батракъ, лежа на животѣ на кучѣ мѣшковъ.

— Какъ не скажешь? Я тебя спрашиваю, какъ тутъ проѣхать на Цереборисово?

— Не скажу! — снова замѣтилъ батракъ... Панычъ смѣрялъ его глазами.

— Отчего же ты не скажешь? — спросилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Не скажу!—замѣтилъ, зѣвая, батракъ и, не измѣняя своего положенія, отъѣхалъ далѣе.

Не долго ждалъ опять панычъ. Вдали, подъ осиновымъ лѣскомъ поднялось облако пыли, и къ кургану подъѣхалъ новенькій тарантасикъ, запряженный четвернею бурыхъ въ мылѣ коней. Изъ тарантасика выглянулъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, какъ говорится, узнавшій-таки на своемъ вѣку, что такое порохъ и что такое бури, въ голубой венгеркѣ, алой ермолкѣ и съ витою трубкою въ зубахъ.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? — спросилъ господинъ, кланяясь изъ тарантасика, когда кучеръ сдержалъ лошадей противъ кургана.

Панычъ также приподнялъ картузъ и отвѣтилъ: „Владиміръ Авдѣеичъ Торба!“

— Не знаю!—замѣтилъ господинъ изъ тарантасика и сталъ набивать трубку. Затянувшись и пустивъ облака дыму, онъ вновь обратился къ панычу:

— А вы не курите?

— Нѣтъ.

— Напрасно! это очень хорошо и здорово въ дорогѣ!

— Позвольте узнать, — спросилъ панычъ въ свой чередъ:—гдѣ тутъ проѣхать на Цереборисово?

— А развѣ вы туда ѣдете? — спросилъ проѣзжій, раскуривая трубку и наматывая завязку на кисетъ.

— Туда...

— Вѣрно покупать что-нибудь?

— Нѣтъ, въ гости къ одному помѣщику.

— А кто тамъ такой живетъ?

— Одинъ знакомый помѣщикъ, около Поплеванковской пустоши.

— Старикъ помѣщикъ? — спросилъ, усаживаясь въ тарантасикѣ, проѣзжій.

— Нѣтъ, не старикъ, а такъ — будетъ среднихъ лѣтъ.

— Жаль... Вы меня простите, только я не знаю этого помѣщика; а если хотите заѣхать къ Тавифѣ Павловнѣ, къ Перепелкиной—Тавифѣ Павловнѣ, такъ она тутъ недалеко и живетъ, и я укажу дорогу.

Панычъ отказался отъ удовольствія заѣхать къ Перепелкиной Тавифѣ Павловнѣ, и тарантасикъ, тронувшись съ мѣста, закурилъ снова пылью и скрылся изъ виду.

— „Этакой народъ, — замѣтилъ панычъ: — спрашиваешь грабли, а онъ тебѣ тычетъ куму!“ — и прибавилъ печально: „вѣдь этакъ, пожалуй, и заночуешь въ полѣ!“ Подумалъ это панычъ и хотѣлъ идти, какъ изъ золотоусой, головатой пшеницы поднялся передъ нимъ, очевидно спавшій до того времени, незнакомецъ, въ отставномъ полувоенномъ сюртукѣ, низенькій, круглый и вообще похожій на боченокъ на двухъ наперсткахъ, господинъ съ такимъ веселымъ и добрымъ лицомъ, съ такими сладкими, заплывшими глазками и мѣдноцвѣтнымъ носомъ, что когда ставши передъ панычемъ, онъ произнесъ: „Желаю здравствовать!“—панычъ пожелалъ ему того же и, почувствовавъ къ нему сразу влеченіе, спросилъ, кого онъ имѣетъ счастіе видѣть въ такой пустынѣ.

— Ну, душка, — отвѣтилъ, переваливаясь, боченокъ:—тутъ еще нѣтъ большаго счастья—видѣть меня въ пустынѣ! А скажу вамъ прямо, что я отставной брантмейстеръ Кирикъ Андреичъ Дуля.. Произнеся послѣднія слова, шутникъ-боченокъ улыбнулся и сдѣлалъ рукою то, что сказалъ. Панычъ не могъ также не улыбнуться и еще болѣе почувствовалъ къ нему влеченія.

— Что же вы смотрите?—спросилъ кубарь:—кругловатъ? А это, душенька, очень хорошо на старости; я же надѣюсь, что вы не откажете завернуть ко мнѣ на хуторъ и выпить рюмочку. — Панычъ сказалъ, что рюмочку онъ рѣдко пьетъ, но зайти на хуторъ зайдетъ, потому что страшно усталъ.

— Петръ Петровичъ?—спросилъ дорогою брантмейстеръ.

— Владиміръ Авдѣичъ!—отвѣтилъ панычъ.

— Очень радъ, Владиміръ Авдѣичъ,—замѣтилъ кубарь, переваливаясь:—очень радъ познакомиться съ такимъ пріятнымъ человѣкомъ!—и прибавилъ:—А не былъ-ли у васъ дяденька или дѣденька въ пожарной командѣ въ Харьковѣ?

Панычъ отвѣтилъ, что ни дяденьки, ни дѣденьки у него не было въ пожарной командѣ въ Харьковѣ, а былъ одинъ сосѣдъ, еще кривой на лѣвый глазъ, если онъ помнитъ такого сосѣда.

— Хухра!.. Хухра!—подхватилъ толстякъ и покатился со смѣху, производя его тоненькимъ, дребезжащимъ голосомъ:—мы его однажды еще высѣкли на именинахъ.—И кубарь хохоталъ до тѣхъ поръ, пока съ гостемъ втащился на небольшой лѣсистый пригорокъ.

— А гдѣ же вашъ хуторокъ?—спросилъ панычъ.

— Да вотъ онъ, его отсюда только не видно, а его можно просто рукою отсюда достать,—отвѣтилъ Дуля.

— А какъ называется вашъ хуторокъ?

— Кухня!

— Отчего кухня?

— А вотъ, видите-ли, отчего кухня, — произнесъ, лукаво улыбаясь, толстякъ:—проживалъ я, скажу вамъ,

у одного богатаго помѣщика-магната на полную губу-съ и строилъ ему кухню,—съ разными удобствами и крытыми ходами, и духовыми печами, и всякими затѣями строилъ; ну, и попользовался, знаете (кубарь при этомъ потупился), потому что и при постройкѣ кухни можно такъ повести дѣло, что легко и даже очень выгодно попользоваться; ну, я такимъ образомъ и пріобрѣлъ потомъ хуторокъ и назвалъ его въ воспоминаніе кухнею. И вотъ вамъ — и кухня моя! — произнесъ толстякъ, останавливаясь на пригоркѣ и указывая рукою на хуторокъ... Хуторокъ предсталъ глазамъ озадаченнаго паныча. „Вотъ,—подумалъ Торба, разглядывая выступившій хуторокъ:—этотъ господинъ, кажется, совсѣмъ не церемонится!“ И точно, онъ впослѣдствіи убѣдился, что Дуля совсѣмъ не церемонится. Хуторокъ выглянулъ изъ-за двухъ мельницъ, которыя взбрасывали на воздухъ крылья, точно кого-нибудь звали и тщетно размахивали руками. Дуля и Торба стали спускаться съ пригорка къ хуторянскому маленькому домику, и панычъ невольно останавливался при видѣ этого тихаго, маленькаго домика. Домикъ брантмейстера, съ камышевою крышею, подъ сѣнью столѣтнихъ ракитъ и буковъ, напоминалъ собою гнѣздо малиновки, въ расщелинѣ дупла громаднаго дерева, между колеблемыхъ вѣтромъ, стрѣльчатыхъ травъ и широкихъ порослей: тоненькія вѣточки маленькаго гнѣздышка переплетены жилками корней, внутренность его чисто-на-чисто выглажена и устлана пухомъ, и лучъ солнца, пробиваясь сквозь листья травъ и лопуховъ, нависшихъ надъ гнѣздомъ, колеблетъ въ своей полосѣ золотыя блестки мошекъ и цвѣточной пыли, колеблетъ и обливаетъ золотомъ пару маленькихъ пестрыхъ яичекъ

гнѣздышка. Таковъ былъ хуторянскій домикъ.—Дуля и панычъ вступили во дворъ.—„Я уже пообѣдалъ и выспался,—замѣтилъ хозяинъ: — а дворня моя еще и до сихъ поръ спитъ!“ Это, впрочемъ, Дуля говорилъ напрасно: гость и безъ его словъ это уже зналъ. Изъ крапивы подъ погребомъ, чрезъ весь дворъ неслись присвистыванія въ носъ, сѣнникъ оглашался рѣзкимъ басомъ; изъ каретнаго сарая летѣлъ дребезжащій храпъ, и повидимому храпъ не въ одинъ голосъ, а въ два, точно два человѣка условились и исполняли вмѣстѣ дуо.—„Ну, теперь мы отдохнемъ, закусимъ и освѣжимся наливочкой!“—сказалъ хозяинъ, ступая черезъ порогъ домика въ сѣни, усыпанныя зеленою травою. Новые знакомцы, распорядившись закускою, отправились въ садъ, подъ кудрявую, столѣтнюю грушу и улеглись среди пироговъ и бутылокъ съ наливками, на коврикѣ, передъ панорамою степей, луговъ и извивовъ Донца.

Панычъ сталъ излагать хозяину исторію своего приключенія съ бричкой. — Но скажемъ прежде, кто такой былъ хозяинъ и кто такой былъ его гость. — Хозяинъ, какъ уже извѣстно, отставной брантмейстеръ Дуля, нѣкогда построившій очень выгодно у одного помѣщика кухню, былъ изъ породы степняковъ, — нѣсколько скупыхъ и въ то же время падкихъ на сластолюбіе, упрямыхъ и неподвижныхъ, лѣнивыхъ и въ то же время готовыхъ ежеминутно хохотать и веселиться, лѣнивыхъ до-нельзя и готовыхъ въ то же время надуть всякаго встрѣчнаго и поперечнаго,—и считался въ околоткѣ умнѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ. Пухленькія ручки его не сходились на животѣ, а широкій затылокъ и гусиные, чуть видные глазки изобли-

чали особу, для которой покой былъ дороже всякой золотой сумятицы. Еще въ отрочествѣ, когда въ приходской школѣ рыжій дьякъ сѣкъ его безъ милосердія каждую субботу, и ходилъ онъ съ толпою школяровъ пѣть пѣсни пищуновъ и собирать подъ окнами пироги и колбасы, онъ рѣшилъ, что возиться со службою, требующею движенія и трудовъ — то же, что изъ топора борщъ варить, пріискалъ гдѣ-то, въ далекой крѣпости за Кубанью, мѣстечко эконома и сталъ поживать припѣваючи. Молодость иногда брала свое, и однажды разсчетлый кулакъ-тихоня, какъ его звали товарищи, чуть не женился. Случилось это бурное событіе въ жизни Дули такъ. Жилъ онъ, какъ сказано, въ закубанской крѣпости экономомъ, и жилъ въ ней безъ малаго восемь лѣтъ. А въ крѣпости не было ни одной женщины, обыватели сами и рубахи мыли, и карпетки штопали, и доили коровъ. Новый Робинзонъ Крузе въ военные, тревожные дни еще не замѣчалъ своего одиночества; но въ мирное время сердце искало сердца, молодость стремилась къ молодости, и приходилось новому Робинзону Крузе такъ жутко, что хоть въ воду! Ходитъ, бывало, по крѣпостному валу, голова въ туманѣ, глаза въ туманѣ, вернется домой, возьметъ письмо, которое за часъ передъ тѣмъ написалъ къ сослуживцу за горы, и остолбенѣетъ: точно не онъ писалъ, ничего не помнитъ! Бывало, тоже, сидитъ у окна и смотритъ: вотъ, подходитъ вахмистръ. — „Смотръ,—говоритъ,—комендантскій, и васъ велѣно тоже звать!“ Одѣвается Дуля наскоро, шпаженку пристегиваетъ къ боку, бѣжитъ на площадь, а жара такая, что подошвы горятъ. Что-жъ? на площади—ни души. Онъ къ вахмистру: „Ты звалъ меня?“ —

Нѣтъ,—говоритъ,—и не думалъ; это вѣрно вамъ представилось такъ!—И сталъ Дуля такія чудеса отпускать, что начальство только плечами пожимало; подумало начальство и намекнуло стороной, что не мѣшало бы Дулѣ другаго гдѣ мѣста пріискать! Закручинился Дуля еще пуще прежняго. Сидитъ однажды, по своему обычаю, подъ окномъ, такой скучный, и трубку куритъ; входитъ поручикъ и рекомендуетъ ему молодаго раненаго корнетика, только-что прибывшаго изъ Анапы. „Вотъ, — говоритъ,—къ вамъ присланъ на постой!“ Поселился корнетикъ у Дули, и стали новые знакомцы жить, да поживать. Корнетикъ оказался музыкантомъ и Дулю выучилъ тоже на скрипкѣ играть. И такъ они жили долго, пока постоялецъ не проговорился, что въ Анапѣ съ одною дамою былъ знакомъ, что дама эта тоже музыкантша, и сталъ корнетикъ говорить, что милая дама и такая-то, и этакая, и густоволосая, и полновидная, и ручки пухленькія, и губы алыя, и что богата она и недавно овдовѣла. Раззадорился Дуля, кровь въ одиночествѣ закипѣла. „Напишите, да и напишите,—говоритъ,—обо мнѣ къ этой дамѣ!“ Корнетикъ расхохотался. „Какое у васъ смѣшное лицо,—говоритъ,—стало! а впрочемъ,—говоритъ,—извольте, напишу!“ Сказалъ и написалъ.—Дама изъ Анапы, черезъ мѣсяцъ, и отвѣтъ прислала: „Я молъ, говоритъ, тоже не прочь и очень рада!“—Кирикъ Андреичъ какъ прочелъ письмо, сталъ бѣлѣе мѣлу, ходилъ-ходилъ по комнатѣ, тайно выхлопоталъ у коменданта отпускъ, осѣдлалъ костляваго драбанта, взялъ у солдата пику и ружье, взялъ у кого-то старенькій чемоданчикъ и поѣхалъ, въ видѣ Донъ-Кихота, какъ самъ послѣ разсказывалъ, прямо въ Анапу.

Пріѣзжаетъ, отыскалъ домъ вдовы, домъ ветхенькій, старенькій, съ обвалившеюся трубою, и дѣвка на крыльцѣ бѣлье мыла; велѣлъ доложить, что такой-то, извѣстный уже Дуля пріѣхалъ. Черезъ полчаса зовутъ въ гостиную, Выходитъ дамочка, въ видѣ свѣжепросольнаго огурчика, полненькая и точно съ алыми губками. Дуля къ ручкѣ, а она его въ щеку поцѣловала и проситъ садиться. Вотъ, слово за слово, онъ объясненіе, та говоритъ: „Что-же, хорошо, только родныхъ надо повѣстить!“ И дѣло пошло съ разу на ладъ. Дуля фертикомъ подъѣхалъ на счетъ красоты, вечеромъ пуншику съ ромомъ попросилъ, за пуншикомъ попросилъ настоечки и селедочки—и пошелъ куролесить. „Ахъ, душечка,—говоритъ,—позвольте уже и въ губки поцѣловать!“ Такимъ образомъ дня три онъ куролесилъ-куролесилъ, къ невѣстѣ ужъ и на домъ переѣхалъ, и въ халатѣ сталъ ходить, да вдругъ и одумался. „Эге-ге!—говоритъ,—шалишь, за двѣ-то мельницы, да за домъ старенькій, нечего губить себя!“ Подумалъ-подумалъ, выбралъ опять темную ночь, сѣлъ на своего драбанта, взялъ пику и чемоданчикъ, да и поѣхалъ опять въ видѣ Донъ-Кихота, тайно отъ вдовы, въ крѣпость. И такъ онъ и избавился,—сколько потомъ вдова ни писала къ нему, даже въ стихахъ, и даже уже тогда, какъ Кирикъ Андреичъ женился на Улитѣ Романовнѣ, дочери помѣщика, по сосѣдству Харькова. Женился же онъ на Улитѣ Романовнѣ, теперь уже покойницѣ, тоже любопытнымъ образомъ. Пустилъ тестю пыль въ глаза тѣмъ, что у него гдѣ-то есть богатая тетка, тетка Марфа Николаевна Иванова, пріѣхалъ свататься въ чужомъ новомъ мундирѣ, на чужой тройкѣ и даже съ чужимъ ла-

кеемъ. Обманъ открылся на другой же день послѣ свадьбы, когда лакей пришелъ къ нему и потребовалъ назадъ барское имущество; но Дуля уже былъ женатъ и торжествовалъ. Съ той поры, до ловкаго пріобрѣтенія Кухни, у брантмейстера постоянно былъ и сытный обѣдъ, и чистая рубашечка, и теплая шинелька, и на зиму теплые на волкѣ сапожки, и хотя плохенькая, а все-таки была и таратаечка съ четвернею приземистыхъ лошадокъ. Пріобрѣтеніе Кухни положило полное окончаніе еще недавнему странствію желудка и чемодана Дули по знакомымъ, и онъ предался любимому постоянному занятію своему, именно—лежанію въ полѣ, въ пшеницѣ, или въ саду, на коврикѣ, подъ грушей; и сталъ попивать Дуля наливочки да водяночки, которыя не переводились въ его погребахъ, и такъ было весело ему, что и сказать нельзя! Таковъ былъ толстенькій обладатель хутора Кухни.—Теперь его гость...

Гость обладателя хутора Кухни, Владиміръ Авдѣичъ Торба, былъ сынъ зажиточнаго слобожанскаго помѣщика, за годъ передъ тѣмъ отошедшаго къ дѣдамъ отъ неумѣреннаго употребленія маринованныхъ въ уксусѣ перепеловъ. Сынъ былъ вызванъ изъ городка, гдѣ служилъ по желанію отца писцомъ въ судѣ, писалъ и отписывался, ѣздилъ въ городъ, ѣздилъ изъ города, возилъ гостинцы Петру Семенычу, возилъ гостинцы Семену Петровичу и былъ, наконецъ введенъ во владѣніе нѣсколькими стами душъ и нѣсколькими тысячами десятинъ земли. Родныхъ у молодаго Торбы почти не было, и потому, внявъ совѣту одного изъ сосѣдей, франта и нѣкогда столичнаго жителя, онъ собралъ, что успѣлъ, денегъ и рѣшился ѣхать въ Петербургъ на службу. Де-

ревни своей, родимой деревни Упоиловки, онъ почти не зналъ, деревенская скука въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣла овладѣть имъ, и, недолго думая, промѣнялъ ее Торба на зовущую, далекую, чудную даль. И какъ было не ѣхать Торбѣ изъ степей въ столицу! Денегъ теперь предстояло ему вдоволь, сосѣди и сосѣдки наперерывъ завидовали ему и говорили: „Ахъ, Владиміръ Авдѣичъ! Вотъ теперь-то вы поѣдете въ Петербургъ! Вотъ теперь-то вы заживете!“ А пальцы уже успѣли забрызгаться чернилами въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Да и друга не припасъ себѣ Торба въ родимой школѣ, молодаго сосѣда друга съ тройкою чертей, а не коней, съ тройкою въ наметахъ и бубенахъ; друга разбитнаго, съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и хобромъ домашнихъ пѣсенниковъ; друга, который бы его подмигнулъ на какую-нибудь чернобровую Катрю или русокосую Мотрю, угостилъ бы его травлею съ ауканьемъ и попойкою подъ курганомъ въ сѣренькую осень и сказалъ бы: „Эхъ, душа моя, Володя, оставайся, душа, въ Упоиловкѣ, и доживемъ мы съ тобой весело до сѣдыхъ волосъ и до веселой тихой старости!“ Не припасъ себѣ такого друга въ школѣ Торба, потому что не могъ припасти въ школѣ никакого друга. Въ школѣ Володю занимали другіе интересы и другія цѣли. Былъ въ школѣ мальчикъ Володя лучшимъ изъ всѣхъ лучшихъ мальчиковъ и по поведенію, и по ученію. Не зналъ въ школѣ хорошенькій мальчикъ Володя ни рѣзвыхъ игръ, ни затѣй, ни трескучей перепалки на морозѣ мячами и кулаками, ни келейнаго куренія трубки въ печку, ни невыучиванія всѣмъ классомъ уроковъ изъ скучной математики. Вышелъ Торба изъ школы съ похвальнымъ ли-

стомъ, вышелъ первымъ и заслужилъ отъ старика-отца, носившаго усы по грудь, въ награду старый бешметъ на зайцахъ и штуценрейтерское ружье; и одно только горе было Торбѣ, что никто на прощаньи изъ лѣнтяевъ-товарищей, какъ нарочно, не кинулся къ нему на шею, не обнялъ его жаркими юношескими объятіями и не сказалъ ему: „Ну, Торба, чтобъ меня взяли сто чертей, если ты не славный малый и если я тебя когда-нибудь забуду!“ Всѣ чинно простились съ Торбою и разъѣхались... Отчужденность Торбы замѣчена была еще и на послѣднемъ урокѣ учителя русской словесности. Этотъ учитель, страстный и пылкій труженикъ науки, всегда курившій отличныя сигары, всегда чисто, со вкусомъ и даже нѣсколько франтовски одѣтый, завитой и раздушенный, вслѣдствіе чего его особенно любили во всѣхъ женскихъ школахъ, гдѣ онъ преподавалъ,—передъ выпускомъ, на прощальной лекціи, собравъ свои тетрадки, сошелъ съ каѳедры и шутя сталъ предсказывать питомцамъ каждому подходящее будущее. Одному, на вопросъ: „Нѳронъ Петровичъ, а я чѣмъ буду?“ говоритъ: „ты, братъ, Ѳедоръ Никандрычъ, будешь чиновникомъ!“ Другому, на тотъ же вопросъ, отвѣчалъ: „Ты, Ваня, гусаръ!“ Третьему: „Ты — бандуристъ, не измельчайся только, а ты будешь молодецъ!“—„А я что буду?—спросилъ съ первой лавки, забытый на прощальной перекличкѣ, Торба.—„Ты?“—произнесъ неожиданно впавшій изъ веселаго, безпечнаго въ грустный и суровый тонъ, учитель: „ты будешь...“—прибавилъ онъ и губы его задрожали:—„ты будешь... эхъ, жаль мнѣ тебя, Володя, мало тебя сѣкли, и не хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты былъ тѣмъ, чѣмъ ты будешь непремѣнно!..“ Учитель

не кончилъ, и классъ въ безмолвіи разошелся отъ прогремѣвшаго въ корридорѣ звонка. Что такое хотѣлъ сказать учитель, никто не зналъ. Но послѣдствія оправдали слова его для одного Торбы, и Торба не разъ, вспоминая прошлые дни, качалъ головою и жалѣлъ, что его мало сѣкли. Въ судѣ товарищи-сослуживцы, чернильные бѣдняки, сморкавшіеся въ руку, но тѣмъ не менѣе зараженные сатирическими наклонностями, прозвали его кислятиной; и точно: и его улыбка при чьемъ-нибудь нѣсколько свободномъ выраженіи была тѣмъ, что говорили сослуживцы, и его деликатно протянутые при встрѣчѣ со знакомымъ два пальца руки, никогда не пожимавшей дружескимъ, мужественнымъ пожатіемъ, были тѣмъ же самымъ, и сюртукъ его, и картузъ, и всѣ слова его осторожной рѣчи были тѣмъ же, что говорили сослуживцы... И опредѣлился ясно въ представленіи всѣхъ богатый наслѣдникъ Торба, за которымъ, какъ говорится, не водилось ни сучка, ни задоринки, кромѣ одного, впрочемъ, счастливаго волокитства гдѣ-то въ домикѣ бѣдной вдовы-торговки, и всѣ говорили о панычѣ Торбѣ: „Вѣдь вотъ—хорошій, кажется, человѣкъ, и тихій, и добрый, и сплетней не переноситъ; а вѣдь порядочная, однако-же, кислятина!“ Послѣднее имя, наконецъ, пришло на умъ и толстенькому Дулѣ, когда онъ, переваливаясь боченочкомъ на двухъ наперсткахъ, пришелъ въ садъ и улегся съ нимъ на коврикъ подъ грушей... День сталъ прохладнѣе. Гость подкрѣпился пирогомъ съ яблоками и добрымъ корцемъ наливки. Окинувъ глазами панораму сада и окрестностей, открывшихся съ пригорка въ легкомъ туманѣ подступавшаго вечера, онъ не раскаялся, что завернулъ на хуторокъ Дули. И точно,

*

видъ невольно бросался въ глаза. Садъ былъ вторично въ цвѣту въ одно лѣто. Почти всѣ деревья и кусты его бѣлѣли, осыпанные медвяными лепестками, точно столбы молочной пѣны били изъ зелени травъ, а пчелы и мохнатые шмели то и дѣло сновали и роились надъ ними. По длинному стволу репейника, который, какъ косарь въ алой шапкѣ, стоялъ и покачивался отъ вѣтра, вился и бѣгалъ чубатый удо́дъ и сверкалъ, и отливался золотомъ, какъ перебрасываемый на солнцѣ клочекъ двухцвѣтнаго, металлическаго бархата, и было кругомъ то знакомое слобожанамъ благоуханье травъ и цвѣтовъ, въ которое сто́итъ только опуститься—и въ мигъ уже весь пропитаешься тонкою, опьяняющею степною амброю, пропитается и шапка, и руки, и волосы, и все платье...

— Славная сливяночка, очень хорошая сливяночка, Кирикъ Андреичъ!—говорилъ Торба, почмакивая губами и потягивая изъ корчика.

— Пейте сливяночку, Владиміръ Авдѣичъ! пейте!—говорилъ Дуля, тоже почмакивая и потягивая изъ корчика:—она очень хорошая сливяночка, и вашъ папенька, кажется, ее очень любилъ.

— А вы ее только и пьете, Кирикъ Андреичъ?—спрашивалъ Торба, почмакивая и прислушиваясь, точно вкусъ его производилъ звуки.

— Нѣтъ, душечка, я не ее только пью!—отвѣчалъ съ улыбкою Дуля:—я и другое пью, только не такъ пью другое.

— А какъ же вы пьете другое, Кирикъ Андреичъ?—спрашивалъ Торба, не выпуская бутыли.

— Вотъ какъ пью, Владиміръ Авдѣичъ!—отвѣчалъ Дуля, приподнимаясь на коврикъ: — терновочку я пью

по утрамъ, чуть-чуть заря, и пью въ сухомятку, такъ, чтобы росинки до той поры не побывало во рту. Послѣ чаю клубниковку, и пью клубниковку съ пыжами, какъ заряжаютъ ружье: выпью рюмочку и заѣмъ коржемъ, выпью рюмочку и заѣмъ коржемъ. А уже передъ обѣдомъ я иду въ комору, а комора моя подъ замкомъ, и тамъ у меня есть одна настоечка на кишницѣ, гвоздичкѣ, полыни и перчикѣ; эту настоечку я зову красными угольками и запираюсь, когда пью, потому что (такъ говоритъ и нашъ отецъ Никита, если знаете) когда ее выпьешь, все равно, точно проглотилъ кошку и потомъ сталъ тянуть ее назадъ за хвостъ. Впрочемъ,— заключилъ Дуля:—человѣкъ не звѣрь и больше ведра не выпьетъ.—Торба нѣсколько усумнился въ томъ, что человѣкъ не звѣрь и больше ведра не выпьетъ,—потому что Дуля очень скоро очистилъ такую пузатую сулею сливянки, что мало чѣмъ не превзошелъ ведра. Толстякъ распоясался и опустился опять на коврикъ.

— А вы, маточка,—сказалъ онъ гостю:—распоясьтесь тоже и полежите тутъ, или въ травѣ гдѣ-нибудь! Когда же не хотите, такъ ступайте на рѣчку; тамъ дѣвки полотна моютъ,—и вы послушаете пѣсенъ! Что? не хотите? Ну, какъ хотите! Да вы постойте, откуда вы теперь? — спросилъ, уже зѣвая, растянувшійся толстякъ:—я и забылъ васъ спросить! — Торба удовлетворилъ любопытство хозяина.

— Ну, конечно, душечка, ничего! — замѣтилъ толстякъ, переворачиваясь пузыремъ съ боку на бокъ: — я вамъ дамъ лошадокъ до станціи, а теперь погуляйте по саду, тамъ и баба моя гуляетъ.

Съ этими словами Дуля заснулъ, какъ убитый, а

Торба всталъ, оправился, поглядѣлъ съ пригорка и пошелъ по первой попавшейся дорожкѣ сада — смотрѣть, какая это баба гуляетъ.

Торба спускался къ концу сада, какъ изъ-за плетня, приподнявшись на перелазѣ съ корзиною сливъ на головѣ, выступила передъ нимъ красавица-дѣвушка. Изъза плетня неслись пѣсни, какъ бы тамъ ходилъ хороводъ. Красавица-дѣвушка, остановившись на ступенькѣ перелаза за оградой, освѣщенная розовымъ отблескомъ угасающаго вечера, точно внезапно зажглась вся, вмѣстѣ съ небомъ, на которомъ рѣзко отдѣлился ея граціозный очеркъ; точно зажглись и ея обнаженная ручка, и носикъ съ пережабинкой, и алый спенсеръ, обхватывающій полную грудь, и фіолетовыя сливы на головѣ, которыя вдругъ покачнулись и брызнули дождемъ на алый спенсеръ, полную грудь и мшистый заборъ сада. Торба стоялъ между тѣмъ въ смущеньи и припоминая что-то далекое, далекое, сладко-обаятельное, и вдругъ вскрикнулъ, бросившись къ забору: „Груша! Грушенька! вы-ли это?“ Пылающій въ воздухѣ очеркъ красавицы-дѣвушки былъ неподвиженъ и смотрѣлъ сверху, въ то время, какъ улыбка уже пробѣгала по его лицу. Красавица, наконецъ, также радостно вскрикнула: „Володя!“—хотѣла переступить черезъ плетень и не переступила. Не Володя, Владиміръ Авдѣичъ, и не Груша, Аграфена Кировна, стояли теперь другъ передъ другомъ! И не дѣти, не далекія маленькія дѣти въ тихомъ далекомъ городкѣ, въ шумной школѣ — были они, а помѣщикъ Торба и панночка Дуля, владѣтель богатой слободы Упоиловки и хуторянка, наслѣдница маленькаго хутора Кухни! И помѣщикъ, и панночка не имѣли

силъ ступить другъ къ другу; и помѣщикъ, и панночка стояли и смотрѣли, — смотрѣли, точно съ порога далекаго, невозвратнаго времени, точно боясь за ступеньками перелаза встрѣтиться и не узнать другъ друга. Пѣсни за плетнемъ грянули сильнѣе, пѣсни огласили окрестность, и красавица-дѣвушка первая очнулась. Она медленно переступила черезъ плетень и подошла къ гостю... — „Володя, Володечка!“ — сказала она съ замирающимъ отъ радости сердцемъ, въ то время, какъ улыбка все еще трепетала на ея устахъ: — „какъ это вы очутились у насъ, въ нашемъ саду?“ Торба разсказалъ наскоро обо всемъ, случившемся послѣ разлуки съ Грушенькой, воспитывавшейся съ нимъ вмѣстѣ, въ семьѣ содержателя школы, друга ея матери. Волненіе мало-по-малу прошло въ слушательницѣ, она поставила корзину на землю, оправила на густой пепельной косѣ, положенной широкимъ вѣнцомъ надъ головою, другой вѣнецъ изъ ярко-голубыхъ свѣжихъ васильковъ, сѣла съ гостемъ на лавку и, сложа руки на-крестъ на колѣняхъ, стала опять улыбаться и слушать. И опять раздались и понеслись за плетнемъ громкія хуторянскія пѣсни...

— А помните-ли, Грушенька, — началъ Торба: — помните-ли вы, какъ мы учились? — И онъ остановился.

— О! помню, помню! — подхватила весело красавица-дѣвушка: — я такъ рада, такъ рада вамъ, что не хотѣла бы опять разставаться съ вами!

— Бѣда наша! — замѣтилъ печально Торба: — таковъ удѣлъ мужчины — вѣчно отрываться отъ родимой почвы, вѣчно блуждать и странствовать!

— О! — подхватила Грушенька: — на мѣстѣ мужчинъ

я просто бросила бы все, стала бы жить вотъ такъ, какъ теперь живу.

— А слышали-ли вы что нибудь, Грушенька, о долгѣ обществу, о трудахъ на пользу свѣта? Если не слышали, такъ я вамъ скажу, что какъ бы ни хотѣлось мнѣ теперь жить вблизи знакомыхъ мѣстъ, вблизи васъ, я не могу отстать отъ жизни сверстниковъ. — Таковъ удѣлъ мужчины! Да, что вы думаете, наконецъ, Аграфена Кировна, — спросилъ Торба уже нѣсколько суровѣе: — если я наслѣдовалъ теперь богатое имѣніе, гдѣ старѣлись отцы и дѣды мои, такъ сейчасъ и втесать себя въ сѣятеля пшеницы и разводителя пеньки и мериносовъ?

Грушенька слушала молча, сложа руки на-крестъ и все такъ-же освѣщенная отблескомъ зари, освѣщенная вся, съ своимъ алымъ спенсеромъ, ярко-голубымъ васильковымъ вѣнкомъ и густою пепельною косою, оплетенною вокругъ головы.

— Нѣтъ! — сказала она, когда, Торба кончилъ: — я одно все-таки твержу: бросила бы я все на мѣстѣ мужчинъ — и заботы о свѣтѣ, и вѣсъ въ обществѣ, и стала бы жить въ деревнѣ, особенно въ нашей деревнѣ, Владиміръ Авдѣичъ, съ лѣсами и озерами, въ деревнѣ, о которой такъ заботился при жизни вашъ папенька и о которой вы сами когда-то такъ много разсказывали...

— Да какъ же, — подхватилъ тономъ разсудительнаго человѣка Торба: — да вѣдь послѣдній бѣднякъ, сосѣдъ мой, былъ въ свѣтѣ и видѣлъ свѣтъ. Вѣдь этакъ сразу и назовутъ меня грѣчкосѣемъ!

— Не назовутъ грѣчкосѣемъ, Владиміръ Авдѣичъ, не назовутъ, клянусь вамъ! — произнесла, строго и какъ

бы взвѣшивая каждое слово, дѣвушка:—они вдали родины и были потому, что бѣдняки, и потому, что бѣднякамъ нужно служить вдали и честно снискивать себѣ пропитаніе. Вы же богаты, вы же чиновникомъ не съумѣете быть, и хочется вамъ видѣть театры, гулянья, балы, а не служить обществу! Вотъ (кстати, что мы встрѣтились съ вами) я слѣдила постоянно за каждымъ вашимъ шагомъ по выходѣ изъ школы, и помяните мои слова,—завертитъ васъ эта жизнь, Владиміръ Авдѣичъ, и сами вы потомъ себя не узнаете!..

Владиміръ Авдѣичъ въ изумленіи слушалъ и недоумѣвалъ, какъ это можетъ такъ разсуждать простушка-дѣвушка, взросшая на хуторѣ Кухнѣ, и еще болѣе недоумѣвалъ, какъ это завертитъ его новая жизнь и онъ самъ потомъ себя не узнаетъ...

— Откуда вы всего этого наслышались? — спросилъ онъ, не выдержавъ, и даже нѣсколько неделикатно.

— О! отъ многихъ наслышалась! — отвѣтила Грушенька съ улыбкой и продолжала, не обращая вниманія на его изумленіе:—помните-ли вы наше школьное время, нашихъ мальчиковъ и дѣвочекъ; помните-ли вы, какъ мы строили планы о будущемъ? Вы... я вамъ напомню,— и это меня постоянно потомъ интересовало, — вы хотѣли, выйдя изъ училища, поселиться въ деревнѣ, оживить въ своемъ быту старинные дѣдовскіе обычаи, воскресить въ своемъ дому прошедшіе золотые нравы старины, старинныя убранства и столъ, прислугу и тихую, старую жизнь, и помните-ли, какъ вы жадно читали тогда каждую строчку, каждую замѣтку объ этой старинѣ?

Дѣвушка замолчала. Слушатель ея тоже молчалъ.

— Ай, ай, ай, Владиміръ Авдѣичъ! Такъ скоро измѣниться! Ну, не грѣшно-ли вамъ? Ну, на что вамъ другая жизнь?

— Вотъ, видите-ли,—началъ Торба, едва различая въ сумеркахъ лицо Грушеньки:—вотъ, вы только поймите меня, я вѣдь только говорю на первое время, а потомъ я пріѣду и точно заведу въ домѣ обычаи предковъ, старинныя убранства, столъ, прислугу и тихую, старую жизнь.

Грушенька помолчала и ласково улыбнулась.

— Нѣтъ, Владиміръ Авдѣичъ, нѣтъ! не обманывайте себя! Не уважаете вы, я вижу, быта старыхъ нашихъ помѣщиковъ, мирныхъ нашихъ хозяевъ, веселыхъ сосѣдей и помощниковъ въ каждомъ добромъ дѣлѣ роднаго околотка, и не быть вамъ среди насъ добрымъ, величественнымъ магнатомъ, которымъ назначили вамъ быть судьба и происхожденіе ваше и у котораго бы, какъ говоритъ одна книга, было бы все наше добро и всѣ наши сердца! Нѣтъ, Владиміръ Авдѣичъ, откажитесь совсѣмъ отъ превосходныхъ плановъ прошлаго, милаго дѣтства. Вѣдь вы уже не ребенокъ, вѣдь вы уже взрослый мужчина,—не правда-ли?—прибавила весело Грушенька...

Владиміръ Авдѣичъ, котораго сильно заинтересовали и смутили слова Грушеньки, недоумѣвалъ попрежнему, откуда она набрала такихъ сужденій, и еще болѣе попрежнему недоумѣвалъ, какъ это можетъ его завертѣть новая жизнь и какъ онъ самъ потомъ себя не узнаетъ. Вѣдь все въ жизни такъ легко казалось ему! Вотъ, онъ нѣсколько послужитъ, черезъ каждые два года станетъ завертывать въ Упоиловку, а тамъ устанетъ, и

совсѣмъ поселится на покоѣ. Кто же его удержитъ? Кто же заставитъ его измѣнить свои планы? Не зналъ Торба, что такое жизнь въ свѣтѣ,—жизнь, гдѣ должны были забыться выученные школьные уроки, и школьные планы, и все молодое и первобытное должно было забыться, и гдѣ суждено торжествовать одному холодному, всепоглощающему, безжалостному и безсовѣстному эгоизму. Не зналъ еще этого Торба и удивлялся... Впослѣдствіи же онъ узналъ все и не удивлялся никогда!

— Барышня, довольно сливы рвать?—раздался серебристый голосокъ въ темнотѣ. Крестьянская дѣвочка, съ длинными, нависшими волосами, стояла чуть видная вблизи на заборѣ.

— Довольно!—отвѣтила тихо Грушенька. Дѣвушка откинула за уши падающіе на лобъ волосы и опять спросила:

— А вы, барышня, не придете?

— Приду!—отвѣтила Грушенька.

Дѣвушка утонула въ темнотѣ, и вслѣдъ затѣмъ послышался бѣгъ по травѣ, за плетнемъ, ея быстрыхъ, босыхъ ножекъ.

— Вы пойдете, можетъ быть, къ папенькѣ?—спросила тихо Грушенька:—а я только отпущу дѣвочекъ.

Торба молча поклонился и пошелъ искать старика Дулю. Старикъ Дуля, вставшій между тѣмъ и сидѣвшій на коврикѣ подъ деревомъ, былъ печаленъ и суровъ; это впрочемъ случалось съ нимъ всегда съ просонья, навѣяннаго сливянкою или другою наливкою.

— Чортъ знаетъ, что такое лѣзло въ голову!—началъ Дуля, сидя на коврикѣ въ одной рубашкѣ, и плюнулъ:—приснилось, будто меня похоронили съ ящи-

рицею, зеленою и такою толстою, какъ кошка!—и онъ опять сплюнулъ.

Торба улыбнулся.

— Чортъ знаетъ, — подхватилъ опять съ досадою Дуля:—и это часто теперь уже стало сниться мнѣ! И вы не повѣрите! Недавно приснилось, будто покойная моя Улита Романовна, въ самый день пóминокъ, когда кутья съ медомъ стоитъ въ залѣ, ночью спустилась мухой на кутью и стала пить! Я крикнулъ на нее, а она сказала: „Муру́, муру́! и ты, свистунъ, не отвертишься!“ Сказала и улетѣла опять въ окошко!

Торба засмѣялся.

— Да что же тутъ смѣшнаго?—спросилъ серьезно Дуля и не могъ понять, какъ это можно смѣяться, когда человѣку снится мертвецъ.

И весь тотъ вечеръ Дуля ходилъ, охая, изъ угла въ уголъ, и былъ скученъ. Развеселился Дуля опять только за ужиномъ, когда на открытомъ воздухѣ въ саду, подъ тою же столѣтнею грушей, пламя свѣчей стояло, не колыхнувшись, и въ чудной тишинѣ слобожанской ночи только слышался по деревьямъ шелестъ кисейнокрылыхъ мошекъ, да жужжаніе золото-панцырныхъ коровокъ, которыя сыпались и падали на бѣлую скатерть, уставленную соусниками съ разными дымящимися соусами, жарки́ми, супами, лѣнивыми и всякими другими варениками. За ужиномъ Торба и Грушенька сидѣли молча и молча разошлись по своимъ комнатамъ... И всю ночь, разметавшись подъ пологомъ сумрака, въ безсонницѣ, красавица-Грушенька думала, слѣдя глазами проходящія въ темнотѣ картины далекаго, туманнаго дѣтства: „Такъ-ли она предполагала встрѣтиться съ хо-

рошенькимъ Володею, своимъ будущимъ сосѣдомъ по имѣнію, съ Володею, который нѣкогда забѣгалъ къ директору, чтобъ только наговориться съ нею?—И всю ночь Торба, припавъ горячею щекою къ подушкѣ, вышитой руками Грушеньки, думалъ:—„И какъ это можетъ завертѣть его новая шумная жизнь, такъ завертѣть, что онъ потомъ и самъ себя не узнаетъ?“

Еще Дуля слегка всхрапывалъ въ комнаткѣ, завѣшанной отъ мухъ одѣялами, еще спалъ около него, на другой кровати, и гость его, которому при пробужденіи показалось, что гигантская розовая тыква лежитъ передъ нимъ въ перинахъ: а уже Грушенька, свѣженькая и веселая, умывшись рано-рано холодною криничною водою, успѣла побывать и на пасѣкѣ, и на току, гдѣ молотили горохъ, и на бакшѣ, и въ рощѣ съ гурьбою дѣвочекъ, отряженныхъ собирать выглянувшіе послѣ дождя красновики, и въ бондарнѣ, гдѣ выдѣлывались новыя колеса на плуги и телѣги; побывала вездѣ, безъ зонтика, въ серенькомъ ситцевомъ платьицѣ, и шла уже домой готовить чай и будить отца и гостя. За нею по двору, къ тополямъ, шелъ безъ шапки высокій, подпоясанный зеленымъ поясомъ, ата́манъ, перебирая пучекъ сорваннаго, зеленаго еще овса. „Да мы, барышня, вотъ что!“ — говорилъ ата́манъ, кивая пятами: — „мы, барышня, сегодня подъ ярину отрядимъ Евтѣя, а подъ о́зимь Евсѣя: Евтѣй, барышня, крестилъ сегодня дочку и легче управится съ яриною, а Евсѣй не крестилъ дочки и управится легче съ о́зимью!“— „Нѣтъ“, — отвѣтила на неудачный каламбуръ барышня:—„ты уже, Ничипоръ, не разсуждай, я тебя уже знаю! Евсѣй и Евтѣй пойдутъ у меня на токъ горохъ

молотить; горохъ покупаютъ цареборисовскіе поставщики, и его нужно вымолотить поскорѣе". Ничипоръ зналъ уже свою барышню и потому, почесываясь, молча отходилъ назадъ и удалялся отъ тополей безъ замѣчаній... Когда Торба одѣлся и вышелъ съ трубочкою на крыльцо. Грушенька стояла у перилъ, перегнувшись за балюстраду и наставивъ руку зонтикомъ надъ глазами.

— Что вы смотрите, Аграфена Кировна?—спросилъ Торба, здороваясь съ нею.

— Не дароиъ папенька пошелъ на сторожевую клуню глядѣть!—замѣтила Грушенька:—вонъ, посмотрите, Поплеванковскіе панкй ѣдутъ къ намъ.

Не успѣлъ Торба взглянуть въ сторону сада, за рѣкою уже закурилась пыль, и довольно грузный экипажъ сталъ спускаться къ греблѣ. Скоро странная картина представилась глазамъ Торбы. Громадный зеленый рыдванъ, какъ слонъ, вооруженный бойницами, пиками и флагами, сталъ съѣзжать съ крутаго прибрежья, запряженный шестерикомъ круторогихъ воловъ. Кучеръ въ слобожанской свиткѣ, сидя на кóзлахъ, размахивалъ хворостиною, правя ею, какъ индѣйскій слоноукротитель пикою. Двое господъ, еще толстѣйшихъ самого Дули, въ желтыхъ сюртукахъ и такихъ же фуражкахъ, сидѣли въ рыдванѣ и, чуть съѣхали къ рѣкѣ, начали махать платками, очевидно разглядѣвъ въ сторожевой клунѣ Дулю. Новые гости, предводимые хозяиномъ, скоро вошли въ комнаты, гдѣ тотчасъ имъ былъ представленъ Торба. Оглядѣвшись, Торба замѣтилъ, что гостей около него было уже не двое, а что еще третій, миніатюрный, какъ безперый цыпленокъ, выпорхнулъ изъ-за ихъ желтыхъ сюртуковъ и сталъ, шаркая, возиться у его ногъ.

— Это нашъ помѣщикъ Непейводы! — сказалъ хозяинъ, указывая на одного изъ толстяковъ въ желтомъ сюртукѣ; — а это помѣщикъ Непейквасу! — прибавилъ хозяинъ, указывая на другаго толстяка;—а вотъ это— милый Палъ Палычъ Павленко, или иначе—Пейводочку, какъ мы зовемъ его кстати!..

Торба улыбнулся и услышалъ звонъ капельнаго колокольчика, какой привязывается на шею дѣтскимъ деревяннымъ конькамъ; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что это маленькій третій гость хохоталъ, обрадованный обычною выходкой Дули. Пока подавалась закуска, грибки и огурчики, рыбка и водочка, пока раскуривались пѣнковыя трубки и пошли наконецъ всѣ за столъ, уставленный блюдами и тарелками,—Торба успѣлъ поймать въ корридорѣ Грушеньку, которая среди хлопотъ была въ большомъ духѣ, и она весело разболтала ему всю подноготную о пріѣхавшихъ панкáхъ. Одинъ изъ этихъ панковъ, именно панокъ Непейквасу, купивши съ публичнаго торгу клочекъ земли умершаго безъ роду и племени половиннаго владѣльца Поклеванковской пустоши, ѣхалъ поселиться на новомъ жилищѣ и на сосѣдней станціи столкнулся съ другимъ владѣльцемъ пустоши, который съ ближней ярмарки спѣшилъ туда-же.— „Какъ ваша фамилія?“ — спросилъ Непейквасу, рекомендуясь новому знакомцу.—„Непейводы!“—отвѣчалъ новый знакомецъ. — „Какъ-съ? я не разслышалъ, кажется!“—Новый знакомецъ повторилъ свои слова и прибавилъ:—„А ваша какъ?»—Непейквасу отвѣчалъ: „Непейквасу!“ Сначала панки приняли отвѣтъ другъ друга за скрытую иронію; но потомъ, взглянувъ на полные животики каждаго, расхохотались, весело усѣлись въ

одинъ экипажъ и скоро убѣдились совершенно, что ирониа далека отъ ихъ мыслей. О встрѣчѣ Непейводы съ Непейквасомъ любили еще нѣсколько времени поболтать словоохотливыя сосѣднія пани; но потомъ и словоохотливыя пани замолчали, и Поплеванковскіе друзья зажили привольно и весело. Одинъ изъ нихъ, именно Непейводы, былъ очень добрый человѣкъ, но тянулся, во что бы то ни стало, сыграть роль богача. Домъ его представлялъ подобіе городскаго, — совершенно городскаго дома! Непейводы выгналъ его въ три этажа, покрылъ желѣзомъ, вывелъ залы подъ лакъ и стѣны подъ мраморъ,—залы съ хорами и паркетными полами, и это все на сто только своихъ душъ; въ три зимы сжегъ на этотъ домъ чуть не весь свой лѣсъ, для убранства заложилъ и перезаложилъ имѣньице и пришелъ-таки къ тому, что домъ по-нынѣ до половины стоитъ безъ стульевъ и креселъ, важныхъ гостей по сосѣдству вовсе и не знаетъ, мраморные подоконники его просверлены и зимою сквозь нихъ, въ подвѣшенныя пустыя бутылки, стекаетъ вода со стеколъ, а самъ хозяинъ лѣпится въ какой-то маленькой бильярдной. И еще какъ лѣпится! Такъ не лѣпятся и неимѣющіе городскихъ домовъ! Среди лѣта, тоже какъ-то ночью, со двора у Непейводы свезли возъ сѣна, и никто изъ дворни до утра этого и не замѣтилъ. Говорятъ, что при этомъ затѣйливые воры еще на мѣстѣ стога воткнули палку съ слѣдующею юмористическою запискою на веревочкѣ: „Пришли Иванъ да Данила, наложили сѣна на вилы; а чортъ же тебя просилъ, что ты для нихъ косилъ!“ Другой панокъ, именно Непейквасу, былъ тоже очень добрый человѣкъ, но ѣздилъ не иначе, какъ на волахъ, объѣдался, какъ жу-

равль, былъ лѣнивъ до того, что получивъ гдѣ-то наслѣдство, собирался ѣхать за нимъ болѣе десяти лѣтъ и кончилъ тѣмъ, что наслѣдство его перешло къ другимъ, а онъ только спаивалъ весь околотокъ. Былъ у него одинъ напитокъ, состоявшій изъ спирту и какихъ-то ягодъ, такой крѣпкій, что упомянутая настойка Дули,— настойка, которую выпить значило то же, какъ выражался Дуля, что проглотить кошку и потомъ ее тянуть за хвостъ, — была передъ этимъ напиткомъ прѣсною водицею. Этому напитку, словно настоенному на огнѣ и на гвоздяхъ, имя было спотыкачъ, и одна рюмка его заставляла спотыкаться самаго крѣпкаго уничтожателя настоекъ. Владѣтель этого напитка любилъ обыкновенно говорить, нѣсколько въ пику своему строителю сосѣду:— „Что мнѣ ваши мраморы, да паркеты! Вы, вотъ, попробуйте, милостивый государь, этой водички, тогда и говорите, нужны-ли мраморы и паркеты!“ Вслѣдъ за этимъ, кто ни пробовалъ водицы, дѣйствительно соглашался, что мраморы и паркеты были вовсе не нужны! А самъ хозяинъ, посѣщавшій сосѣдей, у которыхъ не водилось спотыкача, заливалъ жажду чѣмъ ни попало. Однажды не засталъ онъ дома кумы своей, пани Цындри, жившей въ слободкѣ подъ Камышевахой, нащупалъ вечеромъ въ шкафу у нея бутылку настойки на шпанскихъ мушкахъ и выпилъ ее до капли. Насилу потомъ откачали его и отпоили.

— Да вы, господа, почти ничего не ѣдите!—замѣтилъ Дуля въ то время, какъ двѣ дѣвки разносили чуть не восьмое блюдо.

— Мы сыты!—отвѣтили на это гости: — и васъ,

Кирикъ Андреичъ, благодаримъ! а вотъ, рюмочку мы— такъ выпьемъ!

Кирикъ Андреичъ наливалъ гостямъ рюмочку, и гости весело выпивали.

— Боже мой!—сказала, вырвавшись послѣ стола въ садъ, Грушенька:—что это они только дѣлаютъ!

Лицо Грушеньки было блѣдно, и на глазахъ дрожали слезы...

— И неужто они постоянно такъ проводятъ время?— спросилъ Торба. Грушенька закрыла лицо руками и ничего не отвѣчала.— „Вотъ она, деревня-то!“ —подумалъ Торба и тоже замолчалъ. Во весь обѣдъ онъ не сводилъ глазъ съ лица чудной дѣвушки; во весь обѣдъ жадно ловилъ онъ каждый взглядъ, каждое движеніе, каждое слово ея, и теперь, кажется, навѣки ложились въ воображеніи его и это печальное раздумье Грушеньки, и этотъ долетающій изъ комнатъ звонъ ножей и тарелокъ, и веселыя рѣчи веселыхъ стариковъ-собесѣдниковъ, и маленькій домикъ, гдѣ прикована была судьбою подруга его дѣтства. Мысль, нежданная мысль, какъ звонъ зовущей трубы, раздалась въ воображеніи Торбы: онъ былъ влюбленъ въ Грушеньку!—„На колѣни, къ ногамъ этой рѣдкой дѣвушки!—шептало ему неокаменѣлое еще юношеское сердце: —„посмотри на эти косы, посмотри на этотъ бюстъ, на это доброе, кроткое созданье!“ А голосъ другой, непонятный еще голосъ говорилъ ему: „Погоди! подобные шаги въ жизни не дѣлаются такъ опрометчиво!“ И Торба, въ смущеньи глядя на Грушеньку, молчалъ, молчалъ и самъ не могъ дать себѣ отчета, что дѣлалось внутри его. Кажется, впрочемъ, ничего не дѣлалось важнаго, какъ это подтвердили потомъ и послѣдствія...

— Котикъ, поди сюда!—кричалъ между тѣмъ нѣжнымъ голоскомъ раскраснѣвшійся Дуля, появляясь съ двумя остальными толстяками на балконѣ:—поди сюда, потанцуй, котикъ! Палъ Палычъ будетъ намъ на скрипочкѣ играть!

— Папенька, я не могу танцовать! у меня голова болитъ:—отвѣтила Грушенька и молча пошла на другое крыльцо въ свою комнату.

— Ну, какъ знаешь, котикъ!—произнесъ Дуля, становясь подъ руку съ двумя другими толстяками въ позы танцующихъ грацій:—а мы уже будемъ непремѣнно танцовать!

И вслѣдъ за тѣмъ раздались въ комнатѣ звуки скрипочки, и толстыя граціи, отплясывая журавля, пустились въ присядку...

Покачиваемый въ подушкахъ легкой крытой таратаечки, которая вдругъ пошла по кочковатой луговинѣ, какъ бы свернула со столбовой дороги на проселокъ, Торба очнулся и сталъ припоминать, что съ нимъ произошло въ два или три послѣдніе дня. Звонъ ножей и тарелокъ, тиликанье скрипочки и громъ веселаго журавля, слезы и чья-то тихая, тихая рѣчь въ саду—все это мѣшалось въ его мысляхъ. Но вотъ, набѣжала въ ночной темнотѣ дождевая тучка, пыль прибило и въ воздухѣ посвѣжѣло. Таратаечка пошла лѣсомъ, поминутно цѣпляясь за вѣтви, и Торба сталъ припоминать прошлое яснѣе... Очевидно, онъ до того времени дремалъ, покачиваясь въ подушкахъ таратаечки. „Поѣзжайте, поѣзжайте, Владиміръ Авдѣичъ, — говорила Грушенька, подъ общій шумокъ выпроваживая его черезъ садъ изъ

хутора: — поѣзжайте, а то вамъ долго еще отсюда не уѣхать!“ Вслѣдъ за этимъ Торба помнитъ ея ласковыя напутствія и ласковыя желанія, помнитъ и свои горячія, горячія, невольно вырвавшіяся слезы... „Ахъ, Грушенька, говорилъ взволнованный Торба:—такъ тяжело мнѣ, такъ тяжело съ вами разставаться!“ —Сердце шептало ему еще сказать слово, слово послѣднее, окончательное; но Торба замолчалъ—и не сказалъ этого слова... „Вамъ не здѣсь,— говорилъ онъ взамѣнъ этого слова: — вамъ въ столицѣ суждено блистать яркою жемчужиной! И я вѣрю, я надѣюсь, вы будете блистать въ столицѣ!“ —„Э, Владиміръ Авдѣичъ! гдѣ намъ до жемчужинъ! Останемся и при своихъ хуторскихъ садикахъ да домикахъ!“ — „Нѣтъ, Аграфена Кировна,—продолжалъ Торба:—клянусь вамъ, не пройдетъ и года, я вернусь сюда, только получу мѣсто, вернусь и тогда...“ Онъ не договорилъ. „И тогда? — спросила Грушенька съ комическою улыбкою:—и тогда Грушенька будетъ имѣть честь представить вамъ новую пасѣку, которую теперь строятъ въ ливадѣ!“ Торба опомнился, медленнно поцѣловалъ ей руку, перелѣзъ черезъ тотъ самый плетень, на которомъ встрѣтилъ въ блескѣ и огнѣ вечера Грушеньку, и когда таратаечка отъѣхала отъ сада, онъ увидѣлъ, какъ красавица-Грушенька обернулась и тихо пошла къ домику по дорожкѣ, плывя, какъ пава, и склонивъ въ раздумьи хорошенькую головку. „Рѣшено, рѣшено!“ — думалъ Торба, катясь снова по гладкой стемнѣвшей луговинѣ въ то время, какъ звѣзды одна за другою уже глянули на небѣ и издали летѣла ему навстрѣчу освѣщенная мѣсяцемъ березовая роща. «Рѣшено: я только обзаведусь хорошимъ мѣстомъ, возьму отпускъ, прикачу

сюда и женюсь на Грушенькѣ, женюсь и вырву изъ душнаго круга милое, доброе созданье, эту свѣтлую, первобытную душу!“ И погружаясь снова въ золотую паутину сладкихъ мечтаній, Торба мысленно повторялъ: „Эту свѣтлую, первобытную душу!“

— Прикажете на станцію? — произнесъ голосъ незримаго въ налетѣвшей темнотѣ на козлахъ кучера.

— На станцію! — отвѣтилъ встрепенувшійся Торба и сталъ жадно глотать понесшійся ему въ глаза свѣжій воздухъ ночи.

Выйдя изъ таратаечки и отпустивъ кучера Дули домой съ тысячью поклоновъ барышнѣ, Торба остановился передъ старымъ слугою, который три дня его тщетно прождалъ на станціи, и, осѣненный какою-то мыслію, спросилъ его: „А что, братъ Павладій, не остаться-ли намъ еще тутъ?“ Братъ Павладій на это горько усмѣхнулся и отвѣтилъ: „Гдѣ тутъ оставаться! хуражу совсѣмъ нѣтъ!“ Торба подумалъ, махнулъ рукою, упалъ на постель и заснулъ, какъ убитый. Болѣе часу на другое утро будилъ и толкалъ его старый Павладій, объявляя, что чай уже на столѣ и что пора уже ѣхать. „А? что?— вскрикнулъ, наконецъ, Торба и сталъ одѣваться. Пока Павладій возился съ погребцомъ, крендельками и бубликами, въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги и чей-то свѣжій мягкій теноръ, звавшій лакея. Заглянувъ въ дверь, Торба ничего не увидѣлъ. Не увидѣлъ ничего и подошедшій въ это время къ двери компаньонъ тенора, сухой и длинный, длинный и сухой человѣкъ, какъ циркуль, поставленный на циркуль, и, какъ сорока, весь состоявшій изъ костей и перьевъ! Этотъ сухарь, украшенный длиннѣйшими рыжими усами и въ

дѣтской курточкѣ, держалъ арапникъ и поминутно кашлялъ. „Ты, Петя, тутъ?“—спросилъ онъ, кашляя и не видя въ сосѣдней комнатѣ ничего, кромѣ дыму. — „Тутъ!“—отвѣчалъ изъ дыму пріятный теноръ Пети.— „Экъ, ты, Петя, напустилъ сколько!—замѣтилъ, кашляя, сухарь, точно билъ по лопнувшему барабану заревую дробь, и прибавилъ: — не пора-ли, Петя, запрягать?“ Петя на это произнесъ: „Ахъ, душа, позволь еще погадать!“ и вслѣдъ за этимъ изъ дыму выставилось свѣжее красивое лицо темноволосаго мужчины лѣтъ тридцати, въ синей бекешѣ, какую носятъ небогатые степные поставщики хлѣба и сѣна и вообще всякіе туземные кулаки: онъ былъ сутоловатъ и румянъ, какъ майское утро, слегка улыбался и пускалъ кольца легкаго сѣроватаго дыма изъ янтарнаго мундштука, закутаннаго, какъ старушенка-попрошайка, во фланелевую душегрѣйку; въ рукахъ темноволосаго пускателя колечекъ былъ старый экземпляръ любимой книжки слобожанскихъ холостяковъ „Новый Гадатель“. Показавшись на порогѣ, пускатель колечекъ, равно какъ и сухарь, поклонились Торбѣ и тотчасъ вошли съ нимъ въ разговоръ. Торба, ознакомившись съ видомъ перваго, подумалъ про себя, что это изъ породы тѣхъ, которыхъ армейскіе офицеры называютъ: „эдакой здоровенный каммертонъ“; армейскихъ же офицеровъ, въ свой чередъ, изъ породы такихъ каммертоновъ, зовутъ уже не каммертонами, а „брандеба съ гвоздикой и счастливая этакая мордемондія!“ Ознакомившись и со вторымъ, Торба, кромѣ сухаря, ничего болѣе еще не подумалъ...

— Изволите въ гвардію ѣхать опредѣляться? — спросилъ каммертонъ, разложивъ уже не въ прежней

комнатѣ, а въ той, гдѣ сидѣлъ Торба, размалеваннаго „Гадателя“, который былъ подаренъ ему однимъ панкомъ изъ веселой общины сосѣднихъ холостяковъ, столько извѣстной въ окружности, и бросая на его роковыя клѣтки пшеничное зерно.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Торба: — я еще не знаю, но думаю служить по министерству... по министерству... гм!.. если примутъ! Каммертонъ пріятнымъ голосомъ изъявилъ надежду, что примутъ, потому что теперь нуждаются въ людяхъ образованныхъ и знающихъ языки. „Ну, — подумалъ при этомъ Торба, — что касается до знанія языковъ, то я пасъ“! Каммертонъ еще что-то сталъ говорить, но произносилъ уже эти слова одними отрывочными непонятными звуками, потому что въ это время совершенно углубился въ „Гадателя“, а растрепанный мальчишка, лѣтъ восемнадцати, въ засаленномъ сюртукѣ, безъ брюкъ, однакоже въ военныхъ сапогахъ со шпорами, Богъ-вѣсть откуда къ нему попавшими, поднесъ барину двѣ трубки. Баринъ взялъ сначала одну трубку и вытянулъ ее залпомъ, потомъ взялъ другую и также вытянулъ ее залпомъ, и когда онъ вытянулъ залпомъ другую трубку, столъ, диванъ, стулья, печь и косяки двери утонули въ дыму, и остались видны только шпоры на сапогахъ мальчишки, да усы сухаря. Заинтересованный гаданьемъ новаго знакомца, Торба уже собирался-было спросить его: „А позвольте узнать, на что вы это гадаете?“—какъ сухарь снова забилъ барабанную дробь, крутилъ, крутилъ усы, ходилъ, ходилъ по комнатѣ, наконецъ, взялся подъ бока дѣтской курточки и произнесъ: „Послушай, Петя, ты, по моему, совершенно заслуживаешь назва-

ніе той дамской вещи, которую нельзя и назвать!“— „Отчего же заслуживаю названіе той дамской вещи, которую нельзя и назвать?“—спросилъ съ улыбкою Петя, бросая на клѣтки „Гадателя“ пшеничное зерно.— „Оттого,—отвѣтилъ циркуль, шагая по комнатѣ,—что ты боишься посвататься за индико́ву-дочку!“—„Помилуй, какъ боюсь!—произнесъ гадающій:—да нельзя потому, что это дѣло важное, и сразу рѣшиться нельзя! А впрочемъ,—заключилъ онъ,—вотъ посмотри, что́ теперь вышло!“ Сухарь взялъ въ руки книжку и сталъ читать: „Бысть нѣкогда человѣкъ и позва́ его мати, и положи законъ въ своемъ наслѣдствѣ—быти ему благопревознесенну въ мірѣ!“ Каммертонъ не помнилъ себя отъ радости, опять принялъ отъ мальчишки двѣ трубки, задымилъ ихъ, какъ винокурня зимою, и громко приказалъ закладывать...

— А позвольте спросить,—замѣтилъ Торба, когда новые знакомцы его садились уже на телѣгу:—вы изволили назвать индико́ву-дочку; кто это такая индико́ва-дочка?

Каммертонъ, сіяя, какъ лѣтнее утро на пестромъ коврѣ телѣжки, поклонился и отвѣтилъ:

— Это, милостивый государь, сосѣдка моя, единственная дочка помѣщика Дули, Кирика Андреевича Дули, если знаете!..

О чемъ мечталось и думалось Торбѣ, когда онъ снова очутился на большой дорогѣ и когда пошли мимо него, по обычаю всѣхъ большихъ дорогъ, проноситься и исчезать въ туманной панорамѣ версты, трактиры, станціи, мосты, лѣса, поля, города и селы? Что навѣвали ему впечатлѣнія нѣсколькихъ счастливыхъ дней,

прожитыхъ въ маленькомъ хуторѣ? Много сладко-томительнаго навѣвали ему эти впечатлѣнія! Качаясь въ мягкихъ подушкахъ, онъ дремалъ, дремалъ и видѣлъ картину жизни въ высокомъ, незнакомомъ старомъ домѣ. Въ этомъ домѣ онъ учитъ дѣтей; тутъ еще живетъ гувернантка, и гувернантка эта никто иная, какъ Грушенька. Старый вдовецъ-хозяинъ скучаетъ, его утѣшаютъ старыя сестры, безобразныя старыя дѣвки. И вотъ, зоркія сестры открываютъ, что молодой, бѣдный учитель влюбленъ въ ихъ гувернантку; молодому, бѣдному учителю и гувернанткѣ отказываютъ отъ дома. Дѣвушка въ горячкѣ; молодой, бѣдный учитель беретъ ее къ себѣ на квартиру, ухаживаетъ за нею, ухаживаетъ и еще болѣе влюбляется, влюбляется и воскрешаетъ Грушеньку; и вотъ, идетъ и подступаетъ новая картина, и движется туманный рядъ сладкихъ грёзъ и сладкихъ мечтаній, мучительно-сладкихъ сценъ счастливой любви!.. „Баринъ, а мы уже въ Москвѣ!“—замѣчаетъ голосъ Павладія, и, выходя изъ экипажа, Торба радуется, что на дворѣ уже ночь и что сонъ его снова начнетъ и непрерывно будетъ ткать свои обаятельныя ткани вплоть до Петербурга... Что же еще сказать о сладкихъ радужныхъ впечатлѣніяхъ? Что же еще сказать? Въ одно сѣренькое, туманное утро Торба проснулся въ Петербургѣ, и наемный каммердинеръ, въ лаковыхъ сапогахъ и перчаткахъ, принесъ ему новый, шитый золотомъ мундиръ. Торба былъ уже генераломъ, статскимъ генераломъ, съ почтеннымъ брюшкомъ, лысый, какъ колѣно, въ парикѣ и съ порядочными морщинами. Нѣсколько просителей—кто съ рекомендательнымъ письмомъ, кто съ памятною запискою

по предстоящему апелляціонному дѣлу, а кто съ просьбою о денежномъ пособіи—ожидали его появленія, потому что Торба занималъ мѣсто, съ которымъ еще соединялась должность по одному изъ человѣколюбивыхъ обществъ. Когда онъ вышелъ въ пріемную и спросилъ ласково у одного, а потомъ и у другаго просителя: „Вы откуда?“ просители отвѣтили, что изъ Малороссіи. Добрый старикъ, потому что Торба успѣлъ уже состариться, отъ души обрадовался землякамъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія, отправилъ потомъ секретаря за билетомъ во французскій театръ, сѣлъ въ двухколесный кабріолетъ, взялъ возжи и жокейскій бичъ, махнулъ на рысака въ шорахъ и покатился по торцевой мостовой на дачу—пользоваться весеннимъ днемъ. Весенній день, впрочемъ, оказался чѣмъ-то въ родѣ табачно-бураго пейзажа старой фламандской школы, съ примѣсью неожиданной ванны изъ мелкаго дождя. Торба въ досадѣ заходилъ по кабинету легко-стрѣльчатой и много оконной лѣтней дачи. Ходилъ, ходилъ Торба по кабинету, взялъ изъ рукъ секретаря привезенный билетъ, нѣжно заговорилъ съ нимъ о его родныхъ и будущности, узналъ, черезъ шесть лѣтъ его службы, что онъ тоже изъ Малороссіи, обласкалъ его, подарилъ ему дублетъ какой-то заморской сигарочницы, — причемъ секретарь не могъ надивиться, откуда взялась доброта у такого затянутаго и расфранченнаго старикашки, — и въ тотъ же день рѣшился ѣхать въ отпускъ, въ отпускъ на родину, которой онъ не видалъ чуть не двадцать пять лѣтъ, мелькнувшихъ среди полезныхъ и тяжкихъ занятій. Черезъ полторы недѣли быстрой ѣзды на почтовыхъ, въ двумѣстной легкой каретѣ,

Торба миновалъ военно-поселенную дорогу, съ полуверстными столбами въ видѣ горящихъ на синемъ небосклонѣ бѣленыхъ, кирпичныхъ пирамидокъ, сталъ спускаться къ Донцу и уже былъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Упойловки, гдѣ съ трепетомъ и страхомъ ожидалъ его извѣстный уже Павладій, состарѣвшійся въ качествѣ прикащика,—когда, проѣхавъ мимо одного кургана, вспомнилъ что-то зароненное и давно забытое въ далекихъ юношескихъ воспоминаніяхъ! Ямщикъ своротилъ на проселокъ, и когда каретка пошла по узенькой Поплеванковской межѣ, смутныя юношескія воспоминанія встали и заколыхались передъ глазами Торбы. Вспомнилъ Торба неожиданно, какъ во снѣ, и разсыпавшуюся бричку, и хуторокъ, по имени Кухня, и теплый, всеобливающій пурпурнымъ блескомъ вечеръ, и красавицу-дѣвушку на перелазѣ плетня, и громкія пѣсни за садомъ, и тихія рѣчи, и кроткую улыбку, трепетавшую на милыхъ устахъ. Вспомнилъ это Торба и въ смущеніи смотрѣлъ, какъ выходилъ ему на встрѣчу старый городокъ-слободка Цареборисово съ деревянною, почернѣлою колокольнею, рядами бѣленькихъ домиковъ, фруктовыхъ зеленыхъ садиковъ и плетней, увитыхъ ползучими тыквами, выходилъ, словно воскресшее дѣтство, дѣтство, съ его невозвратными, первыми забавами и съ его первыми, невозвратными радостями. Нужно было взять вольныхъ лошадей и ѣхать далѣе, мимо Поплеванковской пустоши и маленькаго хутора Кухни, въ Упойловку. Торба вышелъ изъ каретки и разговорился съ старикомъ, отставнымъ солдатомъ, который содержалъ въ Цареборисовѣ постоялый дворъ. Съ первыхъ же словъ солдата Торба не помнилъ уже себя

отъ радости: семейство Дули жило въ Цареборисовѣ, въ концѣ улицы, тамъ, гдѣ колодезь и сады сливаются съ рощею! Одѣвшись на-скоро, Торба кинулся по улицѣ и скоро увидѣлъ указанный домикъ. Хозяева были въ саду, около амшенника. Торба пошелъ въ садъ и скоро завидѣлъ высокій, старый амшенникъ, изъ-за котораго летѣли ему на встрѣчу хохотъ и дѣтскіе крики. Семейная картина представилась глазамъ Торбы... Мужъ хозяйки, въ которомъ Торба легко узналъ знакомца на станціи, нѣкогда гадавшаго на „Новаго Гадателя“, былъ тотъ же веселый и румяный степнякъ, только нѣсколько посѣдѣвшій; онъ помѣщался на опрокинутомъ ульѣ и сѣкъ на колѣняхъ березовымъ пучкомъ какое-то подобіе розоваго, полуобнаженнаго купидона, какъ Венера на одной картинѣ сѣчетъ розгою амура. Жена, стройная барыня съ пышными плечами, пепельными волосами, нѣсколько блѣдная, но все та же прежняя Грушенька, стояла въ сторонѣ и хохотала до упаду. Теплёнко и его жена (такъ теперь называлась Грушенька) узнали сразу дорогаго гостя и съ радостными криками бросились ему на встрѣчу.—„Какъ! какими судьбами?“ —понеслись вопросы, и при этомъ купидонъ освободился.— Владиміръ Авдѣичъ, почтенный Владиміръ Авдѣичъ былъ введенъ въ комнаты. Въ комнатахъ, кромѣ купидона, уже оправившаго свою курточку и другія, скинутыя до того принадлежности, встрѣтили Торбу еще три дѣвицы— сестры хозяина дома. Дѣвицы-сестры, внеся въ гостиную полные воланы своихъ бѣлыхъ платьевъ, усѣлись по кресламъ въ живописныхъ позахъ. Пока Грушенька хлопотала съ ужиномъ, а хозяинъ раздавалъ приказанія о приготовленіи лошадей и экипажа владѣтелю Упой-

ловки, старшая изъ дѣвицъ, поддерживая разговоръ съ гостемъ, успѣла изъяснить, какъ онѣ скучаютъ, очень скучаютъ въ Цареборисовѣ. Въ это время высѣченный, но опять веселый купидонъ сѣлъ передъ самымъ носомъ Торбы и, покачиваясь, замѣтилъ: „А тетя Маша все вретъ, дядя! Онѣ совсѣмъ и не скучаютъ; а онѣ ѣздили къ Цѣпетновымъ, одного улана смотрѣть ѣздили, и мнѣ уланъ давалъ конфектовъ, чтобы я не говорилъ, какъ онъ будетъ свататься за тетю!“—Дѣвица покраснѣла, какъ клубника, и вмѣстѣ съ другими сестрами готова была сквозь землю провалиться.,.

— „Ты, душенька, не мѣшай!“—замѣтилъ разбитному мальчишкѣ Торба и, посадивъ его къ себѣ на колѣни, увидѣлъ, какъ онъ тотчасъ же завладѣлъ его часовою цѣпочкою и печатками. Разсказчица переглянулась съ сестрами и стала снова излагать, какъ никто, рѣшительно никто къ нимъ не заѣзжаетъ.—„А тетя Маша опять вретъ!—замѣтилъ мальчикъ:—Семенъ Семенычъ изъ суда заѣзжалъ и игралъ съ ними въ карты, а меня тетя въ дѣтскую тогда запирала!“—„Ну, послушай, мой другъ!—произнесъ Торба:—если ты будешь мѣшать тетенькѣ, я тебя разлюблю, разлюблю рѣшительно!“ Мальчикъ притихъ, но во время новаго разговора, когда и маменька, и папенька его уже сидѣли въ гостиной, вдругъ спросилъ: „А отчего это, дядя, у тебя такіе волосы на головѣ, будто чужіе, и столько морщинъ?“ Тепленко поблѣднѣлъ, стиснулъ зубы, ухватилъ опять купидона за поясъ и, какъ котенка, понесъ его на новую раздѣлку... „Хи, хи!“—смѣялся гость въ смущеніи, оправляясь передъ дамами и стараясь придать своему лицу беззаботную мину:—„Какой веселый ребенокъ!“

Грушенька, для одобренія гостя, завела рѣчь о Петербургѣ, о балахъ, о театрахъ, объ оперѣ, о городскихъ новостяхъ и даже о службѣ, которую, по словамъ ея, она любила и за которою постоянно слѣдила,— и Торба, оживленный своею сферою и любезностью хозяйки, чуть не таялъ передъ пышною степнячкою, хотя невольно, при взглядѣ на нее и на себя, думалъ: „Какая же это еще роскошная и свѣжая женщина!.. И какой ты, братъ, уже истертый и измятый колпакъ!“ — „А ты, дядя, какой смѣшной!“ —крикнулъ неожиданно розовый купидонъ, ворвавшись опять въ гостиную, очевидно въ отмщеніе новой, совершенной надъ нимъ расправы, и увлекъ въ погоню за собой и раздосадованнаго папеньку, и всѣхъ негодующихъ тётенекъ...

Нечего говорить болѣе о встрѣчѣ Торбы съ Грушенькой. Торба боялся завести рѣчь о прошломъ, о планахъ дѣтства, о предположеніяхъ жить въ деревнѣ и воскресить въ домашнемъ быту преданія старины и обычаи тихихъ, мудрыхъ дѣдовъ. Грушенька это видѣла и также молчала. Послѣ веселаго, оживленнаго перекрестнымъ разговоромъ, ужина, хозяйка дома ушла въ маленькую гостиную и за полночь засидѣлась тамъ съ гостемъ. Когда гость вышелъ оттуда и, ласково раскланявшись, оставилъ хозяевъ съ любезностію добраго, милаго и почтеннаго старичка, Грушенька склонилась на плечо мужа, и мужъ замѣтилъ, что она была блѣднѣе обыкновеннаго и слезы дрожали въ ея глазахъ...

Еще два слова. За ужиномъ Торба разговорился съ хозяиномъ, превозносившимъ успѣхи своихъ трудовъ по имѣнію жены, и узналъ, что старичекъ-тесть его недавно передъ тѣмъ скончался. Тепле́нко выхлопоталъ ему мѣс-

течко въ канцеляріи сосѣдняго дворянскаго Депутатскаго Собранія; Дуля бросилъ рюмочку, наполнился, что нерѣдко у насъ случается на старости лѣтъ, охотою труда и дѣятельности, болѣе семи лѣтъ служилъ честно и благородно, и, вмѣстѣ съ прежними годами, былъ награжденъ за усердіе пряжкою „за XXV лѣтъ службы“. Старикъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, сталъ показывать всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ полученную пряжку, говоря: „Вотъ, посмотрите, какая у меня пряжка!“—сталъ рисковать и разстегиваться на морозѣ отъ радости, простудился—и умеръ. На похоронахъ его были всѣ прежніе, старые друзья, и, между прочимъ, были извѣстные уже сосѣди по Поплеванковской пустоши—Непейводы и Непейквасу, донынѣ поживающіе весело, какъ истые мелкопомѣстные панки, веселы и въ здоровьи,—кромѣ, впрочемъ Непейквасу, у котораго недавно, отъ частыхъ возліяній спотыкача, проявилось непроизвольное шатаніе и мотаніе тѣла вправо и влѣво, сопровождаемое еще трепетаньемъ десницы, а иногда и шуйцы, почему сосѣди дали ему тотчасъ прозвище деревяннаго пильщика, какой иногда продается на ярмаркахъ, покачиваемый собственною тяжестью на жерди ярмарочныхъ палатокъ...

VI.

ПЕЛЬТЕТЕПИНСКІЕ ПАНКИ.

VI.

ЛЕЙБНИЦЕВСКІЙ ПАЛЕЦЪ.

ПЕЛЬТЕТЕПИНСКІЕ ПАНКИ.

— Что это такое.
— «Панъ на всю губу!»

Въ слободской Малороссіи, благодаря полному отсутствію мудрыхъ правилъ майората и совершенному незнанію того, что въ другихъ мѣстахъ называется золотою жизнью холостяковъ, существуетъ искони одинъ родъ любопытныхъ обывателей, средина между великорусскими однодворцами и казачествомъ старой Гетманщины, которыхъ, по уличному, въ народѣ, называютъ панка́ми, полупанка́ми и подпанка́ми. Эти любопытные обыватели съ недавнихъ поръ стали нѣсколько исчезать, убѣгать изъ благодатныхъ степей и перерождаться, появляясь въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ въ видѣ помощниковъ откупщиковъ, помощниковъ барышниковъ и другихъ разныхъ спекуляторовъ. Но иногда путникъ наталкивается въ степяхъ на слободку, жилище такихъ панко́въ, слободку странную и причудливую, слободку любопытную, какъ ветхая, полупонятная рукопись на языкѣ отошедшаго безъ вѣсти, древняго нарѣчія. Подобная слободка столько же занимательна, какъ храмы Друидовъ, развалины Ниневіи и Мексиканскія древности!

Такой слободки даже и не увидишь, проѣзжая степью, съ большой дороги, потому что она всегда пригнѣздится въ глубокомъ байракѣ, по берегамъ луговища тощей, степной рѣченки, или сидитъ себѣ въ лѣсу, вокругъ природныхъ зеркальныхъ ключей, надъ которыми вьются и стонутъ дикія чайки. Иногда только, рано на зарѣ, съ пустыннаго косогора или кряжа мѣловыхъ холмовъ, примѣтишь, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, на окраинѣ степнаго горизонта, лиловый дымокъ, который рядомъ стройныхъ, несущихся въ воздухѣ столбовъ, поднялся надъ чертою туманной дали, тихо протянулся по небу и, закудрившись на маковкѣ, какъ капитѐль древней колонны, стушевался и исчезъ въ тихомъ воздухѣ. Эти колонны — дымъ скрытыхъ трубъ скрытой слободки. А подъѣзжайте ближе, сотни золотыхъ скирдъ, какъ ряды гвардейскихъ драбантовъ, толпы на́ймитовъ и на́ймичекъ, съ громкими пѣснями и сверкающими серпами, и вереница вѣчно махающихъ, точно вѣчно зовущихъ кого-то со степи, мельницъ встрѣтятъ васъ у околицы. Панки́ живутъ себѣ весело! Панкамъ и нуждочки мало въ томъ, что иной разъ они сами ходятъ за плугомъ, сами доятъ коровъ, сами молотятъ горохъ и смолятъ откормленныхъ кабанчиковъ. Кабанчики вещь очень вкусная, и панки́ ихъ не промѣняютъ ни на фраки, ни на модные визиты, ни на кипучее иноземное вино. Зато, разбогатѣй панокъ,—у него является толпа на́ймитовъ, челядинцы совершаютъ домашнія работы, одѣваютъ, поятъ и кормятъ его, и панокъ ходитъ себѣ, заложа руки за спину смураго съ подпалиной бешмета, ходитъ себѣ къ сосѣду То́чичкѣ, попиваетъ съ сосѣдомъ То́чичкой наливки и водянки, водянки да запеканки, креститъ съ

сосѣдомъ То́чичкой свою пятую дочку, и прочитъ свою пятую дочку въ жены сыну сосѣда То́чички, и кладетъ ей на зубокъ старый бабушкинъ шушу́нъ, шушу́нъ голубой, подбитый зайцемъ, старый бабушкинъ парчевой корабликъ и алые бабушкины черевѝчки; и, глядишь, черезъ два десятка быстро мелькнувшихъ лѣтъ, и пируетъ на задуманной свадьбѣ сосѣдей вся тихая слободка, и дивится слободка нарядамъ невѣсты, и никогда не выходятъ эти наряды изъ моды и вкуса незатѣйливыхъ панко́въ. — Панкѝ живутъ привольно! Панкѝ такъ живутъ привольно, что болѣзнь—старость, а изъ жизненныхъ непріятностей ико́та, да чрезмѣрное плодородіе—только и извѣстны между панка́ми. Вслѣдствіе этого, у бо́льшей части народонаселенія панко́въ загорѣлыя лица походятъ на волча́нскіе переспѣлые арбузы, руки походятъ на ихъ собственныя ноги, у пожилыхъ дамъ иногда на полныхъ губахъ сидятъ усы, а у дочекъ усовъ нѣтъ, зато глаза, носъ и губы рѣшительно тонутъ въ молочныхъ пышкахъ щекъ.—Сынъ зажиточнаго панка̀, щеголь подпа́нокъ, какой-нибудь Вайле́нченко, у котораго отецъ былъ, по слобожанскому обычаю, Вайлѐнко, мать — Вайле́нчиха, дѣдъ — Вайло́, а бабуся — Вайли́ха, и сынъ котораго долженъ именоваться поэтому Вайленя́, а дѣти сына его — Вайленя́та, — надѣваетъ бекешу на лисьемъ мѣху и голубые ситцевые штаны съ портретами, приводящими въ азартъ всѣхъ собакъ слободки, и ходитъ рындикомъ по широкой улицѣ, и подмигиваетъ чернобровымъ па́нночкамъ и подпа́нночкамъ, и смотритъ, какъ па́нночки и подпа́нночки, среди чистыхъ двориковъ, варятъ варенье, гонятъ водку на вишневыя косточки, или же, поймавъ хохлатую насѣдку,

дѣлаютъ рекогносцировку ея благосостоянія и будущаго ея приплода. Весело живутъ панки́, такъ весело и привольно живутъ папки́, что самому хотѣлось бы пріютиться на тихой слободкѣ и пожить ихъ жизнью... А были-ли вы, господа, когда-нибудь въ Волчанскѣ? Нѣтъ! что я говорю! Разумѣется, что были, потому что Волчанскъ такъ уже хорошъ, что и нельзя уже въ немъ не быть! Нѣтъ: были-ли вы, господа, за Волчанскомъ, были-ли вы тамъ, гдѣ идетъ дорога на Ва́лки, и гдѣ не идетъ дорога на Зміевъ, потому что врядъ-ли и гдѣ-нибудь можетъ идти дорога на этотъ скучный и однообразный Зміевъ. Если были, то навѣрно помните, что тутъ, неподалеку, съ крутой мѣловой горы, виденъ долгій-долгій лѣсъ, за лѣсомъ—гора, а за горою—рѣчка, и этой рѣчки вы не найдете не только на какой-нибудь картѣ, но даже и въ пяти верстахъ далѣе отъ подошвы горы и отъ ея собственнаго истока. Рѣчка называется Маминька... На этой Маминькѣ, по обѣимъ сторонамъ, если взглянуть на нее съ горы, кучками и въ разсыпку разбросаны все слободки, слободки и слободки... На этихъ слободкахъ кое-гдѣ вы встрѣтите настоящихъ пано́въ и па̀ней, бывшихъ въ Харьковѣ и дальше; а на другихъ живутъ одни панки́,—панки́ небогатые и тихіе, милые сердцу панки́... Вотъ, напримѣръ, слободка Пельтете́пинка, или, какъ ее зовутъ завистливые сосѣди, слободка Непересчи́товка. Сорокъ-сорако́въ окружныхъ панко́въ особенно знаютъ, что́ такое Пельтетепинка, знаютъ и посѣщаютъ ее потому, что панки́ Пельтете́пинскіе—самый гостепріимный и немудреный народъ въ свѣтѣ. Маминька, раскинувъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько пространнѣе свои владѣнія и, уб-

равшись высокострѣльчатыми тростниками, раздѣляетъ Пельтетéпинку на двѣ разныхъ слободки, хотя обѣ эти слободки составляютъ одно цѣлое и никогда, рѣшительно никогда, не считали себя чуждыми другъ другу. Маминька въ Пельтетéпинкѣ была въ давнія времена украшена мостомъ, который соединялъ оба берега; но какъ-то, въ водополье, мостъ снесло, и его уже болѣе, по заведенному обычаю, не возобновляли... Говоря по правдѣ, и не-зачѣмъ его было возобновлять. Зимою одна сторона панкóвъ сообщалась съ другою по льду, а лѣтомъ рѣчка пересыхала. Одна весна только представляла непреодолимую преграду... Да, впрочемъ, тогда каждая сторона предавалась упоенію таинствъ любви и совершенно забывала о своей сосѣдкѣ. Наконецъ, если бы кому нужно было и тогда что-нибудь сказать, такъ стóило только стать на берегу Маминьки и крикнуть. Маминька нигдѣ не была шире главной Бахмутской улицы, и потому слова́ звучно и легко перелетали съ берега на берегъ... Пельтетéпинскіе панкú не то, чтобы были совершенно богатые панкú, однакоже нельзя сказать, чтобы они были и бѣдными панками, скудельническою голыдьбой, какъ ихъ называютъ еще въ нѣкоторыхъ сатирическихъ уѣздныхъ городкахъ. Хлѣба у нихъ было достаточно; бараньи бешметы и волчьи шапки были у каждаго, и ни одна панночка не засиживалась въ дѣвкахъ далѣе пятнадцатаго дня рожденія, празднуемаго подъ звуки трехъ скрипачей и слѣпого цымбалиста, оркестра пельтетепинской щебетуньи-шинкарки. Напримѣръ, толстенькій, веселый хохотунъ, панъ Шпундикъ,—какъ онъ умѣетъ ловко набить пѣнковую трубочку табакомъ, именуемымъ сампантрé, и

какъ въ то же время хорошъ алый коврикъ пана, постоянно вывѣшанный на крыльцѣ, рядомъ съ однимъ голубымъ костюмомъ пана, похожимъ на раскрытыя ножницы! Потомъ—панъ Макитра, этотъ хлопотунъ и живчикъ, который при каждомъ веселомъ словѣ, своемъ или чужомъ, прыгаетъ и шевелится, какъ картонная кукла съ контробасомъ, подергиваемая спрятанною сзади ниткою. А хоть бы и этотъ важный, молчаливый и всегда угрюмый панъ Холодный, съ животомъ, раздвигающимъ толпу, какъ крѣпостной, стѣнобитный таранъ,—панъ Холодный, у котораго куча дѣтей, какъ куча круглыхъ картофелинъ, поставленныхъ на картофелину, и у жены котораго лицо до того полное и странное, что однажды, въ жмурки, рука незрячаго приняла его не за лицо, а совсѣмъ за другое... Но ни панъ Шпундикъ, ни панъ Макитра, ни панъ Холодный не сравнятся съ Антонъ Минычемъ Мо́рквой, у котораго на нижней губѣ сидитъ наростъ, величиною съ игольникъ, вотъ такъ, какъ будто бы у Антонъ Миныча всегда во рту недокуренная сигарка, и у котораго всѣ сосѣди, начиная съ исправника, окружнаго, акцизнаго и судьи, до отца протопопа, матери протопопицы и двухъ сосѣднихъ арендаторовъ, объѣдаются до того, что послѣ обѣда не могутъ пошевелить ни языкомъ, ни пальцемъ, и тотчасъ прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ облегчительнымъ медикаментамъ; съ Антонъ Минычемъ Мо́рквой, у котораго, наконецъ, однажды ужинъ, на его собственныхъ именинахъ, состоялъ, какъ увѣряютъ, изъ двадцати двухъ блюдъ! Нѣтъ спора, между обществомъ Пельтетепинскимъ есть, напримѣръ, такіе панки, какъ панъ Дудочка, который лжетъ на

каждомъ шагу, какъ жидъ на бердичевской ярмаркѣ, лжетъ и всегда прибавляетъ: „Ну, ей-ей же, правда!“ или: „Ну, чтобъ же у меня ротъ передёрнуло, если это не такъ!“—и потомъ, какъ, напримѣръ, сынъ бывшаго гуртовщика, Пунька, который икаетъ такъ неожиданно и такъ непристойно, что съ нѣкоторыхъ поръ его стали избѣгать въ очень многихъ домахъ, гдѣ бываетъ дамское общество... Пельтетёпинскіе панки еще большіе искусники на разныя издѣлія и пріятныя, домашнія занятія. Панъ Шпундикъ, напримѣръ, очень недурно рисуетъ узоры для шитья и играетъ на флейтѣ; панъ Макитра весьма недурно шьетъ по тамбуру; панъ Холодный всѣмъ дѣтямъ своимъ дѣлаетъ куклы, но при этомъ, какъ говорятъ, собственноручно же и сѣчетъ ихъ каждую субботу. Панъ Дудочка—бобыль-бобылемъ и дѣлаетъ однѣ только непріятности своимъ знакомымъ; панъ Пунька тоже дѣлаетъ непріятности и еще болѣе пана Дудочки, о чемъ изложено выше; но зато его подбородокъ всегда такъ выбритъ, что ему говорятъ обыкновенно: „А знаете-ли, Салъ Салычъ, за такого бритаго, какъ вы, двухъ небритыхъ дадутъ!“—Наконецъ, всѣми любимый Антонъ Минычъ Мо́рква. Антонъ Минычъ—угоститель и упоитель, хотя и не рисуетъ узоровъ, хотя и не шьетъ по тамбуру, не играетъ на флейтѣ и не дѣлаетъ куколъ; зато вы всегда увидите, какъ Антонъ Минычъ, иногда въ шлафрокѣ, а иногда и просто, отъ жары, въ платьѣ Евы, сидитъ у себя въ садикѣ передъ кадочкой и дѣлаетъ загибеньки и простыя колбасы, такія вкусныя, что если вамъ дастъ онъ попробовать и тутъ же, закрывъ вамъ рукою глаза, спроситъ: „А что это такое?“—

а вы и не скажете, что это такое!—И, Боже мой! сколько достойныхъ и прекрасныхъ людей, съ талантами, не менѣе достойными и пріятными, обитаетъ въ этой Пельтетѐпинкѣ, въ кругу этихъ Пельтетѐпинскихъ панкóвъ!.. Но чьи это два дворика стали на берегу съ двухъ сторонъ рѣчки Маминьки, стали и смотрятъ, какъ двѣ молодицы, пришедшія съ ярмарки, двѣ щебетухи, въ новыхъ платкахъ, лентахъ и дукатахъ,—смотрятъ и какъ будто сами говорятъ: „Вотъ, посмотрите на насъ, добрые люди: вотъ мы такъ заслуживаемъ того, чтобы на насъ посмотрѣли!“ Чьи это два чистенькихъ и кокетливыхъ дворика? — Дворики принадлежатъ двумъ Пельтетѐпинскимъ дамамъ,—двумъ достойнѣйшимъ дамамъ слободки: Дарьѣ Адамовнѣ Передѐрій, съ лѣвой стороны, и Дарьѣ Адамовнѣ, тоже Передѐрій, съ правой стороны Маминьки... Какъ ни страненъ случай, но должно прибавить, что сосѣдки, жившія другъ противъ дружки черезъ рѣчку, точно носили одинакія имена и фамиліи, хотя никогда не были родня другъ другу и не имѣли рѣшительно ничего схожаго. Потомство Передѐрій искони существовало и по лѣвую сторону Маминьки; потомство Передѐрій искони существовало и по правую сторону Маминьки.—Дѣло въ томъ, что скопидомки-хозяйницы обѣ были еще и совершенно разнаго характера. Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была подвижная и румяная, съ носомъ, глядѣвшимъ вверхъ, или, иначе, съ носомъ, подающимъ большія надежды,—затѣйница подтрунить на чужой счетъ, затѣйница устроить свадьбу, устроить шумную катавасію въ посторонней семьѣ и потомъ весело и беззаботно обо всемъ посплетничать. Дарья же

Адамовна съ правой стороны, хотя была также ни чуть не прочь и подтрунить, и устроить свадьбу, и устроить катавасію, и потомъ обо всемъ посплетничать,—но зато почти никогда не улыбалась, никогда не вертѣлась и не двигалась такъ, какъ ея сосѣдка, все дѣлала, напротивъ, молча и сурово, безъ смѣха и прибаутокъ, безъ вѣтренной веселости и шума, и даже была нѣсколько падка́ къ мелонхоліи. Иначе, Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была, если можно такъ сказать, Дарья Адамовна—Комедія; а Дарья Адамовна съ правой стороны была, если можно такъ сказать, Дарья Адамовна—Трагедія; характеръ обѣихъ проявлялся во всемъ, до чего онѣ ни касались, и потому ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было смѣшать. И такъ какъ до этихъ двухъ сосѣдокъ главнымъ образомъ будетъ относиться вся наша исторія, мы скажемъ, какъ жили пани Передѐріихи, чѣмъ занимались пани Передѐріихи, и въ какихъ отношеніяхъ были другъ къ другу и къ остальному обществу Пельтетѐпинки... Въ то время, какъ сосѣди двухъ сосѣдокъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки,—а сосѣди были: на-лѣво, подъ гору—панъ Кислый, за нимъ—Юнаши́, за Юнаша́ми—Билики, далѣе пасѣчникъ Горобе́цъ, у котораго на головѣ не было ни единаго волоска, зато борода была, какъ фартукъ, такая бѣлая и всегда расчесанная; съ правой стороны, подъ ольховою рощицей—панъ Бубы́рь, далѣе панокъ бѣдненькій и тихенькій—Цуцыня́, за нимъ—ломатель жидовскихъ спинъ, весь заросшій усами и бакенбардами, панъ Чухрай-Перечу́хренко, возлѣ него—панъ Дешёвый, рядомъ съ нимъ—панъ Дорого́й; а тамъ и пошли Сморче́нки, Скубе́нки, Віе́нки, Павле́нки, Пупе́нки, Савчо́нки, Мине́нки, и

всякіе ёнки, пока, наконецъ, у самаго входа въ слободку, не возвышался домъ винокура, пана Ивана Побейшею,—въ то время, говорю, какъ упомянутые сосѣди двухъ сосѣдокъ занимались хлѣбопашествомъ, сами ходили за бороною и плугомъ, сами ковали лошадей и дергали шерсть съ козъ,—сосѣдки предоставляли свое хозяйство двумъ задорнымъ и зубастымъ наймичкамъ, хуторянкамъ изъ-подъ Волчьяго-Яру, а сами только солили огурчики, вялили грибки и вишеньки, вышивали кошельки милымъ сердцу панычамъ,—панычамъ, пожирателямъ дѣвичьихъ спокойствій, или, какъ говорятъ о нихъ, ненасытецкимъ сердцеѣдамъ и безпардоннымъ съумасводамъ,—и проводили время въ пріятныхъ разговорахъ... Въ то время, когда Маминька замерзала или пересыхала, онѣ посылали по вечерамъ просить дружка дружку на свѣчку, то-есть, какъ это у насъ водится, посидѣть, поболтать и поработать вмѣстѣ, не вводя себя въ лишній изъянъ по освѣщенію. Когда же Маминька пышно стремила воды свои по лону зеленыхъ береговъ, онѣ выходили, черезъ огороды, на берегъ и переговаривались другъ съ другомъ черезъ рѣчку...

— Ну, такъ какъ же тамъ у васъ все идетъ?—начинала Дарья Адамовна съ правой стороны, или Дарья Адамовна-Трагедія, поглядывая черезъ рѣчку и шевеля спицами шерстянаго чулка.

— Да ничего, тётенька, очень хорошо идетъ!—отвѣчала Дарья Адамовна-Комедія веселымъ и почтительнымъ тономъ, что̀ означало и прибавленное имя тетеньки, также шевеля спицами шерстянаго чулка.

— Ну, да какъ же это хорошо?—допрашивала су-

ровая сосѣдка, прищуривая глаза черезъ оловянные очки, осѣдлавшіе ея носъ.

— Да, такъ-таки, тётенька, очень хорошо!—подхватывала веселая сосѣдка, выставляя на показъ свои румяныя и свѣжія щеки.

— И терновку перелили въ бутыли?

— И терновку перелила въ бутыли!

— И кобелька пріобрѣли отъ городничаго?

— И кобелька пріобрѣла отъ городничаго!

— Ну, и солодъ уварили, Дарья Адамовна?

— И солодъ уварила, Дарья Адамовна!

— Скажите! вотъ-какъ!.. Такъ, значитъ, и борова посадили въ сажъ къ розговѣнамъ?

— И борова посадила!

— Вотъ какъ! скажите пожалуйста!.. Это очень, скажу вамъ, любопытно, Дарья Адамовна!—произносила угрюмая сосѣдка, то блѣднѣя, то краснѣя отъ злости...

— Да-съ, очень любопытно!—подхватывала, сверкая румяными щеками, сосѣдка веселонравная:—а вамъ-то что, завидно, что-ли, тётенька?

— Ну, матушка, завидно не завидно, а скажу вамъ по правдѣ, что сегодня вашъ селезень переплылъ ко мнѣ въ огородъ!

— Ну, такъ что же, что селезень мой переплылъ къ вамъ въ огородъ?

— А то же, матушка, что каналья я буду, если не сверну ему головы!—произнесла при этомъ Дарья Адамовна-Трагедія, превращаясь въ полотно и едва шевеля отъ волненія спицами чулка.

— Ну, матушка, говорите это поповой кобылѣ, а

не мнѣ! Да я еще и посмотрю, какъ вы свернете селезню голову!

— А что развѣ?

— Да то же, что каналья и я буду, если и вамъ тогда не сверну головы!

— Мнѣ?—подхватывала мрачная сосѣдка, улыбаясь и задыхаясь отъ бѣшенства.

— Вамъ, именно вамъ!..

— Ну, тогда уже позвольте вамъ послать дулю!— произносила запальчивая Дарья Адамовна-Трагедія, свертывая пальцы въ шишъ и протягивая ихъ въ направленіи къ лѣвой сторонѣ...

— А ужъ позвольте ихъ при этой вѣрной оказіи послать вамъ цѣлыхъ двѣ!—замѣчала Дарья Адамовна-Комедія и тутъ-же посылала черезъ рѣчку обѣщанное... Дарья Адамовна-Трагедія на это совершенно терялась и, помолчавъ, изъявляла убѣжденіе, что съ такою злодѣйкой, какъ Дарья Адамовна (не она, а другая Дарья Адамовна!), надо говорить, наѣвшись гороху. На это Дарья Адамовна веселонравная, въ свой чередъ, заливалась дребезжащимъ хохотомъ, который далеко разносился по рѣкѣ, и говорила:

— Да вы, Дарья Адамовна, мерзавка!..

— И, матушка!—отвѣчала на это сосѣдка суровая:— мерзавка не мерзавка, только всѣмъ извѣстно, что у васъ отъ клубники губы пухнутъ!

— Какъ пухнутъ? — спрашивала озадаченная Комедія: — этого быть не можетъ, этого никогда я не замѣчала!

— Очень можетъ быть, и замѣчала это я, я, я!— прибавляла съ ожесточеніемъ Трагедія.

— Ну, когда пухнутъ губы, такъ я же вамъ доложу, что вы въ шкафу, въ спальной, держите водку на сосновыхъ шишечкахъ и пьете ее каждый день по пяти, а иногда по шести рюмокъ, и отъ того у васъ носъ краснаго цвѣта — отливаетея и наливается, какъ термометръ, и глаза не свои!

— „Тьфу“ — плевала на это негодующая пани съ правой стороны, и, сказавъ: — вотъ же вамъ за это что! — уходила домой переволнованная и сконфуженная до-нельзя...

Иногда такая бесѣда кончалась неожиданнымъ миромъ, и каждая пани, сказавъ: — „Ну, матушка, вы себѣ, если хотите, гуляйте, а мнѣ пора чай пить!“ — расходились по домамъ. Но въ другое время, вслѣдъ за дулями и громкою личною перебранкой, утомленныя пани высылали на рѣку своихъ наймичекъ, и зубастыя наймички звонкими, раздирающими дискантами оглашали окрестность и перестрѣливались не хуже запальчивыхъ героевъ Иліады. — „Да ты уже замолчи!“ — кричала одна наймичка другой, стоя не плетнѣ огорода: — „ты уже замолчи, потому что я уже знаю, какая ты!“ — „А какая же я?“ — подхватывала противница, также стоя на плетнѣ.— „Да такая же, какъ и твоя мать!“ — „А какая же моя мать, сякая ты, такая?“ — „Да такая же, какъ и ты!“ — „А я какая, сякая ты, такая?“ —Такая же, какъ и твоя мать!“ И этотъ речитативъ тянулся нескончаемо, при сбѣжавшихся съ обѣихъ сторонъ Маминьки зрителяхъ, разжигаемый еще поощрительными криками самихъ хозяекъ... Наконецъ и этого еще было мало: хозяйки расходились по домамъ и, въ пику дружка дружкѣ, каждая именовала свою свинью или слѣпую кобылу

Дарьей Адамовной, и слободка долго волновалась, раздѣлившись на два враждебныхъ лагеря, ратующіе каждый за свою обывательницу и незнающіе пощады и снисхожденія... Но такова судьба человѣческаго сердца! Подходили чьи-нибудь именины или крестины, и обѣ сосѣдки, если былъ случай переправиться черезъ рѣчку, встрѣчались снова друзьями и, ухватившись за руки, чмокали дружка дружку въ губы, произнося; — „Ахъ, это вы, душечка!“ — и получая отвѣтъ: — „Да, душечка, это я!“

Однажды (случилась эта исторія въ самую засуху, когда Маминька не дѣлила Пельтетёпинки на двѣ разныхъ слободки) тотчасъ послѣ обѣда Дарья Адамовна-Комедія прибѣжала, запыхавшись, къ Дарьѣ Адамовнѣ Трагедіи, залилась слезами и упала ей на грудь... — „Что съ вами, душечка?“ — спросила хозяйка. — „Ахъ, и не спрашивайте, милашка, я такъ взволнована, такъ взволнована!“ — отвѣтила гостья и снова залилась слезами. — „Да что тамъ такое?“ — спросила хозяйка, оставляя чулокъ и снимая очки. Гостья на это достала платокъ, отерла глазки, отерла щечки и, вынувъ изъ-подъ лифа письмо, сказала: — „Вотъ, послушайте, душечка! вотъ какой со мной сдѣлался неожиданный случай!“ — сказала и прочла вынутое письмо...

...„Милостивая государыня и если смѣю такъ назвать другъ не только мой, но и всего человѣчества! Успѣхи дружбы вашей ко мнѣ заставляютъ сдѣлать открытіе, я влюбленъ, голову совсѣмъ потерялъ! разумѣется вотъ вамъ участь, блаженство посланное, а моя, чѣмъ же я, виноватъ, хоть въ рѣчку? сна не имѣю, цѣлую ваши ручки, если же когда вы обратите взоръ на меня, то прошу

не откажите подарить меня вашею рукой, вы меня знаете, теперь же пришлите мнѣ нитокъ на карпетки всего одинъ мотокъ и не забывайте дрожащаго.

Ивана... (фамилію гостья прикрыла пальцемъ), а также и шерсти только той которую купили въ городѣ, а не вашей, а письмо держите въ секретѣ!“

Гостья кончила, но не могла произнести отъ волненія ни слова и сидѣла, потупясь, какъ пойманная съ папироской пансіонерка...

— Ну, что же, шерчикъ, очень рада! — возразила суровая хозяйка:—женихъ нашелся, не надо упускать! вотъ и все!

— Ахъ! — воскликнула гостья и снова повисла на шеѣ хозяйки, и снова зачастили по щекамъ ея радостныя слезы...

Вслѣдъ за этимъ сосѣдки стали шушукаться, шушукаться, и шушукались до тѣхъ поръ, какъ вечеръ наконецъ застлалъ окна темнотою, и собесѣдницы совершенно потонули въ сумракѣ маленькой гостиной. Такъ шушукались сосѣдки и на другой день, и на третій день, и цѣлую недѣлю, и положили, наконецъ, увѣдомивъ милаго жениха, начать дѣлать приданое... Черезъ недѣлю послѣ этого рѣшенья, сосѣдка, получившая письмо, сидѣла также дома и также сидѣла послѣ обѣда, какъ вдругъ дверь отворилась, и въ ея гостиную вошла Дарья Адамовна-Трагедія. Дарья Адамовна-Трагедія вошла молча, молча поклонилась, молча и таинственно сѣла на диванъ... На рукѣ ея, на шнуркѣ, висѣлъ походный чемоданъ (такъ называли въ слободкѣ ридикюль гостьи); она раскрыла стальную пасть чемодана и стала оттуда вынимать на столъ разныя

вещи. Вышелъ оттуда клубокъ голубой шерсти и двѣ огромныя деревянныя спицы съ начатымъ чулкомъ; вышелъ оттуда бронзовый наперстокъ въ видѣ волчьей головы; вышли изъ чемодана и другія походныя арматуры гостьи: тамбурная иголка, оловянные очки, рогулька для лентъ, костяная палочка для ковырянья въ ушахъ, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, два хлопка корпіи изъ морскаго каната для затыканья ушей отъ простуды, стальной игольничекъ, въ видѣ флейты, ножницы и кирпичъ, обернутый въ вышитый гарусомъ чехолъ, для пришпиливанія работы. Суровая гостья разложила все это въ большой симметріи на столѣ, поковыряла въ ушахъ уховерткою, заткнула ихъ новыми хлопками изъ морскаго каната, надѣла нитяныя перчатки безъ пальцевъ, осѣдлала носъ очками и, вооружась спицами, произнесла:

— Ну, матушка, а я къ вамъ тоже съ новостью!

— Съ какою новостью? — спросила хозяйка, настороживъ уши, какъ моська, въ то время какъ, перележавъ всѣ бока у ногъ мечтающей хозяйки, она неожиданно услышитъ: „Жю-жжю!“ или: „Фиддель, ты филасёфствуёшь?“ и подниметъ къ хозяйкѣ оскаленную мордочку... Гостья покинула спицы, взглянула черезъ очки, покачала головою, причемъ заколыхался на ней накрахмаленный, огромный чепецъ, распущенный, какъ перья на шлемѣ древняго рыцаря, и сказала: — „Ну, пропала и я, душечка!“ — и, сказавъ: „Ну, пропала и я, душечка!“ —вынула изъ ридикюля письмо и стала его читать:

...Милостивая государыня и если смѣю такъ назвать другъ не только мой, но и всего человѣчества Дарья

Адамовна! Не терзайте меня, а я готовъ сейчасъ жениться на васъ! У меня наслѣдство семь десятинъ и пасѣка около Катышевахи жду отвѣта, не мучьте, потому что мучить можно муху или что-нибудь другое, но не мучьте меня нѣжный другъ, душечка! Слова ваши льются какъ алмазы изъ вашей фортуны, когда васъ слушаю и притомъ у васъ чисто русское сердце.

Иванъ... (фамилію гостья прикрыла также пальцемъ).

„*Милостив... Сіятельство... Проба пера...*

— Нѣтъ!—прибавила гостья, перевернувъ письмо:— эти слова попали сюда нечаянно, они находятся уже на другой сторонѣ письма!..

Хозяйка замерла отъ удивленія, думая про себя: „И въ этакую старуху, и въ этакую нюню — и влюбляются!“ —и произнесла, кусая губы:—Что же, Дарья Адамовна? счастье! Поздравляю отъ всей душу! Не надо упускать такого счастья!“ —Гостья при этомъ словѣ стала опять смотрѣть черезъ очки, медленно сложила письмо, закачала перьями шлема и заключила хозяйку въ объятія...

Гостья и хозяйка стали снова шушукаться, шушукались-шушукались, положили также шить приданое, и посѣтительница, нагрузивъ снова извѣстный уже чемоданъ, покинула лѣвую сторону Маминьки не прежде, какъ ночь сошла на дремлющую землю и въ рѣкѣ заколыхался живоподвижный свертокъ червонцевъ, брошенный съ неба полнымъ, яркимъ мѣсяцемъ... Вотъ, пришелъ сороковой день рожденія Антона Миныча Мо́рквы, у котораго, какъ уже также извѣстно, во рту была всегда недокуренная сигарка и однажды ужинъ состоялъ изъ двадцати

двухъ блюдъ,— пришелъ день рожденія Антона Миныча, и Антонъ Минычъ увидѣлъ вдругъ весь домъ свой полнымъ, какъ тарелка съ пшеницею, отобранною для пробы на посѣвъ. Скрипачи, съ слѣпымъ цымбалистомъ, напиливали за завтракомъ и обѣдомъ; за дессертомъ предстала на столѣ вавилонская башня изъ леденца и тѣста, изъ которой выскочила потомъ живая курица и много напугала и насмѣшила дамское общество.—Послѣ обѣда, увидѣвшаго гибель двухъ или трехъ дюжинъ бутылокъ старой, неподслащенной сливянки, когда двѣ рослыя дѣвки, наймички Антона Миныча, въ пучкахъ и тяжинныхъ юбкахъ, внесли въ залъ дымящуюся чашу варенухи, — послѣ обѣда общество засѣло — частью играть въ шашки, а частью въ карты, въ любимую игру носки...

— Да помилуйте, да что же вы дѣлаете, да эдакъ вы лишите меня носа! — вскрикивалъ панъ Макитра, тотъ самый, который походилъ на картоннаго музыканта, подергиваемаго спрятанною сзади ниткою, подставивъ пану Холодному раскраснѣвшійся носъ; а панъ Холодный не слушалъ его и, прищурившись, съ свирѣпою радостью хлопалъ его по носу картами, какъ кузнецъ по раскаленной шинѣ, хлопалъ и еще злобно приговаривалъ... Слезы давно бѣжали по щекамъ пана Макитры, панъ Макитра уже чувствовалъ ознобъ въ поясницѣ и шеѣ, который чувствуютъ всѣ подвергаемые хлопанью по носу картами, какъ вдругъ въ дальнемъ углу комнаты, въ густомъ дыму сампантре, голосокъ пана Дудочки произнесъ:—„А вы, господа, не знаете, а у насъ теперь двѣ новыя невѣсты!“ — Какъ мужчины Пельтетепинскіе ни считали лгуномъ пана Дудочку, какъ

они надъ нимъ ни трунили и ни потѣшались, но тутъ рѣшительно не вытерпѣли и подступили къ нему съ разспросами, позабывъ и о картахъ, и о носѣ пана Макúтры...

— Да кто же это такія невѣсты? да вы о комъ говорите? — допрашивали Дудочку любопытные панкú, тѣснясь къ нему со всѣхъ сторонъ. Дудочка сдѣлалъ изъ своего лица лицо торжественное и мѣрнымъ шопотомъ произнесъ: — „А это, господа, наши пани; это — Дарья Адамовна Передерій и ея сосѣдка, тоже Дарья Адамовна Передерій!“ — „Да ты, братъ, врешь?“ — замѣтилъ прямо панъ Холодный, дѣлавшій дѣтямъ своимъ, какъ уже извѣстно, собственноручно куклы и въ то же время, также собственноручно, сѣкшій ихъ каждую субботу. — „Ну, ей-ей же, это правда! Ну, чтобъ же у меня ротъ передернуло, если это не такъ!“ — произнесъ панъ Дудочка обычное свое утвердительное слово: — „а онѣ даже и приданое уже стали шить!“ — Панъ Холодный на это уставилъ лобъ въ землю, а общество единогласно рѣшило идти къ хозяину дома объявить ему услышанную новость. — Хозяинъ дома былъ найденъ обществомъ въ гостиной, гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ на коврѣ, въ кругу обступившихъ его дамъ, и объяснялъ, едва ворочая языкомъ, что это не день его рожденія, а день его сердца, потому что столько милыхъ особъ сошлось привѣтствовать его сердце.

— „Сердце, братъ, сердцемъ!“ — произнесъ на это, входя въ гостиную, съ разбитымъ носомъ, панъ Макúтра: — „а дѣло, братъ, въ томъ, что наши пани Передеріихи обѣ, съ недавняго времени, невѣсты!“

Пани Передеріихи на это вскрикнули: — „Ахъ!“ —

хотѣли было бѣжать, но тутъ же и остались и взволнованнымъ голосомъ, по требованію собранія, объявили, что точно онѣ невѣсты и что каждой изъ нихъ сдѣлано предложеніе со стороны достойныхъ людей, извѣстныхъ обществу. Хозяинъ, совладавъ не безъ трудностей съ сигаркою, которая, при настоящемъ безсиліи языка, рѣшительно мѣшала ему говорить, пригласилъ взглядомъ собраніе сѣсть и спросилъ у двухъ переконфуженныхъ дамъ имя жениха каждой изъ нихъ... Гулъ и крики поднялись въ гостиной, едва дамы исполнили желаніе хозяина. Онѣ обѣ, и въ одно и тоже время, произнесли требуемыя имена, и эти имена у обѣихъ оказались именемъ фельдшера сосѣдней слободки, который незадолго передъ тѣмъ гостилъ въ Пельтетепинкѣ и лѣчилъ открывшуюся тутъ болѣзнь овецъ. Въ гостиной прозвучало имя — Ивана, Андреева сына, Напрѣева.

— „Извергъ, варваръ, душегубъ, мерзкій волокита! да его надо отправить туда, гдѣ козамъ рога правятъ!“ — кричали гости, намекая на сосѣдній уѣздный городъ, мѣсто правосудія: — „да чтобы надъ нимъ свѣтъ не свѣтилъ и праведное солнце во вѣки не всходило!“ — Пошли толки, соображенія и выводы. — Но, сколько гости ни толковали, сколько ни соображали и ни выводили, сколько ни утѣшали Дарью Адамовну съ правой стороны и Дарью Адамовну съ лѣвой стороны, никто ничего не придумалъ для поправленія печальнаго дѣла. Одинъ изъ гостей, именно какой-то заѣзжій нѣмчикъ, Густавъ Густавычъ, — котораго сосѣдніе панкй звали Остапъ Остапычъ и прозвище которому припечатали Мадаменко, по тому случаю, что

онъ былъ сынъ гдѣ-то проживавшей гувернантки мадамы,—изъяснилъ, что надо на него подать жалобу въ уѣздный судъ; другой, именно поклонникъ французскаго языка, панъ Чубченко, съ флюсомъ, почему у него лѣвая щека была въ видѣ огромнаго яблока, говорилъ, что жалобы подавать не надо, а надо его оттаскать за виски и взъерепенить ему хорошенько марфу́тку (этимъ намекалось на бока фельдшера); остальные, наконецъ, говорили, что не надо его ни таскать за виски, ни взъерепенивать ему марфу́тки, а надо съѣздить къ какому-то Силентію Викентьичу Шо́коло, который хотя былъ такъ себѣ,—Богъ съ нимъ!—но все-таки былъ хорошій человѣкъ, курилъ не корешки, а цѣльный роменскій табакъ, и зналъ уже, какъ учить такихъ молодцовъ, какъ фельдшеръ. Посыпались новыя догадки и предположенія, догадки и предположенія смѣшались, наконецъ, въ неясный гулъ, и все въ этомъ гулѣ потонуло, какъ вдругъ въ дверяхъ гостиной показалась высокоумная и высокоуважаемая пани, пани Сенклетѣя Повсѣкакьевна Дра́тва, которую хозяинъ позабылъ пригласить на свой праздникъ и которая, между тѣмъ, какъ позабытая на крестинахъ сказочная фея, сама явилась на этотъ праздникъ. Пока Антонъ Минычъ стоялъ передъ нею и, заикаясь, излагалъ свои извиненія, гордая и рѣшительная пани выслушала наскоро разсказъ о происшедшей исторіи и, громко потребовавъ трубку, усѣлась на диванъ, затянулась, какъ любой гусаръ, пустила рядъ колецъ, пронизала эти кольца особою струйкой дыма и, подбоченясь, произнесла:

— А пани Передеріихи лучше всего сдѣлаютъ, ес-

ли сей же часъ сядутъ въ мою бричку и поѣдутъ со мною къ этому подлецу!

Собраніе единодушно одобрило мысль пани Дра́твы и проводило изъ оконъ глазами скрывшуюся въ концѣ слободки бричку... И покатила эта бричка прямо къ коварному фельдшеру; но покуда бричка ѣдетъ къ коварному фельдшеру, скажемъ, кто была пани Дра́тва и кто былъ самъ коварный фельдшеръ...

Сенклетѣя-Повсѣкакьевна Дра́тва представляла весьма интересныя черты. Она была необыкновенная хозяйка, сама молотила рожь, сама дергала за усы пьянаго работника, сама стряпала на кухнѣ и была грозою всей Пельтетепинки. Ее боялись и слушались, какъ мы, школьники, во время о́но, боялись и слушались нѣкоего бѣглаго прусскаго фельдфебеля, бывшаго у насъ учителемъ географіи и литературы,— фэльдфебеля, откладывавшаго изъ жалованья постоянно часть для платы пени сторожамъ, лишеннымъ къ каждому первому числу нѣсколькихъ зубовъ на верхней или на нижней челюсти. Однажды съ пани Дра́твой былъ любопытный случай. Она пригласила къ себѣ исправника, и по этому случаю ея единственный слуга и косарь, Микита, былъ взятъ съ поля, одѣтъ въ суконную куртку и набойчатые шаровары и введенъ въ буфетъ.—„Ну, Микита“,—говорила пани Дра́тва, вручая ему огромный подносъ съ чашками:—„вотъ это тебѣ чашки! Смотри же, прежде всего подавай исправничихѣ: она такая полная, и ты, какъ войдешь, сейчасъ ее увидишь!“— Микита бережно вступилъ въ гостиную, окинулъ взоромъ полукругъ гостей и потерялся, потому что, въ

двухъ или трехъ мѣстахъ полукруга, увидѣлъ одинаково полныхъ паней: пани исправничиху, пани протопопицу и пани винокуршу! Онъ кашлянулъ и ступилъ къ протопопицѣ.—„Не туда, Микита!“—шепнула съ досадою хозяйка, дергая его за поясъ. Микита повернулся и потерялъ присутствіе духа; онъ захлопалъ глазами и въ туманѣ направился къ какому-то невзрачному панычу.—„Не туда, Микита!“—шепнула хозяйка, опять дергая его за поясъ. И Микита ступалъ то вправо, то влѣво, до той поры, а пани Дра́тва, говоря:—„Не туда, Микита! Не сюда, Микита!“—также до той поры дергала его за поясъ, что поясъ, наконецъ, развязался и Микита очутился среди комнаты превращенный, какъ переодѣтая въ секунду танцовщица въ балетѣ.—„Вотъ такъ, пани ма́тко!“—сказалъ Микита, стоя съ подносомъ среди ошеломленныхъ гостей:—„додергались до того, что теперь уже Микита совсѣмъ ни туда, ни сюда!“ Это происшествіе обошло далеко околотокъ, несмотря на всю любовь панковъ къ пани Дра́твѣ.—Что касается до фельдшера, то послѣдній былъ еще замѣчательнѣе пани Дра́твы.—Онъ былъ то, что называютъ бѣлый арабъ: съ крупными губами и курчавыми русыми волосами! Ходилъ онъ тихо, говорилъ тихо, чихалъ тихо, смѣялся тихо, даже обычныя слова: „Какъ ваше здоровье?“ или: „А что, какова теперь погода?“—говорилъ на ухо и шопотомъ, точно сообщалъ какія-нибудь соблазнительныя неприличности. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ былъ большой хитрецъ и изъ-подтишка иногда достигалъ осуществленія такихъ плановъ, о которыхъ не смѣли подумать и болѣе смѣлыя души...

Когда онъ былъ еще въ ближнемъ городкѣ и учился медицинѣ у одного доктора, весельчака, азартнаго игрока въ банкъ и общаго друга и свата, онъ обыкновенно уходилъ рано по-утру на рынокъ играть съ мясниками въ шашки и всегда возвращался домой съ бараньимъ бокомъ, связкою загибенекъ или филейкою, частью говядины для жаркаго. Поселившись на слободкѣ, у какой-то троюродной тетки, Напрѣевъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ сосѣднихъ маменекъ. Ему, на масляную, нерѣдко навязывали сюрпризомъ на ногу деревянную колодку, провозвѣстницу свадьбы, и заставляли отъ нея выкупаться... Напрѣевъ не выкупался, потому что былъ страшно скупъ и не любилъ терять даромъ гривенниковъ и полтинниковъ; колодкамъ же былъ очень радъ и не упускалъ случая поволочиться за смазливыми хуторянками. Иногда въ кадрили онъ вдругъ говорилъ своей дамѣ:—„Позвольте, сударыня, поцѣловать вашу ручку?“—На это дама отвѣчала:—„Ахъ! какъ это можно! у васъ есть своя!“—„Своя дѣло другое, а ваша лучше и можетъ меня осчастливить!“—замѣчалъ косвенно фельдшеръ, намекая на весьма понятный голосъ сердца, и былъ, словомъ, любезнѣйшій и милѣйшій въ околоткѣ молодой человѣкъ.

Однажды чуть даже не устроилъ онъ свадьбы; но дѣло неожиданно разошлось, и разошлось по весьма странной причинѣ. Невѣста Напрѣева оказалась совершенно чуждою познанія многихъ общественныхъ словъ. Пріѣхавъ однажды къ матери невѣсты и не заставъ ее дома, Напрѣевъ чмокнулъ невѣсту въ губы и произнесъ:—„Скажите, душечка, мамашѣ, что я былъ съ визи-

томъ!“ — „Съ визитомъ?“ — спросила простушка, а время тогда было зимою: — „отчего же вы не попросите его въ комнату? еще какъ бы не замерзъ!“ Въ другое время, возстановляя здоровье невѣсты, нарушенное коликою отъ гречневыхъ блиновъ съ постнымъ масломъ, фельдшеръ сказалъ: — „Кушайте и борщикъ, душечка, съ аппетитомъ, и уточку кушайте, и варенички кушайте, съ аппетитомъ!“ — „Да я посылала уже за аппетитомъ“, — отвѣчала простушка-невѣста: — „да только его совсѣмъ не нашли на базарѣ!“ Напрѣевъ закусилъ губы, ловко отказался отъ обѣщанной руки, и, когда аккуратная маменька невѣсты намекнула ему о долгѣ, о занятыхъ у нея двадцати пяти рубляхъ, Напрѣевъ также ловко составилъ къ ней объяснительное письмо и въ концѣ этого письма замѣтилъ: — „А что касается, сударыня, до приведеннаго здѣсь долга, то я одинъ лишь долгъ чувствую — именно долгъ совершеннаго почтенія и преданности, съ коими имѣю честь быть навсегда и во вѣки такой-то!“ — Къ такому-то коварному человѣку подкатила, наконецъ, бричка съ тремя пельтетепинскими дамами. Но къ чему описывать, къ чему изображать, какое печальное и тягостное окончаніе имѣла эта затѣянная поѣздка? Къ чему это изображать? Краска выступаетъ на лицѣ автора, и еслибы онъ могъ очутиться въ эту минуту въ своей книгѣ, очутиться въ видѣ какой-нибудь буквы, среди изображаемыхъ имъ строчекъ, онъ увидѣлъ бы, вѣроятно, краску и на щекахъ читателя! Сенклетѣя Повсѣкакьевна вошла къ фельдшеру, стала передъ обманщикомъ, держа за руки трепещущія жертвы, и произнесла: — „А ну-ка, голубчикъ,

говори, какая изъ этихъ двухъ дамъ избрана тобою? Говори! Письма-то ты писалъ къ нимъ обѣимъ!“— Напрѣевъ, въ положеніи, которое можно сравнить съ положеніемъ пуделя, застигнутаго въ кухнѣ надъ приготовленными къ столу котлетами, сталъ было запираться, къ ужасу обѣихъ жертвъ; но пани Дратва нагнала на него такого холоду, что коварный волокита закрылъ лицо руками, опустился къ ногамъ дамъ и чуть слышнымъ отъ страха и смущенія голосомъ пролепеталъ:—„Это я, Дарья Адамовна, нарочно... это я не влюбленъ... это я... боровъ... я хотѣлъ выпросить у васъ борова на заводъ и сказалъ вамъ!..“

Предоставляю читателю вообразить все негодованіе и весь ужасъ Пельтетепинскихъ дамъ, быстро покинувшихъ жилище коварнаго волокиты, и замѣчу только, что все недоумѣніе произошло вслѣдствіе того, что посланный фельдшера отдалъ письма, навѣденный въ ошибку по случаю одинакихъ именъ сосѣдокъ, не одной, которой они адресовались, а обѣимъ вмѣстѣ, и что фельдшеръ, дѣйствительно, зимысливъ выманить у Дарьи Адамовны съ лѣвой стороны для завода борова, рѣшился достигнуть этого сердечнымъ путемъ... Признаніе фельдшера было въ тотъ же вечеръ у Антонъ Миныча Мо́рквы сообщено всему Пельтетепинскому обществу, и Пельтетепинское общество повело противъ безсовѣстнаго волокиты такія мины, что не прошло и году, какъ этотъ волокита покинулъ ближнюю слободку и, подъ видомъ *будущаго*, прописаннаго въ подорожной одного проѣзжаго офицера, уѣхалъ и съ той поры пропалъ безъ вѣсти... Сосѣдки скоро успокоились и попрежнему теперь

снова выходятъ на берегъ Маминьки; выходятъ переговариваться, ссорятся и мирятся, мирятся и ссорятся, и служатъ знаменемъ дружбы или раздора для двухъ сторонъ слободки Пельтетепинки, и служатъ украшеніемъ обѣихъ сторонъ общества милыхъ и достойныхъ панкóвъ слободки Пельтетепинки...

VII.

СЛОБОДКА.

СЛОБОДКА.

Вахрамàны—старинная малороссійская слободка, Вахрамáны—слободка на рѣчкѣ Балаклейкѣ. Что же это за слободка и гдѣ лежитъ она? Лежитъ-ли она среди дубоваго лѣса; сбѣгаетъ-ли зелеными садами къ морю; бѣлымъ-ли стадомъ, среди колодцевъ и тополей, раскинулась по влажной луговинѣ; или сидитъ себѣ бочкомъ, брошенная въ разсыпку на маковкѣ изрытаго дождями песчанаго косогора, сидитъ себѣ, свѣсившись въ одну сторону надъ синѣющими равнинами болотъ и залежей, а въ другую—надъ шахматными коврами черныхъ пахатей и пышныхъ озимей, клубящихъ по вѣтру свои перлово-оранжевыя волны? Гдѣ она, эта слободка? И куда лежитъ къ ней пустынная, малопроѣзжая дорожка?.. Слободка лежитъ далеко-далеко, тамъ, гдѣ надъ степью возвышается курганъ, курганъ уединенный и зеленый, вокругъ котораго на привольи гуляетъ вѣтеръ! Съ него глядѣли, съ этого кургана, и сторожевые дикари, поджидая издали родныя полчища, съ гикомъ несущихся на степь, ордынцевъ; глядѣли нѣкогда и суровые жрецы, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ поднятыми къ небу руками, дымившіе передъ суровыми истуканами кровавыя жертвы,

жертвы во славу и спасеніе склонившихся вокругъ холма суровыхъ легіоновъ! Все измѣнилось! Не видно болѣе на курганѣ косматыхъ сторожей; нѣтъ болѣе на немъ и жрецовъ въ бѣлотканныхъ одеждахъ. Съ пустыннаго кургана глядитъ дикій коршунъ, недвижно сидя въ ожиданіи новой добычи, да глядитъ съ него еще, забытая временемъ и отошедшими безъ вѣсти народами и обычаями, вросшая по поясъ въ землю, каменная баба. Эта каменная баба съ величайшею флегмою упираетъ косые, сѣрые глаза въ пустынный воздухъ, и все равно ей, темно или свѣтло на небѣ, покрыта-ли земля цвѣтомъ и зеленью, или сувоями непроходимаго снѣга, и скучно или весело жить на свѣтѣ людямъ! Стоитъ каменная баба и смотритъ. А между тѣмъ, вокругъ нея, времена бѣгутъ и смѣняются временами, солнце катится и перекатывается, совершается торжественное шествіе пустынной жизни, и каждый мигъ уступаетъ мѣсто идущему за нимъ преемнику, безъ грусти и сожалѣнія, уступаетъ охотно и радушно, тихо и беззаботно, точно какъ будто его никогда и не было на свѣтѣ! Что же видитъ каменная баба? Какія картины встаютъ и вращаются, вспыхиваютъ и гаснутъ передъ ея недвижными взорами?..

Огромный, исхудалый грачъ съ шумомъ пролетѣлъ, каркая надъ степью. Въ воздухѣ повѣяло робкимъ, чуть слышнымъ тепломъ. Подъ косвеннымъ лучемъ затаяли пáточины и родники; звучно падаютъ первые брызги кáпели. Сомнѣнья нѣтъ: зима гдѣ-то близко, гдѣ-то не за горою, гдѣ-то встрѣтилась съ лѣтомъ! Сомнѣнья нѣтъ, блескъ и веселье на порогѣ!..

Весна!..

Рыжій байбакъ вскидывается отъ спячки, становится у подмытой норки на заднія лапки и пускаетъ по степи пронзительный, оглушающій, долгій свистъ. Сквозь кору гололедицы пробивается душистая коронка синички. Ранняя цапля летитъ, согнувъ длинную шею, на оттаявшее болото. Байбакъ, синичка и цапля несутъ весну. Весна идетъ радостно и привольно, идетъ, захватывая врасплохъ, идетъ, все будя и зажигая, все наполняя силами и жизнью! Вездѣ вода, вездѣ сверкающія водныя стекла, по которымъ стелется и бѣжитъ голубая паутина, едва пахнетъ и пронесется свѣжій, душистый весенній вѣтеръ! Проточины чернѣютъ и зеленѣютъ. Степь отливается, поочередно, то желтыми, то лиловыми, то яркопламенными красками. Взошла поводь, налетѣли туманы... Дикіе гуси плывутъ въ недосягаемой вышинѣ, плывутъ тупымъ угломъ, и вожатый, волнуя свой живоподвижной косякъ, оглядываетъ изъ-подъ бѣгущихъ, тонкихъ облаковъ поля и прибрежья, и окостенѣлый въ дуплѣ лѣсной груши ястребъ, отряхивая иней съ замерзшихъ крыльевъ, встаетъ и летитъ на добычу. Гдѣ же люди? Встрѣчаютъ-ли они также радостно весеннее ликованіе? — За лугами и пахотью, надъ косогоромъ, едва черкнула румяная заря, тамъ и сямъ, тихо поднялись въ воздухъ кудрявыя полосы дыма. Жилья не видно. Виденъ съ кургана только просторъ всюду оживающей степи. Но еслибы каменная баба встала съ кургана, освободила изъ-подъ земли свои неподвижные члены и пошла по направленію къ сверкнувшему раннему дыму, она увидѣла бы сбѣжавшій къ рѣчкѣ хуторокъ, увидѣла бы уютную слободку Вахрамаѣы. Иногда усталый, изнуренный зноемъ путникъ раздвигаетъ ру-

ками чащу дикаго кустарника, тщетно пролагая въ дубравѣ тяжелый свой путь, и вдругъ въ лицо его повѣетъ влагою, тѣнь осѣнитъ его, и побѣгъ чистой холодной струи затрепещетъ въ легкомъ сумракѣ тишины и свѣжести лѣсной чащи. Также неожиданно, словно изъподъ травы, является путнику уединенная слободка, слободка на рѣчкѣ Балаклейкѣ, слободка старинная, не новая, притаившаяся въ глубинѣ байрака, съ своими обычаями и нравами, притаившаяся, какъ забытый лѣтнимъ зноемъ снѣгъ запоздалой зимы, какъ отнесенная съ равнины успокоившагося моря щепка разбитаго бурею корабля.—О, весна еще радостнѣе встрѣчается на слободкѣ! Авдотья-кузнечиха пришла и стала надъ рѣками и озерами; Хіона-урви-берега пришла за нею. Щука хвостомъ разбила ледъ, и воды двинулись среди потопленныхъ луговъ. Егорій-съ-водой былъ не долго; Никола-съ-травой близится и замѣняетъ его; жаворонки рѣютъ, и слобожане поютъ: „прилетѣлъ куликъ изъ заморья, вывелъ весну изъ затворья!“ Весна идетъ по слободкѣ. Пѣтухи заливаются криками съ утра до вечера, заливаются на крышахъ и воротахъ соломенныхъ хатокъ; волы жмурятъ глаза, грѣя у заборовъ свои плотныя спины? Корова шумно дохнула и лижетъ оттаившее окно; а съ вошедшимъ въ хату ребенкомъ влетаетъ свѣжесть и какое-то обхватывающее душу благоуханье воздуха. Летятъ травники и поручейники; летятъ кряквы и тудаки. Ласточки снуютъ какъ мухи: далекій рѣзкій крикъ гуся оглашаетъ пустынные тростники; въ ближайшей гущинѣ кленовъ звучитъ и перезванивается золотая флейта иволги; а слобожанинъ, покинувъ объятія теплой печки, гдѣ лежалъ всю зиму въ просѣ,

куря трубку, уничтожая горячіе блины и любуясь молодою женой, вышелъ подъ навѣсъ хаты въ одной рубашкѣ и не безъ основанія полагаетъ, что иволга кричитъ: „Брось сани! возьми возъ!“ Пчелы засуетились, загудѣли и одна за другой вылетаютъ изъ улья вялыя и сонныя, вылетаютъ на луга и степи. Темнымъ вечеромъ, сѣвши на заваленкѣ, полновидая и чернобровая дивчина затянула пѣсню, ей вторятъ другія, и слободка зазвучала!—Пѣсни-веснянки идутъ по слободкѣ, сосѣднимъ луговинамъ и рощамъ. Пѣсни-веснянки поются шумными толпами слобожанской молодежи. Чернобровыя дивчата, въ лентахъ и монистахъ, поютъ: „по три гроша молодецъ, какъ печеный горобецъ“; лихачи-парубки, въ шапкахъ, заломленныхъ чертомъ, поютъ: „по копѣйкѣ баба, по полушкѣ дѣвка!“ Пестрая, дѣтская толпа прыгаетъ и, хлопая въ ладоши, кличетъ дождь; „дождь-дождемъ, поливай ковшемъ!“—прыгаетъ и поетъ: „иди, иди, дождикъ, сварю тебѣ борщикъ, и съ петрушкою, и съ капусткою, и съ желтыми печеричками!“ Дождь шумитъ и падаетъ, и благодатный солнцегрѣвъ словно тянетъ изъ земли пышныя травы и овощи. При первомъ ливнѣ дѣвушки подставляютъ подъ холодныя брызги свои пышныя плечи и нѣжныя щеки, а парубки свои густыя кудри. При первомъ громѣ слобожанинъ считаетъ долгомъ стать подъ заборомъ и подпереть его своею спиной. По улицамъ несутъ хлѣбъ, обложенный первой зеленью, несутъ деревянныхъ ласточекъ. Чтобы явилась сорока, кладутъ на дорогѣ къ колодцу сорокъ палочекъ, а школяры несутъ дьяку сорокъ бубликовъ; впрочемъ, веснянки еще не несутъ теплоты, будетъ еще сорокъ морозовъ! Сорока является, и дивчата и парубки идутъ

въ лѣсъ — закликать кукушекъ. На зеленой просѣкѣ ждутъ перваго крика птицы-предвозвѣстницы, бесѣдуютъ съ нею, ѣдятъ и пьютъ, и шумно открывается пора цвѣтныхъ игръ... Чеканчики, свинка и вдовья-лоза, горй-цвѣтъ, скрагли, хрещикъ и рябецъ идутъ и смѣняются другъ другомъ. Пастухъ выбранъ; съ каждой головы скотины обѣщано ему по грошу или по гривнѣ за лѣто; стадо двинулось въ поле, и дудка зазвучала. Мартовская брага ставится въ глубокіе подвалы, на случай близкихъ сватаній и обмѣна ручниковъ. Но прежде выбора пастуха и обмѣна ручниковъ, наступаетъ Ѳоминъ понедѣльникъ; идутъ на дѣдовскія и отчія могилы, идутъ, прежде воздѣланья нивъ земныхъ, на нивы божьи, гдѣ почіютъ сномъ безмятежнымъ отошедшіе работники земли, почіютъ давшіе жизнь племенамъ новымъ, племенамъ новымъ и счастливымъ. Слобожанинъ остается безъ шапки на родимомъ погостѣ; онъ молчитъ и трижды кладетъ земные поклоны,.. Но вотъ, просохшія пахати зовутъ въ поле. Еремей-запрягальникъ несетъ плугъ и борону; Ирина-разсадница копаетъ огороды и бакши; а вотъ, не за горами и Аграфена-купальница и Ѳедосья-колосница. Духовникъ ближняго мѣстечка совершаетъ крестный ходъ на нивы и озими. Полевыя работы начинаются: подсѣвки, засѣвки и досѣвки идутъ другъ за другомъ. За первыми всходами, на засѣянной нивѣ, послѣ общаго обѣда въ полѣ, на плугу, увитомъ цвѣтами, ата́манъ съ слобожанами возятъ на себѣ панъ-отца. Но вотъ, летитъ уже изъ лѣсу стонъ и звонъ воздушныхъ пѣсенъ. Появляется желтоногенькая, вѣчно тиликующая птичка: это — мучимая жаждой, это — птичка, по словамъ слобожанъ, вѣчно

просящая пить. Зной на порогѣ, лѣто не за горами.— А вотъ оно и настало!..

Лѣто!..

Какъ ярко и зелено кругомъ! Какъ кипитъ заботливая жизнь! На Зилота собраны быстро-отцвѣтающія цѣлебныя травы. Настаетъ зеленая недѣля. Свѣжесть и влага весны еще не закатились за синѣющіе холмы окрестностей. Пояса плетутся изъ травъ, шапки плетутся изъ травъ, вѣнки и черевики плетутся изъ травъ! Въ косяки хатъ втыкаются красные васильки, голубыя сокирки, панскій-макъ, нагидки, лилово-сизые колокольчики, павлиньи глазки. Всюду зелень, всюду травы, всюду радость. Дѣтвора дудитъ въ осиновыя дудки. Суровый чабанъ ладитъ лады и сердце на грубо-отесанной очеретяной свирѣли. На каждой русой головкѣ вѣнокъ, на каждой русой головкѣ любимый выборъ волошковъ, стебельковъ руты, и любистка, мяты, крученыхъ-панычей, гвоздики, чернобривцевъ, зинзивера и черевичковъ. Ковалева-Катря, у которой густыя брови, какъ черные жуки, сошлись и не расходятся, нацѣпила во всю косу, косу—шириною съ ея собственную ладонь, цѣлую лавку лентъ и увѣнчала ихъ огромнымъ пучкомъ калины. Сирота Хри́стя, у которой никто еще не видѣлъ улыбки, воткнула въ волосы вѣтку божьяго-листу и человѣчьяго-вѣку. Чабанова Хитка украсилась нечосой-панночкой; а полногрудыя и рослыя дочки зажиточнаго ата́мана,—ата́мана Самойлика, никогда не покидающаго своей палки, обвили положенныя вѣнцомъ надъ русыми головками русыя косы свои нитями вѣчно-зеленаго и вѣчно-любимаго барвинка, этого завѣтнаго, перваго друга степной дѣвической юности и

послѣдняго украшенія старческой, одинокой, степной могилы. И все это поетъ, и веселится, и ждетъ въ опьяняющемъ туманѣ радостей праздника завѣтнаго, праздника Ивана-Купала. Иванъ-Купало сходитъ на холмы и долины. Красный пѣтухъ зажаренъ; клей съ девяти деревъ собранъ; на перекресткѣ трехъ дорогъ подняты соломенки и сплетенъ вѣнокъ изъ девяти травъ, сорванныхъ на девяти холмахъ. Сглаженныя злымъ глазомъ выкупались въ ранней росѣ, и деревянный огонь, или царь-огонь, пріобрѣтенный отъ тренія двухъ вѣтвей лѣсной ивы, не слыхавшей ни шума воды, ни крика пѣтуха, ивы, изъ которой свирѣль способна даже мертваго заставить плясать, уносится съ торжествомъ въ поле изъ тихой слободки. Въ темную, безлунную ночь пространства степей, на цѣлыя сотни верстъ, мгновенно вспыхиваютъ и освѣщаются живыми огнями. Въ темную, безлунную ночь съ холма къ рѣкѣ, по отлогому берегу, кладутся вереницей десятки костровъ, и посмотрите, какъ обливаются блескомъ эти ленты и дукаты, широколистые вѣнки и груди, обнаженныя ноги и ярко вышитые подолы стройныхъ слобожанокъ, прыгающихъ подъ заунывныя купальскія пѣсни черезъ соломенные и посконные костры! А чучело марены изъ вѣщихъ травъ, изъ былицы, богатѣньки, одоленя и адамовой-головы, въ длинной бѣлой рубахѣ, въ желтой плахтѣ и въ монистѣ, въ вѣнкѣ изъ алыхъ махровыхъ маковъ и чернобыльника, стоитъ себѣ на холмѣ, среди тихоподвижнаго, громкаго хоровода. И чуденъ издали видъ быстро бѣгущихъ и волнующихся въ дыму и пламени слобожанокъ! И поютъ слобожанки про Ивашка и Оленку, про Петрочка и Парасю,

про Василька и Оксану, про Павлочка и Пидорку. И поютъ онѣ, какъ ходили дѣвочки около мареночки, около того Вудала-Купала, и какъ играло солнышко на Ивана. Съ шумомъ топятъ наконецъ въ рѣкѣ нарядную марену. И далеко разносится по темной долинѣ надъ рѣкою пѣсня: „Купался Иванъ и въ воду упалъ!“—И откликаетъ тонущая въ сумракѣ окрестность: „Иване, Иване, подъ гору зелененько, на мѣсяцѣ видненько, серденько!“—И катятся съ холма, обнявшись попарно, молодыя подружки, и катятся съ другой стороны, также съ холма, парубки; пары разрываются, и кто къ кому докатится, того и считаютъ за назначеннаго судьбой жениха. А между тѣмъ, головы болѣе безстрашныя собираются тайкомъ проскользнуть, до первыхъ пѣтуховъ, въ лѣсъ или на болото, гдѣ скоро зацвѣтетъ сатанинская трава папоротникъ, и не боятся они встрѣтить качающихся на вѣтвяхъ зеленыхъ русалокъ и синихъ, въ косую сажень величиною, ящерицъ, и не боятся они увидѣть сотни разсыпанныхъ по травѣ, огненныхъ ивановскихъ человѣчковъ! И самые хороводы завиваются и гремятъ надъ долиною, пока, наконецъ, страшнымъ голосомъ изъ лѣсу, не станетъ ихъ разгонять. Купало проходитъ, недалеко Петровка, недалеко задумчивыя, уныло-тихія пѣсни—петровочка, еще печальнѣе и еще элегичнѣе пѣсенъ купальскихъ. Слобожанинъ, между тѣмъ, не плошаетъ. Онъ уже надѣлъ на лицо волосяную сѣтку и ловитъ рои, съ шумомъ вылетающіе изъ пасѣки,—пасѣки въ уютномъ грушевомъ садикѣ. Онъ помнитъ, что завѣщала людямъ царица-пчела, отъ которой вышли всѣ на свѣтѣ пчелы: „Корми меня до Купала,

сдѣлаю изъ тебя пана". Приходитъ, наконецъ, Петровка, хлопотуньи хозяйки пекутъ вкусныя мандрыки. Замолкла кукушка, замолкла лѣсная провозвѣстница. „Отчего же это она замолкла?"—„Подавилась мандрыкою",—замѣчаетъ сѣдой, старый дѣдъ, обтесывая кривымъ рубанкомъ рукоятку для серпа своей внучки. Веснянки, купальскіе огни, петровскія пѣсни и кукушки прошли; царство зноя, царство жаровъ и засухи вступаетъ въ свои права. Утреннія росы кропятъ еще едва остывающую за ночь, жаркую грудь земли; колосъ зрѣетъ и наливается, и пышно волнуется червонно-золотая, сквозящая огнемъ нива новаго хлѣба. Немного печалятъ людъ Божій заломы колосьевъ: ночью чья-то невидимая рука надламываетъ тяжелые колосья; ну, да ничего! авось умолотъ будетъ хорошій. И вотъ, руки ломятся отъ размаховъ косы; спина ломится отъ сверканья кривымъ серпомъ; ноги ломятся отъ ходьбы по необозримой пажити. Работа идетъ живо и скоро. Обжинки, праздникъ новаго хлѣба, встрѣчаются съ сулеею вина и новыми пѣснями,—пѣснями косовицкими и гребовицкими; золотой вѣнокъ изъ колосьевъ, увитыхъ васильками, надѣвается на голову лучшей жницы. Священникъ опять является съ крестомъ и водою, среди разбросанныхъ кучами сноповъ и копенъ. Кутья изъ первыхъ зеренъ ячменя на мискѣ, убранной цвѣтами и листьями, отсылается въ церковь. А вотъ толпа, радостная случаю повеселиться, убрала послѣдній снопъ изъ послѣднихъ брошенныхъ колосьевъ на нивѣ, убрала его въ видѣ человѣка, съ руками и ногами и несетъ его съ торжествомъ на слободку, и слободка снова не умолкаетъ до зари. Покосы, запашки, засѣтки, помочи, за-

молоты, умолоты и перемолоты—идутъ вслѣдъ за обжинками. Спиридонъ-солнцеворотъ недалеко. На Макковеевъ производится макотрусъ, и пекутся шулики изъ маку и сдобныхъ коржиковъ. Наступилъ Спасъ медовый и Спасъ яблочный. Бьютъ пчелъ и выбираютъ медъ; тутъ пчела очень зла, и не одинъ является на косовицу съ дулею подъ глазами или цѣлымъ огурцомъ подъ губою. Ягоды зрѣютъ, бакши зрѣютъ, ленъ и конопля зрѣютъ. Потрепунки, колотушки, супрялки, порѣпицы, капустницы и дынекрадницы настаютъ на слободкѣ. Но что это? Куда стремится разряженная толпа? Возы скрипятъ, сапоги звенятъ подковами, алые черевики какъ жаръ горятъ. Въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, въ Лиманѣ, соборный праздникъ и ярмарка. Что же это за ярмарка? Продаются-ли тутъ кони и полотна, сукна и посуда? Стоятъ-ли тутъ гордымъ строемъ разноцвѣтныя палатки и самовары, наставляемые по тринадцати разъ въ сутки? Нѣтъ тутъ ни коней, ни полотенъ, ни суконъ, ни самоваровъ! Продается тутъ рыба-чехонь и птица-курица, торгуетъ тутъ нашъ братъ, слобожанинъ, торгуетъ чѣмъ попало, и хлѣбомъ, и дегтемъ, и солью, и всячиною, и чѣмъ только онъ задумаетъ. И поетъ тутъ свои безконечныя пѣсни, подъ звуки кобзаря, слѣпой кобзарь Гарбузъ, или знаменитый Петро Колѝбаба, или, наконецъ, и самъ Тростинецкій кобзарь,—Залавскій. Цыгане замолкли, крики торгашей замолкли, щебетухи-перекупки замолкли. Стоятъ слобожане кружкомъ, подперши головы руками и свѣсивъ чубы, стоятъ и слушаютъ кобзаря; и звучатъ потрясающіе, унылые переливы украинскаго речитатива, и звучатъ торжественныя думы о Голотѣ, о смерти атамана Ѳедора Безроднаго,

о Самойлѣ Кумкѣ, о Барабашѣ, о Морозенкѣ и о вѣчно любимомъ гетманѣ, о гетманѣ Хмельницкомъ — Богданѣ. — А не хотите-ли пѣсни другой, будничной, пѣсни сорокницкой? Кобза загремѣла, мѣхоноша повадырь дудитъ въ дудку и пошла гремѣть! „Ой бисъ мини раду давъ, що я соби бабу взявъ! Бабу, бабу, бабу, бабу, бабу взявъ!“ И внимающая толпа не выдерживаетъ, пускается въ плясъ и подхватываетъ съ громомъ: „Ой, сорока скрегоче, никто бабы не хоче! Бабы, бабы, бабы, бабы не хоче!“ И площадь мѣстечка долго гудитъ подъ сапогами веселыхъ слобожанъ. И далеко наконецъ разносятся слова пѣсни: „Ой, кто до кого, а я до Параськи!“ И громко льется слободское веселье. — Но вотъ, послѣдняя лѣтняя гроза ползетъ и застилаетъ половину неба. Укрывшись подъ развѣшенною на косѣ свиткою, лежитъ навзничь истомившійся косарь, лежитъ и не видитъ, какъ зловѣщая тѣнь перебѣгаетъ по копнамъ и сѣннымъ покосамъ, спавшее стадо поднимаетъ тревожно головы, и стая дикихъ утокъ летитъ, спѣша укрыться въ тростникѣ, котораго верхушки уже срѣзались и переклонились отъ набѣгающаго быстраго степнаго вихря. И вотъ, подулъ бурей вѣтеръ отъ солнца, несущій бури; звучно падаютъ первыя металлическія капли ливня, и цѣлое море дождя разомъ проливаетъ на жадную землю послѣдняя лѣтняя туча. Быстро падаетъ и быстро высыхаетъ этотъ дождь. Черезъ мигъ, кругомъ уже свѣтло, и въ лучахъ солнца купаются послѣдніе клочки летящихъ безъ вѣсти, влажныхъ облаковъ, а веселуха-радуга, переклонившись коромысломъ, тянетъ изъ ближней рѣки воду. Только на дальней, синѣющей луговинѣ поднялся дымокъ, подъ нимъ зардѣлась алая

точка, и стогъ сѣна, подожженный молніей, клубитъ летущее пламя. Но вотъ, Спиридонъ-солнцеворотъ наступилъ, солнце поворотило съ лѣта, а лѣто на холодъ... Заяцъ выкунѣлъ и сталъ, какъ въ мѣховыхъ штанахъ. Алое сукно клубники застилаетъ холмы и луговины. Въ байракѣ, за Балаклейкою, открыта волчья выводка. Поросята, что день, исчезаютъ въ ближнемъ стадѣ, и коренастый чабанъ, не безъ тревоги, посматриваетъ съ косогора на стада барановъ, тонущія въ густой, сквозящей головатыми маковками, полянѣ цвѣтовъ и травъ.— Осень!..

Семенъ-лѣтопроводецъ обходитъ сады, пашни и огороды: край неба на зарѣ багровѣетъ! Она радуетъ и не радуетъ, грѣетъ и не грѣетъ, эта чудно-суровая степная осень. На Воздвиженье уже сдвинулась свита и подвинулся кожухъ. Слобожанинъ выходитъ изъ хаты, становится противъ солнца и пристально смотритъ, блуждая взорами по опустѣлой окрестности... Сколько потрачено на эту землю силъ и трудовъ, заботъ и здоровья! Давно-ли шумѣли по ней лезвія быстрыхъ косъ, и косари, какъ паруса кораблей, рядами шли и расходились по луговинѣ? Давно-ли огни позднихъ ужиновъ усыпали звѣздами темнѣющее море степи, и за казанкомъ водки батраки ѣли пшенную кашу съ таранью, галушки съ перепелками? Дымъ, какъ саванъ блѣднаго привидѣнія, шелъ по полю и исчезалъ въ мерцаніи ночи, а багровый, гигантскій шаръ запоздалаго мѣсяца, какъ голова сказочнаго богатыря, тихо высовывался изъ-за двухъ кургановъ, посылая прежде себя пожаръ далекаго лѣса, или подобно раскаленному серпу, воткнутому въ далекій стогъ сѣна, алѣлъ на небосклонѣ... Давно-ли

скрипѣли по проселку возы, нагруженные снопами, и на подвижной громадѣ ихъ круглилась русая головка въ вѣнкѣ изъ ярко-голубыхъ васильковъ? Давно-ли?— А теперь въ полѣ скучно и пусто, скучно и бѣдно! Задумывается слобожанинъ и рѣшаетъ, что близко паутинье лѣто и похороны мухъ. Паутинье лѣто и похороны мухъ наступаютъ; летятъ по воздуху бѣлыя нити паутинокъ, сорванныя вѣтромъ. Вѣдьмы ловятъ на помелахъ эти нити и свиваютъ ихъ въ мотки на зиму. Въ арбузныхъ коркахъ строятъ могилки мухамъ; а день становится все менѣе и менѣе. Тернъ собранъ; арбузы на зиму насолены; сливянки, барбарисовки, смородиновки, черешневки, грушевки, клубниковки и всякія водянки настоены, слиты и укупорены въ завѣтныхъ дѣдовскихъ подвалахъ. Знахарки, навьюченныя травами и кореньями, десять разъ уже посѣтили сосѣднія балки и рощи. Дикіе журавли стадами бродятъ около копенъ сѣна и по курганамъ, выплясывая на солнцѣ другъ передъ другомъ неистовыя пляски. Молодой заяцъ мячемъ выкатывается изъ-подъ ногъ охотника. Рогъ звенитъ, и свора несется, чуть касаясь верхушекъ легкой травы. На тусклѣ небесъ снуютъ и чернѣютъ неподвижно распластанные кресты плавающихъ подъ облаками коршуновъ. Хлѣборобы, гречкосѣи, просомяты и домонтари жарче берутся за работу; одни чумаки, въ ожиданіи умолота пшеницы и обычнаго похода въ Крымъ за солью, лежатъ и грѣются подъ вишнями. Въ бондаркѣ звенитъ подъ новымъ обручемъ бочка. Волъ чешется о поднятую оглоблю воза, раскрашеннаго прохожимъ изъ Яковенковыхъ хуторовъ маляромъ. Молодица, вся подоткнутая и подвязанная, только-что выполоскала новую крашенину

и опрокидываетъ ушатъ съ водою, смѣшанною съ синькой, а румяный мельникъ, съ напудренною бородой и висками, остановился у своихъ воротъ и, изъ-подъ мѣшковъ съ горохомъ и просомъ, кричитъ проходящему кузнецу, чтобъ не забылъ подковать его новые желтые, козловые сапоги. На длинныхъ кольяхъ изгороди, перевернутые вверхъ дномъ, торчатъ зеленыя кубышки и миски, и локоны хмѣля, выглядывая изъ-подъ морщинистыхъ желтыхъ тыквъ, выросшихъ на зоборѣ, взбѣгаютъ на жерди и вьются на воздухѣ махровыми кружевами. Среди слободки появляются навьюченные мѣшками и связками покупщики щетины, пеньки, перьевъ, полотна, воску и меду; товаръ мѣняется на гребни и иголки, на ленты и бусы. А вотъ и вирій начался. Въ теплыя страны, въ страны приморскія улетаетъ всякая птица. Плывутъ въ небѣ нити дикихъ гусей и стрепетовъ, мелкая дробь перепеловъ и скворцовъ, плывутъ снова косяки курликающихъ журавлей и огари, съ ярко-малиновыми ногами и носомъ, точно обмокнутые въ ярко-пламенную киноварь. Волосяные кулички, и тѣ летятъ. Длинныя перья на ихъ шеѣ и хребтѣ заворачиваются отъ вѣтра, и кажется, будто распукленные хлопки шерсти летятъ по воздуху. Дѣти пускаютъ въ это время, изъ луковъ, въ перелетную птицу камышевыя стрѣлы, облѣпленныя на концѣ смолою. Большею частью эти стрѣлы уносятся подъ крыльями дюжей птицы; но иногда жирный, упитанный гусь, догнанный ловко-пущенною стрѣлою, падаетъ изъ недосягаемой высоты и разбивается тутъ же о твердую землю. Въ воздухѣ свѣжѣетъ. Пахнули первые утренники. Значитъ, зацвѣла гдѣ-то, вовѣки незримая, трава глодъ. На Покрова́ толпа дѣвушекъ

идетъ молиться о Покровѣ женихамъ. Рослый, плечистый ата́манъ, неподкупный атаманъ Самойликъ, ведетъ съ послѣдней полевой работы, съ опашки и засѣвковъ подъ озимь, своихъ слобожанъ и, остановясь среди улицы, угощаетъ ихъ водкою. Палка, усѣянная бирками, отставлена въ сторону, и веселье идетъ разливанною рѣкой; самъ атаманъ расправляетъ усы и осушаетъ муравленный шкаликъ. Въ кружкѣ пьющихъ и поющихъ молодицъ прохаживается здоровая, полноикрая бабенка; носъ ея ужь озарился лучами подступающаго веселья, и, прохаживаясь мелкимъ топотомъ, бренчитъ она подковами и припѣваетъ: „Вотъ, бабы, какая я хорошая! Вотъ, бабы, какая у меня плахта! Гуляй, бабко!.. Эхъ, но-ожъ гуляй, бабусю!“—Бабуся, однако, гуляетъ не долго!—Сине-водная весна, зеленоблагоуханное лѣто и золото-багряная осень прошли; краски полей измѣнились: бѣлая зима недалеко. Морозъ неожиданно перекидывается изъ-за цѣпи приземистыхъ косогоровъ, грянетъ стужа, и достанется тогда на славу всѣмъ лысымъ и плѣшивымъ. Иззябшія галки снуютъ по небу и каркаютъ, пророча близкую зиму. Снѣгъ виситъ въ каждой тучкѣ, виситъ надъ омертвѣлою, опустѣвшею степью.

Зима! Долгая, скучная зима!

Вы хотите знать, какъ живется на слободкѣ зимою?—Какъ живется? Живется скучно!—Нѣтъ на слободкѣ ни каминовъ, ни газетъ, ни театровъ; нѣтъ на ней ни баловъ съ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ, зеркальными полами, яркою зеленью и сверкающими, обнаженными плечами. Скучно живется зимою на слободкѣ!—Слобожане, однако, стараются разогнать эту скуку. Чуть пришла пора рѣкостава и подступили Егорій-съ-гвоз-

демъ и Никола-съ-мостомъ, окна законопатились, и земля съ водой сплотилась однимъ непрерывнымъ мостомъ. Время работъ внутри двора настало.—Эти, напримѣръ, бѣлыя, чистенькія хатки разукрашиваются и убираются весьма затѣйливо. Стѣны подъ образами разрисовываются розовыми, голубыми и зелеными полосками, какъ цвѣтутъ розы и васильки; тутъ же втыкаются пучки любистка, гвоздики и полыни, и послѣдняя трава считается травой очистительной. Вымѣненныя у Цареборисовскихъ и Салтовскихъ маляровъ иконы, между которыми особенно уважается икона Межигорской Богоматери, освѣщаются передъ каждымъ праздникомъ восковыми свѣчами. Страстная свѣча припасается на случай грозы. Тутъ же, въ мѣшкѣ, виситъ артосъ и ладанъ и для неизлѣчимыхъ болѣзней полотенце, которымъ священникъ отиралъ съ престола пыль. Надъ дверью, въ пузырькѣ, виситъ крещенская вода; ею кропятъ перепуганныхъ дѣтей. Ткацкій станъ стучитъ и хлопаетъ съ утра до ночи, и гребень, съ начатою мочкою пряжи, уже не пускаетъ Ковалеву-Катрю, щеголиху и пѣвунью, взглянуть лишній разъ въ обломокъ зеркальца, вмазанный между окнами. Начинается долгая пора домашнихъ работъ; работы коротаютъ время и скуку.—Хлопотуньи-хозяйки встаютъ, или, какъ говорятъ слобожане, рушатся первыя; задолго до разсвѣта, почти въ полночь, зажигаются жировые каганцы, и пряжа прядется до самой зари. Усталые глаза липнутъ отъ дремоты, но веретено жужжитъ и прыгаетъ по глиняному полу. Чуть заря, начинается стрепня обѣдовъ. Полностаная, полногрудая дивчина, взявши круглое коромысло съ двумя ведрами на плечи, идетъ за водой, и пышно колы-

шется на ней бѣлая новая свитка съ двумя черными сердечками на спинѣ, у пояса. Время обѣда, о вы, отдаленные читатели столичные, на слободкѣ — десять часовъ утра. Послѣ обѣда—кто садится опять за пряжу, кто за ткацкій станокъ, а кто и за шитье людямъ на сторону. Съ сумерками настаетъ топка печей къ ужину. Ужинаютъ въ пять часовъ, и вслѣдъ затѣмъ на слободкѣ уже не слышно человѣческаго голоса. Мужики, впрочемъ, какъ и слѣдуетъ, лѣнивѣе бабъ. Мужикъ, отработавшись осенью, до первой новой теплыни лежитъ себѣ на печи и знать ничего не хочетъ. Онъ и за золотыя горы не пойдетъ зимой на заработки: чего ему еще надо? Хлѣба у него полны закрома, въ хатѣ молодая жена, на ногахъ одни сапоги, а другіе сапоги еще въ дегтѣ такъ и мокнутъ: только задумалъ, надѣлъ и щеголяй по слободкѣ! — „Жинко, найди трубку!“ — говоритъ хозяинъ съ печи. — „Да гдѣ-жъ она?“ — говоритъ жинка, шаря по угламъ. — „Да ты ужъ знаешь, гдѣ она“, — говоритъ мужъ, потягиваясь и зѣвая на печи. — „Гдѣ — знаешь! — не знаю!“ — говоритъ робко жинка, теряясь въ тщетныхъ поискахъ. — „Да ужъ найдешь!“ — говоритъ непропѣтый лѣнтяй: — „ты только ищи тамъ, гдѣ пахнетъ!“ И терпѣливая жинка ищетъ тамъ, гдѣ пахнетъ, и точно — находитъ трубку. — Но печелюбы и лѣнтяи — не главный народъ слободки. Расторопный хозяинъ съ зари уже за работою. Онъ идетъ на загонъ, задаетъ кормъ воламъ и атавѣ, молотитъ, вѣетъ, толчетъ, мелетъ крупу, мелетъ муку, мелетъ табакъ, возитъ дрова, или садится за какое ремесло — бочарное, столярное, кожевенное, кузнечное или малярное. Не замѣтишь, какъ Варвара уже ночи украла и

дня притачала, — и смотритъ слобожанинъ: не идетъ-ли уже весна съ поля? Нѣтъ! далеко еще, не идетъ! Будутъ и сильныя вьюги, и сильные морозы; будетъ еще семь долгихъ морозовъ,—морозы: михайловскіе, введенскіе, екатерининскіе, никольскіе, рождественскіе, аѳанасьевскіе и срѣтенскіе. Въ ясную оттепель гурьба ребятишекъ бѣжитъ за околицу — катать снѣжные шары. Изъ шаровъ возникаетъ огромный, головатый человѣкъ— и съ руками, и съ ногами, и съ носомъ, и съ усами; его обкачиваютъ водою, и ледяной великанъ остается до перваго дождя, служа непомѣрною потѣхой слободскимъ ребятишкамъ. Но, наконецъ, пряжа и молотьба, всякія ремесла и снѣжный великанъ, и все надоѣло! Зима тянется нескончаемо. Настаетъ пора сказокъ... Старухи гадаютъ внучатамъ и внучкамъ на угли, на воду и красныхъ пѣтуховъ. Онѣ говорятъ краснощекимъ внучкамъ: „Ты не бойся, кубышка моя, ты не бойся, муравленая; ты, кубышка, на счастье шла, макѝтру пироговъ несла, еще курицу жареную, еще утицу перепареную, будь здорова, кубышка моя!“ Скопидомка-знахарка, старая старица, всегдашняя дѣвица, сбрызгиваетъ сглаженныхъ недобрымъ глазомъ, выливываетъ переполохъ, завариваетъ сояшницы, лечитъ дѣтскую чахлость и старческую вялость, шепчетъ на зубы, сводитъ куриную слѣпоту, сшептываетъ бѣльма, находитъ вѣдьмины горы и даритъ охаяннымъ хозяевамъ неразмѣнный рубль. Приди только бѣдственное сердце, она утѣшитъ; приди сердце покинутое, она дастъ зелье на слѣдъ; приди человѣкъ испорченный, она дастъ зелье на вѣтеръ; по пѣтуху откроетъ вора и по пчельному соту исправитъ пчелиное дѣло. Обратись къ ней немощный, она оградитъ отъ

*

всего; заговоритъ отъ тоски по насердкѣ, отъ несчастія въ дорогѣ; заговоритъ отъ змѣи, отъ крови, отъ зубной скорби, отъ икоты, отъ войны и мора, отъ черныхъ муріевъ, отъ красныхъ мышей съ зеленымъ глазомъ, отъ живота и отъ подпечныхъ „дидьковъ“, принимающихъ такое участіе въ хозяйствѣ. А что такое подпечный дидько, это всякъ ужъ скажетъ! Да я думаю, что даже и не скажетъ, потому что врядъ-ли кто рѣшится сказать, когда — того и гляди — старецъ, величиною съ воробья, въ войлочной шапкѣ и весь синій, выглянетъ изъ темнаго угла... А вотъ и неожиданная свадьба проглянула на слободкѣ. Сваты, перевязанные ручниками, подходятъ къ окну отца и матери невѣсты и говорятъ: „Мы слышали, что у васъ есть гусочка, а мы приготовили гусака; такъ какъ бы ихъ спарить,—чтобы ужъ вмѣстѣ ходили и вмѣстѣ паслись?“—На это отвѣчаютъ: „Рады господамъ сватамъ!“ — и пиръ горою начинается. Только-что прошла свадьба и хмѣльныя головы простыли, опять веселье и опять радость: сочельникъ рождественскій на порогѣ. Хата за-ново обѣлена и размалевана. Надъ столомъ красуется новая картина; кадка меду, чистаго. какъ глыба перваго снѣга, отдана за нее лиманскому звонарю, и еще переминался рыжій звонарь и утѣшился только тогда, какъ выпилъ еще кварту сливянки и взялъ на рубашки дѣтямъ кусокъ полотна. На картинѣ написанъ запорожскій гайдамакъ въ зеленомъ кунтушѣ и синихъ шароварахъ; чубъ свѣсился за ухо и коротенькая люлька торчитъ въ зубахъ. Тутъ же стоитъ бѣлый конь и фляжка съ водкою; на деревѣ—полковой гербъ, а на землѣ—ружье и рогъ. Гайдамакъ что-то шьетъ. А внизу надпись: „Сидитъ

казакъ на стерну и штаны латаетъ; стерна его очень колетъ, а онъ стерну лаетъ!“ — Хозяинъ-домонтарь выбрилъ гладко бороду, подбрилъ усы и затылокъ и ходитъ по хатѣ, въ ожиданіи праздника. Дѣти несутъ крестнымъ отцамъ вечерю: узваръ, кутью и пироги. Въ звѣздную, морозную ночь начинаются колядки. Толпа дивчатъ идетъ чествовать святой вечеръ. Шумныя толпы славятъ Христа. По улицѣ несутся пѣсни: „Ой, рано-рано, куры запѣли; святый вечеръ!“ По улицѣ несутся пѣсни: „Ивашко всталъ, лучкомъ забряжчалъ, зоветъ братьевъ въ поле; тамъ куница въ деревѣ, а дивчина въ теремѣ!“ Толпа парубковъ пересѣкаетъ имъ дорогу, сбиваетъ ихъ съ голосу, и строгія пѣсни колядокъ смѣняются пѣснями шуточными. Раздосадованныя дивчата поютъ: „Поѣхали хлопцы на ловы до зеленой дубравы; та уловили комаря-звонаря; стали суды судити, стали комаря дѣлити!“ Парубки на это только слушаютъ и ничего не поютъ. Колядки смѣняются щедровками. На Меланку, ребятишки и дѣвочки ходятъ съ мѣшками и поютъ подъ окнами стариковъ, собирая за это, точно убогіе странники, куски хлѣба, пироги, колбасы и блины. Но ничто такъ не радуетъ дѣтей, какъ утро новаго года. Тутъ имъ полное раздолье. Съ шерстяными рукавицами, полными гороху, овса, гречихи и проса, они врываются въ хаты дядьковъ и дѣдовъ, врываются и посыпаютъ сонныхъ дядьковъ и дѣдовъ полными горстьми зеренъ, посыпаютъ окна, столы и даже вставшихъ хозяевъ, причитывая: „На счастье, на здоровье! Уроди Боже жито, пшеницу и всякую пашницу! Съ новымъ годомъ и съ Василемъ!“ Пришло Крещенье... Сыплетъ и медленно падаетъ мох-

натый снѣгъ, сугробы застилаютъ дорогу; на рѣчкѣ прочищена сверкающая полоса синезеленаго льда, и толпа ребятишекъ скользятъ и катятъ по ней палки, подбиваютъ другъ друга, кричатъ и смѣются на морозѣ; и не видятъ они, не замѣчаютъ, какъ клонится къ закату и угасаетъ недолгій февральскій вечеръ. Но что это? Съ холма, со слободки, идетъ длинная вереница; печально и тихо идетъ толпа, неся высокіе кресты, церковные высокіе фонари и хоругви. Солнце скрылось за сплошныя бѣлыя тучи, и безпредѣльнымъ саваномъ разстилаются бѣлыя степи. Умеръ ата́манъ, умеръ высокій, чернобровый ата́манъ, вождь и начало всѣхъ трудовъ, всѣхъ безчисленныхъ работъ и заботъ слобожанскихъ. Смежились долгимъ сномъ его зоркіе глаза, и палка, усѣянная бирками, навѣки покинута! Жилъ онъ привольно и богато, и по заслугамъ, какъ говорится, одна рука его была въ меду, а другая въ патокѣ. Не станетъ онъ болѣе передъ косцами, не тряхнетъ кружкомъ нависшихъ на лобъ волосъ, не скажетъ: „А ну-те, господа слобожанство! а гдѣ ваши руки, да и гдѣ ваши ноги?“ И тутъ же, сорвавъ зеленую козѣльку, не прибавитъ болѣе: „Хорошая козѣлька! славная козѣлька! не дураки овцы, что ее такъ любятъ!“—Довольно! Отработался первый и лучшій работникъ слободки, отработался честно и до послѣдней капельки силы! Толпа идетъ и нѣсколько разъ останавливается. И всякій разъ, какъ она останавливается, священникъ, въ темной рясѣ, читаетъ во всеуслышанье вѣщую страницу разогнутой Вѣщей Книги. Толпа подходитъ къ погосту. Могила принимаетъ должное ей тѣло, и всѣ тихо расходятся по домамъ. Придетъ опять

весна, степи зазеленѣютъ, но уже не встанетъ изъ могилы покойный атàманъ! И вотъ подулъ вѣтеръ, метель хлынула и заклубилась, степь потемнѣла, какъ море, и только съ уединеннаго кургана смотрятъ недвижно недвижные взоры каменной бабы, смотрятъ и слѣдятъ по былому за тихимъ шествіемъ пустынной, степной жизни...

А между тѣмъ, послѣдняя льдинка растаяла, съ Аѳанасія полозъ пошелъ глубже, корова бока стала грѣть. Аксинья-полузимница привела ясные дни и ясныя ночи, и вотъ опять пахнула теплынь и радость, изъ вирія опять летятъ птицы, опять катится по небу животворящая весна; и не видитъ слобожанинъ, и не слышитъ слобожанинъ, какъ убѣгаетъ передъ нимъ вереница тихихъ годовъ, и самая старость для него не несетъ уже изнуренія души и тѣла, не несетъ тоски и скучныхъ жалобъ дряхлости; она является къ нему какимъ-то яснымъ, умиротворяющимъ возвратомъ къ дѣтству, возвратомъ къ началу жизни, возвратомъ къ тишинѣ и незлобію стремленій и помысловъ.—Такъ-то живется въ степной, маленькой слободкѣ, въ слободкѣ на рѣчкѣ Балаклейкѣ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе 3

I. Дѣдушкинъ домикъ 15

II. Старосвѣтскій маляръ. 37

III. Бѣсъ на вечерницахъ 75

IV. Степной городокъ. 109

V. Хуторянка. 145

VI. Пельтетепинскіе панки 193

VII. Слободка. 223

Вышло полное, **посмертное** собраніе сочиненій, въ 9 томахъ,

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО

(съ портретами и біографіей автора).

СОДЕРЖАНІЕ

(Жирнымъ шрифтомъ обозначены новыя произведенія, или никогда не входившія въ полное собраніе сочиненій).

ТОМЪ I. **Біографія.**—Бѣглые въ Новороссіи — Воля.—**Чумаки.**—**Царевичъ Алексѣй.**

ТОМЪ II. Новыя мѣста.—Бѣглый Лаврушка.—Село Сорокопановка.—Феничка.—Семейная старина.

ТОМЪ III. Девятый валъ.—Четыре времени года.—Украинскія сказки.

ТОМЪ IV. Мировичъ.—Царь Алексѣй съ соколомъ.—Вечеръ вътеремѣ царя.—Екатерина Великая на Днѣпрѣ.—Христосъсѣятель.—Стрѣлочникъ.

ТОМЪ V. На Индію при Петрѣ I. — Княжна Тараканова. — Потемкинъ на Дунаѣ. — Уманская рѣзня.—Старосвѣтскій маляръ.

ТОМЪ VI. Сожженая Москва.—Восемьсотъ двадцать пятыйгодъ.—Знакомство съ Гоголемъ.—Сторія о Господѣ.—Поѣздка въ Ясную Поляну. — **II.**

Ф. Щербина.—Московскій Дворянскій Институтъ.

ТОМЪ VII. Черный годъ.—Бѣсъ на вечерницахъ.—**Былое и новое—Пенсильванцы и Каролинцы. — Вечеръ въ Черешняхъ.**

ТОМЪ VIII. Ричардъ III.—Цимбелинъ.—Украинская старина.—**Слобожане,** малороссійскіе разсказы: **Введеніе-Степной городокъ.-Слободка-Дѣдушкинъ домикъ-Хуторянка.-Пельтетешнскіе панки.**

ТОМЪ IX. Стихотворенія.—**Пиръ у поэта Катулла.-Гвайя-Лиръ. — Шарикъ.—Дѣвочка** (Лебединая пѣснь объ одной пташкѣ).-**Насѣчники. —Невытанцовалось.** (Повѣсть въ двухъ частяхъ и 11 главахъ).—**Путевыя замѣтки.—Письма изъ-за границы.**

Складъ изданія въ типографіи «Стасюлевича». Васильевскій островъ, 5-я линія.

Цѣна за всѣ 9 томовъ **15 руб.** стоимость пересылки по вѣсу. Выписывающіе отъ издателя Невскій пр., д. 71, кв. 3, за пересылку ничего не платятъ. Здѣсь же, гг. служащіе во всѣхъ безъ исключенія казенныхъ учрежденіяхъ, гг. офицеры полковъ и библіотеки высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній могутъ пріобрѣтать это изданіе, при поручительствѣ своихъ казначеевъ въ РАЗСРОЧКУ НА 12 МѢСЯЦЕВЪ, безъ уплаты за пересылку. Частныя лица получаютъ здѣсь же это изданіе, высылая деньги въ три срока, по 5 руб. За наложенный платежъ уплачивается отдѣльно 10 коп.

2007341087